

DANCE
BUTTERFLY
DANCE

REESE RIVERS

У Сави есть свои секреты, которыми она не может поделиться. Словно она никто и ничто, всегда одна, будто в аду. Все проходят мимо нее, игнорируя, как будто ее и не существует.

В то время как все, чего она хотела, — чтобы кто-то заботился о не Никто не замечает ее, пока она не заходит в клетку.

Она трепещет своими крыльями и играет свою роль на сцене.

Она прячется за маской и танцует для них, боясь того дня, когда ее секреты раскроют.

Когда маска будет сорвана, и они в ярости узнают о лжи, Бабочка, наконец, перестанет танцевать и научится летать.

Риз Риверс представляет

Танцуй,

Бабочка,

Танцуй

Эта книга посвящается всем женщинам, которые живут за маской, никогда не показывая миру, кто они есть на самом деле.

Пусть у вас хватит смелости сорвать ее, расправить крылья и лететь свободно.

— Если хочешь, сходи в душ перед уходом. Я тебе позвоню, — говорит он и выходит за дверь, едва оглянувшись.

Я смотрю на пустой дверной проем с обидой и недоверием, а затем быстро натягиваю простыню, чтобы прикрыть свое дрожащее, обнаженное тело. Горячие слезы унижения жгут мне глаза. И это все? Это и есть секс? Мои глаза закрываются, и я крепко зажмуриваю веки, чтобы сдержать слезы. Не могу поверить, что я так долго этого ждала. Я была, наверное, единственной двадцатилетней девушкой в кампусе, которая все еще оставалась девственницей. Но дальше стало только хуже. Парень, по которому я отчаянно сохла последние два года, за которым следила по всему кампусу и мечтала, чтобы он заметил меня, потратил едва ли десять минут... чтобы осквернить меня... и завершил это словами «Я тебе позвоню».

Я понимаю, что это значит. Это значит, что он не позвонит. Он не позвонит, не посмотрит на меня снова и даже не задумается, что это должно было стать важным моментом в моей жизни.

Даже не знаю, почему ожидала, что это будет волшебный опыт. Жизнь не похожа на романы. Наверняка первый сексуальный опыт большинства девушек ужасен, болезненный и, возможно, даже скучный. Лишь немногим везет, а в каждом вымышленном романе девушка получает свой первый джекпот. Я знаю. Знаю, что книги, которые читаю, не реалистичны. Понимаю, что застенчивая, непопулярная девушка вроде меня не получит парня, на которого все в кампусе пялятся и мечтают, чтобы он посмотрел в их сторону. Но всего на несколько минут я поверила. Однако, то, что я реалистка, не уменьшило боль от этого переживания.

Я лежала несколько минут, сгорая от стыда, унижения и разочарования, пока не услышала мужские голоса где-то в доме. Этого было достаточно, чтобы я соскочила с кровати и бросилась к своей одежде. Никогда в жизни я не одевалась так быстро, но, когда натягиваю ботинки, замечаю красное пятно крови на простынях и замираю. Смотрю на него, а слезы снова угрожают вырваться, с моих губ срывается приглушенный всхлип. Это пятно как мигающий неоновый знак, кричащий о том, какая я неудачница, это просто невозможно больше выносить.

Мои пальцы превращаются в когти, и я срываю простыню с кровати, сворачиваю ее и запихиваю в свой огромный рюкзак. Я не оставляю доказательств произошедшего, ни ему, ни кому-либо другому, как возможность поиздеваться. В моей жизни этого было достаточно. Если он подумает, что я какая-то сумасшедшая девчонка, ворующая простыни — меня это устроит. Лучше это, чем если он узнает правду. Я практически выбегаю из комнаты, спускаюсь по лестнице к входной двери, но как только моя рука берется за ручку, я слышу смех из глубины дома. При словах "*сорвал ее вишенку*" и "*лежала как труп*", сопровождаемых раскатистым смехом, мое лицо бледнеет, а тело начинает дрожать. Сдерживаю очередной всхлип, распахиваю дверь и выбегаю в прохладный осенний полдень.

Сдерживаю все это, каждую ноющую эмоцию, которая грозит разбить меня на части, пока не захлопываю дверь своей однокомнатной квартиры вне кампуса и не падаю на колени. Эмоции вырываются наружу, как бушующий поток самоуничижения. Это просто последний удар в длинной череде: недостаточно хороша, недостаточно красива, недостаточно популярна — чувства, которые я испытывала всю свою жизнь. Это должен был

быть мой год. Все должно было измениться. Я провела лето, наблюдая, как моя сводная сестра сияет, как звезда, а сравнения и придирки мачехи только закаляли меня.

Я отсчитывала каждый день до возвращения в университет с обещанием самой себе, что я изменю... все. У меня был план! Я собиралась перестать жить в тени Ванессы, перестать прятаться за маской, и действительно, на самом деле начать жить в университете. Я планировала наконец-то разговаривать и флиртовать с Хантером, а не просто таскаться за ним. Собиралась обналичить свою карточку и иметь ВСЕ, о чем читала в книгах. Ходить на вечеринки, посещать игры, разговаривать с людьми и найти друзей. ЭТО ДОЛЖЕН БЫЛ БЫТЬ МОЙ ГОД! А сейчас, я натягиваю бесформенный кардиган, оборачивая его вокруг себя. Я собираюсь спрятаться в углу, как делала всю свою жизнь, и молиться, чтобы никто не узнал, как эпично я только что пала.

Просто буду делать свое дело. Днем прятаться на виду, а ночью скрываться за маской и надеяться, что когда-нибудь... когда-нибудь все наладится. Ведь... должно же, правда? Когда-нибудь я буду достаточно смелой, чтобы снять маску и стать женщиной в клетке.

Я несу стопку книг через библиотеку с глубоким укором на лице. Я облажался, и мне некого винить, кроме себя. Слишком много изученных игровых тактик и недостатков литературы привели к тому, что меня могут посадить на скамейку запасных, если не смогу подтянуть свои оценки. Многие университеты дают своим игрокам свободу действий, когда дело доходит до оценок, но тренер Гаррисон так не играет. Он просто чертовски жесток, когда дело касается нашей успеваемости. Я бы с удовольствием возненавидел его за это, но я все понимаю. Слишком много новичков выбыли из-за травм, убивающих карьеру, и им не на что опереться в будущем. Тренер может быть засранцем, но это только потому, что он заботится о нас, на поле и вне его.

Мой отец не такой заботливый. Единственное, что его волнует, — это мое место на драфте и количество нулей в контракте. Если я отстану и меня посадят на скамейку запасных хотя бы на одну игру, он придет в ярость. Последнее, что мне нужно, чтобы он прилетел сюда. Праздники и так не очень хорошо проходят, когда приходится иметь дело с ним и со всеми его задиристыми замашками. Так что мне нужно привести свою задницу в порядок и наверстать упущенное.

Швыряю стопку книг на кассу, бросаю взгляд на сотрудницу и снова хмурюсь. Я видел ее последние пару лет. У нас было несколько совместных занятий, и она работала здесь с тех пор, как мы были первокурсниками. Кажется, ее зовут... Сара? В прошлом она всегда улыбалась и была дружелюбна, когда просматривала мои книги, поэтому я и нахмурился. Сара смотрит на что-то с самым грустным выражением лица. Она действительно выглядит... опустошенной. Слежу за ее взглядом и закатываю глаза, когда вижу, как этот придурок Хантер прижимает хихикающую первокурсницу к книжной полке. Этот парень — гребаная скотина.

Отворачиваюсь, готовый убраться отсюда и заняться восполнением пропущенных знаний.

— Сара, хочешь обслужить меня? — спрашиваю, но она даже не смотрит в мою сторону.

— Эй! Сара! — зову чуть громче, и ее взгляд скользит в мою сторону.

Боль в этих больших, наивных голубых глазах за очками заставляет меня втянуть воздух, и я могу сказать, что она не видит меня. Черт, что случилось с этой девушкой?

— Ты в порядке, Сара?

Она несколько раз моргает, и на ее глаза словно опускается маска, чтобы скрыть все эмоции, которые только что отражались в них.

Она вздыхает и бормочет:

— Сави, а не Сара, — она тянется к моей стопке книг и начинает их пробивать.

Я сдерживаю дрожь.

— Извини. Я Тейт.

Ее руки приостанавливают свою работу, и она натягивает очки на нос, глядя на меня, наклонив голову, издавая еще один из этих грустных вздохов.

— Татум Вэлор. Квотербек, футбольный бог, специальность по английскому и три групповых занятия со мной за последние два года. Да, я знаю твое имя, спасибо, — говорит она с безразличием, прежде чем опустить глаза и вернуться к книгам.

Ну, я и осел. Я должен был знать ее имя, потому что теперь я вспомнил, что мы вместе выполняли задания. Просто она всегда была такой тихой и сдержанной, ее легко было не заметить. Думаю, что сказать, чтобы попытаться исправить ее негативное мнение обо мне, но ничего не приходит в голову, так что, как бы то ни было, от меня нельзя ожидать, что я буду помнить имя каждой девчонки. Когда ее лицо снова покрывается грустью и она смотрит мимо меня, а Хантер проходит рядом со все еще хихикающей первокурсницей, я прослеживаю, как он встречается взглядом с Сави, замечаю ухмылку, когда он видит ее, и руку, которую он поднимает в быстром взмахе.

— Привет, Кэти. Рад тебя видеть.

Он уходит не останавливаясь, и когда я смотрю на Сави, вижу, как ее глаза плотно закрываются, а лицо становится ярко-красным. Она произносит имя Кэти, покачивая головой, и костяшки ее пальцев становятся ярко-белыми, когда она сжимает одну из моих книг.

— Эй, не позволяй этому парню добраться до тебя. Он гребаный подонок, — говорю ей, пытаюсь скрасить момент, что бы это ни было. Мне кажется, я слышу, как она шепчет «слишком поздно», но делает глубокий вдох, наклеивает хрупкую улыбку и протягивает книгу, которую сжимает.

— Одна из моих любимых! Кэти и Хитклиф, такая глубокая любовь, — восторженно говорит она мне, с небольшой паузой в голосе.

Я просто киваю, чтобы она быстрее пробивала товары, изучая ее, пока она работает, опустив голову, ее очки снова сползают на нос. Она невысокая, наверное, доходит мне до подбородка. Ее темно-каштановые волосы убраны в аккуратный пучок на макушке, и я пытаюсь вспомнить, насколько они длинные, но ничего не получается. Трудно сказать, какая у нее фигура, так как на ней безразмерный темно-синий кардиган, надетый поверх белой блузки и вельветовой юбки. Она не стройная девушка, у нее есть изгибы, но, опять же, трудно разглядеть под ее громоздкой одеждой.

— Вот, держи.

Она прерывает мой осмотр ее тела, протягивая мне студенческий билет с очередным румянцем, окрасившим ее щеки.

Принимаю его с кивком и забираю стопку книг. Уходя, бормочу ей пожелание хорошего дня. Отстойно, что она грустит, но я не знаю ее по-настоящему, и сейчас у меня полно дел, поэтому я вытесняю ее опустошенные голубые глаза из своих мыслей и направляюсь к двери.

Выгибая спину и выпячивая задницу, наклоняюсь и провожу пальцами по своей ноге снизу вверх, в то время как "Tempo" Lizzo гремит в клубе. Волосы моего неоноворозового парика разлетаются вокруг крыльев бабочки на спине, когда я делаю развратный пируэт, выполненный совершенно, благодаря десяти годам частных уроков балета. Маленькая, скрытная улыбка растягивает мои розовые губы под полумаской, которая на мне, когда думаю о том, что моя мачеха закричит от ужаса, если увидит, как я использую все эти тренировки. Мои бедра крутятся, когда я прижимаюсь к прутьям клетки и опускаюсь в глубокий присед, мини-юбка едва прикрывает розовые стринги. Я использую прутья, чтобы подтянуться и отправить воздушный поцелуй мужчинам, наблюдающим за каждым моим движением из-за ближайшего столика, а затем откидываю волосы назад и отворачиваюсь от них, как будто они не представляют ничего особенного.

Песня за песней, я отдаюсь ритму и позволяю басам и тексту смыть боль последней недели. Только здесь, в безопасности и под защитой маски и клетки, я могу стать той женщиной, которой хотела бы быть. Здесь, в этой клетке, я уверена в том, что могу быть кем угодно.

Я работала танцовщицей go-go в «Маске» с середины первого семестра первого курса.

Шла по кампусу, одинокая и потерянная, и думала, почему я решила, что университет будет отличаться от старшей школы. По какой-то причине, верила, что требуется всего лишь уехать подальше от моей идеальной сестры, которая была королевой в нашей школе, и у меня появится шанс блеснуть. Ага, конечно. Другой университет, другие ученики... все та же чертова я.

Я чуть не споткнулась и не упала, когда отовсюду зазвучала музыка и, словно по волшебству, появился танцевальный флешмоб. В благоговении, я наблюдала, как женщины в маскарадных масках выплясывают под сексуальную музыку. Их уверенная манера поведения и непринужденная сексуальность завораживали. Оторвав взгляд от танцовщиц и оглядевшись вокруг, я увидела, что каждый студент мужского пола, да и многие студентки, пускают слюни по танцовщицам. Я захотела стать одной из них всеми фибрами своего существа.

Как только песня закончилась, танцовщицы разошлись по толпе, раздавая флаеры клуба «Маска», в котором они все работали. В самом низу листовки была информация о наборе танцоров. Прижав эту бумажку к груди, как спасательный круг, я побежала в свою комнату в общежитии. Мне потребовалось шесть попыток набрать номер телефона, и, даже когда мне ответили, мой голос прозвучал пискляво, задавая вопрос набирают ли они сотрудников. Два дня спустя, надев свой розовый балетный купальник, я кусала нижнюю губу, стоя в очереди с двадцатью другими девушками, ожидающими начала проб.

По мере того, как уменьшалась очередь, моя грудь сжималась все сильнее и сильнее, глядя, насколько они превосходили меня. Эти женщины источали секс каждым своим движением. Я шаркала все ближе и ближе к двери, пока, наконец, не выдержав выскочила наружу. Влетела в ближайшую уборную и едва успела добежать до унитаза, прежде чем меня вырвало, тем небольшим количеством еды, которое мне удалось заставить себя съесть в этот день. Наконец, я закончила блевать, прополоскала рот и подняла побежденные глаза на свое отражение. Взглянув на свои идеально собранные волосы и безупречный костюм, я

разразилась резким смехом. И снова... я недостаточна хороша.

Чем дальше я смотрела на свое отражение, тем больше злилась, пока не потянулась вниз и не прорвала дыру в колготках. Мои пальцы рвали и рвали, костюм уже едва держался на теле. Покопавшись в сумке, я нашла черный шарф и повязала его вокруг бедер, как самую короткую юбку. Выдернув волосы из аккуратного пучка распустила их, пока мои темно-каштановые локоны не рассыпались по лицу и плечам, а затем просто обхватила столешницу белыми костяшками пальцев, пытаясь заставить себя вернуться туда и... попытаться. Дверь в ванную запахнулась, заставив меня вздрогнуть и бросить панический взгляд в ту сторону, чтобы встретиться с удивленным взглядом одной из танцовщиц.

Эта женщина была великолепно с тем непринужденным стилем, который кричит об уверенности, и мне хотелось иметь хотя бы часть того, что есть у нее.

— Вау, не ожидала такого, — смеется она. — Ты похожа на сломанную куклу Барби, с которой долго играли и отбросили в сторону. Это гораздо лучше, чем то, с чем ты сюда пришла!

Я пытаюсь сформировать слова для ответа, но они не могут пройти через комок нервов, застрявший в моем горле. Ее забавное выражение смягчается, когда она подходит ближе ко мне.

— А как насчет косметики? У тебя есть что-нибудь?

Качаю головой, мое дыхание участилось. Я... я не могу этого сделать! Это не я. Они все только посмеются, над моей попыткой быть такой женщиной, которую они ищут. Я на волосок от того, чтобы разорваться на куски и броситься за дверь, когда она кладет руку мне на плечо и сжимает.

— Тебе нужно дышать. Вдохни поглубже, девочка.

Делаю вдох, потом еще раз, и тугой клубок в моей груди немного распутывается.

— Хорошо. Теперь настало время действовать или сломаться. Копни глубже и реши. Хочешь ли ты этого? Хочешь ли ты эту работу?

Мои руки сжались в кулаки. Хочу. Я действительно, очень хочу этого.

— Д-да. Да, да! — говорю я ей и получаю кивок и улыбку в ответ.

— Хорошо. Давай тогда тебя накрасим.

Она бросает свою сумку на столешницу и достает косметику. Она открывает палетку цветов и изучает мое лицо, прежде чем снова кивнуть.

— Да, сделаю тебя свирепой, будет соответствовать твоему образу. Чистый черный цвет вокруг глаз и густые черные ресницы. Твои голубые глаза засияют!

Она приступает к работе, раскрашивая меня, как куклу, и я позволяю ей это, во мне бурлит чувство благодарности.

— Почему ты помогаешь мне? Разве мы не конкурируем за одну и ту же работу?

Она с фырканьем отбрасывает свои белокурые волосы через плечо.

— Милая, я делаю свою работу. Делаю работу каждой женщины. Помогаю тебе подняться, когда ты спотыкаешься. Вместо того чтобы соревноваться друг с другом, мы должны начать помогать друг другу. И тогда мы все поднимемся. Кроме того, им нужны четыре новых девушки, а не одна.

Она поворачивает меня лицом к зеркалу, и меня потрясает то, что я вижу. Я действительно выгляжу свирепой, а мои голубые глаза сияют цветом электрик в окружении всего этого размазанного черного.

Мои накрашенные губы приподнимаются в ухмылке, и она огрызается:

— НЕТ! Никаких улыбок! Ты должна держать жесткий, напряженный взгляд. Ты должна сжечь их своим огнем, когда будешь танцевать. Улыбка только в конце, и лучше пусть это будет ухмылка, которая покажет, что ты знаешь, что получила работу, и продемонстрирует уверенность. Итак, под что ты танцуешь?

Я жую нижнюю губу.

— Я собиралась танцевать под песню Тейлор Свифт...?

Она отбрасывает волосы назад с очередным смехом.

— Да, нет. Балерина, которая пришла сюда, возможно, и была поклонницей Свифт, но это... — Она машет мне рукой вверх и вниз. — Вот это — нечто другое. Знаешь "River"? Дай свой телефон, понадобится микс "King Cavalier".

Даю свой телефон с открытым музыкальным приложением, и она добавляет трек.

— Хорошо, до тебя осталось еще три девушки, так что послушай песню несколько раз и иди последней. Ты должна думать о власти, когда танцуешь. О своей силе. Ты хочешь чего-то, и ты это получишь. Много хлопанья и притопов в такт. Это танец, в котором ты берёшь все и ничего не даешь взамен. Только ты и музыка, поняла?

Сглатываю остатки нервов и через силу выдавливаю улыбку.

— Спасибо! Я бы не смогла... просто, спасибо.

Она бросает косметику обратно в сумку и подмигивает.

— У тебя все получится, тебе просто нужно выбраться из собственной головы. — Она останавливается, поворачивается ко мне и с серьезным видом берет меня за руки. — Могу дать тебе еще один совет? Для танцпола и на каждый последующий день. — Я медленно киваю, и она расправляет плечи.

— Этот злобный маленький голос в твоей голове, который кричит на тебя, говорит, что ты недостаточно хороша, недостаточно сильна, что ты не можешь сделать что-то? Каждый раз, когда ты слышишь его в своей голове, кричи в ответ... ПОСМОТРИ НА МЕНЯ, а затем просто делай, потому что, милая, этот голос — гребаный лжец!

Я даже не могу удержаться от того, чтобы не обнять эту прекрасную, удивительную женщину в знак чистой благодарности. Мне очень нужно было это услышать. Отстраняясь, она чмокает меня в нос и дергает головой в сторону двери.

— Иди... иди и заставь их смотреть на тебя.

И теперь, два года спустя, они все смотрят на меня, когда я задираю ногу над головой, и держась за решетку, делаю контролируемое падение. В безопасности за маской я могу гореть, грешить и продавать фантазии. Неважно, что за пределами этого клуба я никто. Неважно, что Хантер смеялся, как будто произошедшее было пустяком. Неважно, что Тейт даже не запомнил мое гребаное имя за два года учебы вместе, потому что здесь они знают, кто я. Здесь я — гребаная бабочка, и все они следят за мной!

Поднимаюсь по лестнице на второй этаж клуба, готовый позволить этому дню соскользнуть с меня. Отмахиваюсь от девушек, пытающихся привлечь мое внимание, и направляюсь к своему обычному столику. Мрачный взгляд заставляет двух парней, занимающих его, быстро убраться оттуда. Все, кто приходит сюда, знают, что это наше место. Я поманил пальцем ближайшую официантку и получил кивок, снял свою кожаную куртку и бросил ее на один из пустых стульев, наконец опускаясь на свой. Отсюда открывается идеальный, блядь, вид. Мои губы подрагивают, когда я вижу, что сегодня на ней горячий розовый парик. Это мой второй любимый цвет из тех париков, что она носит.

Мышца за мышцей, напряжение уходит, когда я наблюдаю за ее движениями, девушки моей мечты, моей Бабочки. Я наблюдаю за ней уже два года, но все еще не могу насытиться. За это время я дважды пытался поговорить с ней, просил о большем, спрашивал ее номер, ее имя. Оба раза она смотрела на меня своими чертовыми глазами, взгляд которых я никак не могу понять, и, взмахнув волосами, поворачивалась ко мне спиной, чтобы продолжать танцевать.

Может быть, именно поэтому она танцует для меня так часто. Тайна ее личности... С ней нет драмы, нет игр. С ней мне не нужно притворяться. Она танцует, а я смотрю. Может быть, я обманываю себя. Может быть, я просто еще один мужчина с развратным взглядом на ее теле, но верю, что между нами есть связь, даже если я никогда не слышал ее голоса и не видел ее лица за маской.

Но точно знаю, что я готов отдать ей все за одну ночь в моих объятиях. Откидываю голову назад и смотрю, как ее сладкая персиковая попка раскачивается в узкой юбке, и представляю, как эти пышные бедра сжимают мою голову, пока я пирую на маленькой киске, обтянутой розовым атласом, которая выглядывает, когда она наклоняется. Лучший способ описать мою бабочку... сочная. У нее такие изгибы, что мужчинам хочется впиться в нее, сжать и укусить. Ее бюст должен украшать нос корабля, а ее тонкая талия вызывает у меня желание схватить ее и поднять. Я мог бы смотреть на нее каждую ночь своей жизни и никогда не насытиться, а если бы я попробовал ее на вкус, прикоснулся к ней, одной ночи было бы недостаточно.

Официантка приносит мой напиток, и я опускаюсь в кресло еще глубже, раздвигая ноги, чтобы попытаться облегчить боль от джинсов, давящих на мой твердый член. Виски восхитительно обжигает, потягивая их и наблюдаю. Она стоит на качелях, извиваясь, когда из динамиков доносятся "Dirty mind". Это версия TikTok, и, клянусь Богом, моя бабочка поворачивается и смотрит прямо на меня. Она танцует только для меня, двигаясь в клетке под песню, ее руки бегут по сладким изгибам. Когда начинается парная вокальная часть, она двигается быстрее. Ее бедра взлетают вверх, чтобы встретиться с воображаемым любовником, делающим все то, о чем поется, а затем она спускается и встаёт на барную стойку передо мной как раз в тот момент, когда звучит эта горячая строчка — *ты была чертовски хорошей девочкой*. Ее глаза, эти небесно-голубые радужки, пронзают насквозь, двигаясь прямо к члену с вызывающим взглядом. Мне требуется вся выдержка, чтобы не броситься к клетке лишь бы ответить на этот вызов, так как член пульсирует от потребности, а затем с взмахом ее волос и трепетом крыльев, она исчезает.

Какой-то парень за соседним столиком наклоняется ко мне и спрашивает:

— Эй, это твоя девушка, чувак?

Все, что я могу сделать, это кивнуть головой. Да, это моя гребаная бабочка.

Джуд и Бек вваливаются и садятся за стол. Не проходит и минуты, как перед ними ставят их любимые напитки. Клетка Бабочки все еще пуста, поэтому я отворачиваюсь от нее и смотрю на них. Эти парни — двое из трех моих лучших друзей, и я не уверен, ищут ли они неприятности или киску для траха, а может, и то, и другое, поскольку они изучают ассортимент клуба.

— Где Тейт?

Джуд закатывает глаза с ухмылкой — его грязные белокурые волосы спадают на одну бровь, скрывая серебряное кольцо в ней.

— Утопает в чернилах и книгах, чувак. Тренер пригрозил отчислить его, если он не исправит оценки.

Бек насмехается.

— Слава Богу, мне больше не нужно беспокоиться об этом дерьме.

Слова звучат легкомысленно, но я замечаю горечь в его глазах. Его футбольная карьера закончилась после неудачного удара, который он получил во время ACL в конце прошлого сезона. Парень провел большую часть лета на дне бутылки. Нам потребовалось три месяца, чтобы высушить его и вернуть в университет к новому году. Он усиленно занимается в спортзале в надежде на возвращение, но это маловероятно.

Бек допивает остатки в своем стакане, крутится на стуле и машет официантке принести еще одну бутылку, а затем бросает взгляд на группу девушек неподалеку.

— Где «Бабочка»? — спрашивает меня Джуд.

Я полусерьезно пожимаю плечами.

— Ушла на перерыв, наверное.

Он хихикает над моим незаинтересованным тоном, видя меня насквозь.

— Так что, это наконец-то будет год, когда ты добьешься своего? Или нам снова придется наблюдать, как ты сходишь с ума по ней в течение следующих двух семестров?

Хмуро смотрю на ее клетку. Что бы ни было между нами, это становится все сильнее и сильнее. Что-то должно переломить мои отношения с этой девушкой. Я не видел ее на летних каникулах и думал станет легче, но татуировка в виде голубой бабочки на моей груди, вперемешку с другими татуировками, которые я сделал в пьяном угаре одной жаркой летней ночью, говорит об обратном. Качаю головой, глядя на пустую клетку, и отворачиваюсь.

— Просто заплати кому-нибудь из персонала и узнай ее имя, чувак. Сделай это, а потом завязывай. Выкинь ее из головы.

— Думаешь, я не пробовал? Блядь, никто не идет на это. В «Маске» серьезно относятся к безопасности своих девушек. Они приезжают и уезжают на Uber через подземный гараж. У них там охрана, так что я даже не могу подкараулить на выходе. — Проглатываю свой напиток и наливаю еще из бутылки, которую принес официант. — Я попаду внутрь, только если Бабочка мне разрешит.

Беккет затаскивает смеющуюся девушку к себе на колени, его пальцы движутся прямо к внутренней стороне ее бедра, и она не жалуется. Подруги девушки толпятся вокруг нашего столика, и Джуду не требуется много времени, чтобы найти себе одноразовую спутницу. А я просто сижу и жду, когда бабочка вернется с перерыва, чтобы понаблюдать еще немного.

Бросаю розовый парик на стойку в примерной и снимаю крылья, а затем опускаюсь в кресло. Откидываю голову и закрываю глаза, но все равно вижу взгляд этих жестких, нефритово-зеленых глаз в обрамлении длинных черных ресниц, следящих за каждым моим движением. Боже, он был так напряжен. Возможно, последние несколько лет я как дура падала в обморок по Хантеру, но этот парень — тот, по ком я сгораю. Его глаза обещают все темные и развратные вещи, которые он сделает со мной, если я когда-нибудь уступлю и назову ему свое имя.

Только... это невозможно... потому что танцовщица, которая ему нужна, это не та девушка, которой я являюсь на самом деле. Ему нужна фантазия, которую я воплощаю, а реальная я не только не подхожу, но и заставила бы его либо завывать от смеха, либо смотреть на меня с отвращением и презрением. Поэтому я поддерживаю фантазию, ночь за ночью, танцуя для него за своей маской.

Вишнево-красный парик приземляется поверх моего розового, когда Стелла опускается в кресло рядом со мной, встряхивая своими белокурыми локонами. Она смотрит на меня с ухмылкой.

— Это был охуенный ход с парнем из бара. Броситься из клетки на барную стойку? Держу пари, он чуть не кончил в штаны. — Она хихикает, закатывая глаза, когда темный румянец заливаает мои щеки. — Черт возьми, Сав, ты меня убиваешь! Тебе нужно перебороть себя и пожалеть этого человека. Брось парню кость. Что самое худшее может случиться? Он тебя трахнет, поставит тебе несколько пятерок, а потом ты уйдешь.

Достаю футляр для контактных линз и салфетки для снятия макияжа, качаю головой и бормочу:

— Я ему не нужна, Стел. Ему нужна бабочка.

Стелла хмуро расстегивает сапоги до бедер.

— Прошло уже два года, а я все еще не понимаю тебя, девочка. Как... как ты можешь выходить на сцену и заставлять мужчин пускать слюни каждую ночь, а потом снимать маску и... превращаться в эту маленькую испуганную птичку? Ты можешь выбирать, детка. И к черту этого Хантера! Если бы он был настоящим мужчиной, он бы познакомил тебя со всеми способами, которыми мужчина должен заставить женщину гореть. Держу пари, парень из бара часами поклонялся бы тебе, пока ты не стала бы умолять его остановиться.

Мой румянец стал ядерным от картины, которую она нарисовала, но я знаю, я недостаточно храбрая, чтобы выяснить это, поэтому просто поджимаю губы и вытираю густую розовую помаду, ничего не ответив. Стелла раздраженно хмыкает и тоже начинает снимать макияж.

— Ладно, забудь о нем. Пойдешь с нами завтра вечером? Мы устраиваем девичник. Никакого клуба. Просто ужин и напитки в "Лосо's". Тебе нужно пойти и повеселиться, Сави. Расслабься немного.

Посылаю ей взгляд любви, но качаю головой. Я полюбила Стеллу с того момента, как она покрасила мои глаза черным и сказала, что я могу сделать все, что угодно, но я просто не подхожу ей и ее подругам. Начиная с того, как они одеваются и как непринужденно говорят о мужчинах и сексе, и заканчивая уверенностью, которой они светятся. Я просто не подхожу, и в итоге чувствую себя еще более стесненной рядом с ними. Лучше я буду сидеть в уютной

пижаме, с чашкой чая и хорошей книгой, чем пытаться вписаться туда, где мне не место, и выставить себя на посмешище.

Как только я оказываюсь в своей одежде, целую ее в макушку и машу рукой на прощание, направляясь к двери. Улыбаюсь Карлу, нашему охраннику на выходе, когда он открывает заднюю дверь Uber, стоящего в очереди. Женщина-водитель постоянно сотрудничает с нами, она приветствует меня по имени, а затем оставляет меня отдыхать без светских бесед. Я откидываюсь на спинку кожаного кресла и выгибаю стопы ног, пытаюсь унять боль, вызванную многочасовыми танцами на высоких каблуках, и со вздохом смотрю на проплывающие за окном здания.

Дело не в том, что я не хочу вписаться в компанию Стеллы и ее подружек, а в том, что просто не знаю, как говорить на их языке. В миллионный раз я жалею, что у меня не было мамы. Она умерла во время родов, и мой отец был глубоко ранен и разбит этим событием, так он завернул меня в защиту и спрятал, чтобы я всегда была в безопасности. У него была очень ответственная работа, поэтому большую часть своего детства я провела в окружении нянь, воспитателей и персонала. Я находила друзей и приключения в книгах и просто оставалась в них, вместо того чтобы выходить в реальный мир, пока он не приходил домой ночью и не делился со мной частичками себя. Он был моим миром так долго, а потом его не стало.

Такси высаживает меня, и когда я подхожу к двери, поворачиваюсь и машу водителю рукой, благодарная за то, что она подождала, пока я благополучно доберусь до дома. К тому времени, как я поднимаюсь в свою студию на третьем этаже, я готова упасть от усталости. Это была чертовски тяжелая неделя, и, выплеснув свои эмоции в танце сегодня вечером, я чувствую себя истощенной. С нетерпением жду следующих нескольких дней, когда смогу спрятаться и зализать свои раны, попытаться пережить то уродство, которым был мой первый сексуальный опыт, и двигаться дальше.

Бросаю сумку на стул, меняю обувь на огромные плюшевые тапочки и прохожу несколько шагов до моей крошечной кухни, чтобы включить чайник. Жду, когда он закипит, и осматриваю маленькое пространство, которое называю домом. Оно не такое уж и просторное: одна большая комната с двуспальной кроватью, втиснутой в один угол, маленьким письменным столом, уютным креслом и журнальным столиком, напротив которого стоит телевизор, микро-кухня и двухместный обеденный стол. Я могла бы иметь что-то побольше и более роскошное, если бы захотела, но я выросла, бродя по коридорам в десятки тысяч квадратных футов, как потерянная маленькая девочка. Студия — идеальна. Здесь уютно и я чувствую себя в безопасности.

Пока чай заваривается, раздеваюсь, надеваю пушистую пижаму из флиса с изображением кричащих уток и заползаю в кровать, подпираясь множеством подушек. Достая свою электронную книжку, открывая текущее произведение, и погружаюсь в другой мир, где женщины храбры и свирепы, а мужчины готовы сжечь мир ради них. Потягиваю чай, выделяю любимые отрывки и мечтаю позволить себе стать такой же как эти персонажей. Может быть, однажды...

Выходные пролетают слишком быстро, и я уже убираю книги в корзину, когда замечаю Хантера за столиком с очередной хихикающей девчонкой. Я пытаюсь — правда, пытаюсь — не дать этому повлиять на меня, но ничего не могу с собой поделать. Я такая идиотка. Попалась на его фальшивый шарм и интерес. Я даже не заставила его потрудиться, была в восторге от того, что он заговорил и флиртовал со мной. Все, что ему нужно было сделать,

это проявить хоть немного внимания ко мне, и я, блядь, упала в обморок и последовала за ним, как жалкий маленький утенок за мамой уткой.

Глубоко вздыхаю, я такая жалкая. Захлопываю книгу из своей тележки, ставлю ее на место на полке, и тут тишину библиотеки нарушает грохот. Вздрагиваю и оглядываюсь вокруг с извиняющимся выражением лица, и мой взгляд натывается на забавляющиеся глаза Тейта Вэлора цвета лесного ореха. Чувствую, как румянец покрывает мою шею и поднимается к щекам просто от того, что он смотрит на меня.

Бог играл с этим человеком в любимчиков, дав ему тело гладиатора и лицо, заставляющее ангелов плакать. Его темно светлые волосы искусно спутаны, а несколько длинных прядей, спадающих на лоб, только подчеркивают квадратную челюсть и пухлые губы, которыми он был благословлен.

Я моргаю от оцепенения, вызванного его внешностью, и осматриваю стол, за которым он сидит, заваленный открытыми книгами. Тейт обычно не завсегдатай библиотеки. Обычно он берет то, что ему нужно, и уходит. Его глубокий голос заставляет мой взгляд вернуться к нему.

— Плохой день?

Поворачиваю голову, проверяя, кто у меня за спиной. Он говорит со мной? Почему он говорит со мной?

— Спрашиваю только потому, что в прошлый раз, когда я был здесь, ты также казалась грустной.

Проглатываю свое замешательство и придвигаюсь немного ближе, опуская глаза к книгам, чтобы посмотреть, над чем он работает.

— Эм, нет, я в порядке.

Он смотрит на Хантера и его фанатку недели с приподнятой бровью.

— Ты уверена? Этот парень, похоже, стал для тебя спусковым крючком.

Усмехаюсь и бормочу:

— Да, он вызывает у меня желание самоуничтожения.

Он смеется, а его улыбка заставляет мой желудок медленно переворачиваться. Он чертовски красив.

— Ну, знаешь, как говорится, самый простой способ забыть кого-то — это... оказаться под другим.

Я чуть не давлюсь собственной слюной от этого и от ямочки, появившейся на его лице. Смена темы! Постукиваю пальцем по одной из открытых книг.

— Это было четыре задания назад. Ты отстаешь?

Его улыбка сменяется хмурым выражением, и он проводит одной из своих больших рук по волосам со стоном.

— Да, я облажался. Слишком увлекся командным дерьмом и пустил все на самотек. Если я не сдам задание на приличную оценку, тренер меня отстранит.

Жую нижнюю губу, разрываясь. То есть, он даже не помнит моего имени после того, как работал со мной раньше, но...

— Могу одолжить тебе свои записи, если хочешь. Это... это может помочь немного ускорить процесс.

Он наклоняет голову и изучает меня в течение мгновения, в его глазах появляется настороженный взгляд.

— Ты сделаешь это? Почему? Что ты хочешь взамен?

Я слегка вздрагиваю, а затем качаю головой в досаде на себя за то, что в очередной раз оказалась идиоткой, когда дело касается красивых мужчин.

— Знаешь что? Забудь об этом. Удачи.

Отворачиваюсь и достаю еще одну книгу из своей тележки, но слышу его слова, и моя рука замирает.

— Сави, подожди. Послушай, прости.

Он прерывается с глубоким вздохом, и этот звук полон эмоций, которые я не понимаю, поэтому, вопреки своему здравому смыслу, поворачиваюсь к нему и просто жду объяснений. Он снова проводит обеими руками по волосам в расстроенном жесте, заставляя темно-зеленую футболку с длинными рукавами растянуться на выпуклых мышцах, а затем немного выдвигает из-под стола стул напротив себя.

— Присядешь на минутку?

Смотрю на предложенный стул так, будто меня ударит током, если я на него сяду. Я не сижу за стол с парнями его калибра, а после того, что случилось с Хантером, я пуглива еще больше. Смотрю в его глаза, ища подвох, но не нахожу, поэтому медленно опускаюсь на стул и сжимаю руки на коленях. Тейт оглядывается по сторонам, словно проверяя, нет ли поблизости кого-нибудь, кто мог бы его услышать, а затем наклоняет свое большое тело над столом.

— Я уже обжигался. Многие женщины хотят быть со мной ради того, чтобы получить все, что полагается моей девушке. Они хотят популярности, престижа и возможности получить деньги после моего драфта.

Мой рот открывается, просто не могу поверить в долбанное эго этого парня. Не могу остановить смех, который срывается с губ, когда я начинаю качать головой и отодвигать стул, чтобы встать.

— Невероятно! Я предложила тебе свои записи, а не свою чертову девственность.

Как только я это сказала, мое лицо стало красным, а глаза метнулись в сторону Хантера, который уже смотрит на меня нахмурившись в замешательстве. Он слишком далеко, чтобы услышать мои слова, но мой смех, должно быть, привлек его внимание. Сжимаю челюсть и вскакиваю на ноги, но большая рука Тейта хватается за запястье, заставляя замереть.

— Нет! Черт, извини. Я не это имел в виду! — Он поворачивает голову в ту сторону, куда я смотрю, и его лицо покрывается мраком. — Неужели этот гребаный придурок...

Я прерываю его.

— Что ты хочешь от меня, Тейт? Я пыталась быть порядочным человеком, предлагая тебе свои записи, чтобы помочь. Вот и все. Никаких обязательств, скрытых мотивов или чего-то еще. Мне ничего от тебя не нужно.

Он убирает руку с моего запястья, и я стараюсь не обращать внимания, как горит моя кожа в том месте, где он прикоснулся.

— Я понимаю это, мне жаль. Я не привык к тому, что кто-то предлагает помощь просто, чтобы быть милой. Я был бы очень признателен, если ты одолжишь мне свои записи. Еще раз, прости.

Надвигаю очки на нос и киваю ему.

— Хорошо. Моя следующая смена в пятницу днем. Я принесу их тебе, на случай если ты захочешь заскочить и взять их.

Не дожидаясь ответа, просто отворачиваюсь и толкаю свою тележку в другую часть огромной библиотеки, жалея, что вообще предложила свою помощь.

Сегодня день игры, и хотя моя голова забита тактиками и контратаками, я не забываю зайти в библиотеку за конспектами, которые Сави обещала мне одолжить. Они мне очень нужны. В этом году на меня оказывают большое давление, чтобы я играл на высшем уровне, и это сказывается на моих заданиях. Я не могу сосредоточиться на их выполнении, потому что футбол занимает очень много места в моей голове. Не помогло даже запереться дома и избегать большинства вечеринок. Парни постоянно приводят девушек, и каким-то образом у них всегда есть с собой подруга, которая находит момент, чтобы подцепить меня. Я стал закрываться в своей комнате, чтобы избежать навязчивых девушек, которые хотят стать моими любимым способом. Это чертовски раздражает.

Прошлой ночью мне пришлось физически отстраняться от раздетой рыжей девушки, которая ждала меня в кровати, когда я пришел домой. Не поймите меня неправильно, я не против кусочка сладкой задницы, чтобы снимать напряжение время от времени, но сейчас не подходящий момент заваливаться без приглашения в мою постель. Я оставил ее в прихожей выплескивать свое возмущение, голую, как в день когда она родилась, и запер дверь, захлопнув перед ее носом. Сегодня вечером после игры будет собрание дома по поводу всего этого дерьма, потому что это меня уже заедало.

Две женщины в очереди у стойки впереди меня, поэтому я встаю за ними и нетерпеливо поглядываю на часы, ожидая, пока они закончат, чтобы я мог получить конспекты Сави. Прокручиваю в голове игры другой команды, против которой мы сегодня играем, когда презрительный смех пожилой женщины передо мной привлекает мое внимание.

— Действительно, что ты ела? Я знаю, что очередь из пятнадцати первокурсников — это нечто. Но твой фастфуд должен остаться в прошлом, Саванна. Честное слово, имей немного самоуважения! Уверена, что Ванесса с радостью поделится с тобой своим планом питания. Это поможет избавиться от лишних килограммов.

Я хмуро смотрю на затылок женщины, когда младшая из них мерзко смеется.

— Сави нужно больше, чем диета, чтобы исправить... — Она помахивает пальцем вверх-вниз, — все это.

Чертовы женщины иногда бывают жестоки. Слегка наклоняюсь в сторону и вижу Сави. Ее глаза опущены, а линия плеч напряжена. Когда она замечает меня позади них, ее лицо вспыхивает красным от полного унижения, а глаза закрываются. Не знаю, о чем я думал, но мой рот работает быстрее, чем мозг.

— В Сави нет ни одной чертовой вещи, которую нужно исправлять. Она идеальна такая, какая есть.

Обе женщины оборачиваются на мои слова, и я впервые вижу их по-настоящему. Они практически отражение друг друга, я делаю вывод, что это мать и дочь. Обе блондинки с острыми углами и тонкие, как карандаш, без единого сантиметра жира. Младшая из них задыхается от удивления, когда голодные, расчетливые глаза оглядывают меня с ног до головы.

— Тейт Вэлор! О боже, я твоя большая поклонница, — восторгается она, подходит ко мне ближе и кладет руку мне на грудь, говоря: — Еще и джентльмен. Мило, что ты так отзываешься о моей сестре. — Она трепещет своими смешными накладными ресницами. — Даже если мы все знаем, что это не совсем правда.

Стискиваю зубы от наглости этой сучки и убираю ее руку. Сави — хорошая девушка, которая предложила мне помощь. Она не заслуживает такого обращения. Особенно от сестры и матери. Я кое-что знаю о родителях-засранцах. Тот факт, что эта девка наложила на меня руки без приглашения, стал последней каплей моего терпения по отношению к такому типу женщин, поэтому отвечаю ей назло.

— Если ты так думаешь, то ты слепая, — рычу сквозь стиснутые зубов и обхожу вокруг прилавка, направляясь прямо к Сави.

Дотягиваясь до нее, притягиваю в свои объятия и прижимаюсь губами к ее губам, ее глаза за стеклами очков становятся огромными, как у совы. Она прижимается ко мне, не двигаясь, как бревно, в течение нескольких ударов сердца, пока я не раздвигаю ее губы языком, а затем она тает. Внезапно мои руки заполняются ее мягкими изгибами, я зарываюсь в них пальцами, не в силах остановиться, и еще ближе прижимаю ее к своему телу. Она начинает нерешительно целовать меня в ответ, и это так чертовски мило и невинно, что член, зажатый между нами, становится твердым. Мягкий вздох, который я получаю от нее через рот, заставляет руку опуститься ниже и погладить ее круглую попку через вельветовую юбку. Видимо это слишком, потому что она снова напрягается в моих объятиях. Я хихикаю и скользжу ртом к уху.

— Просто действуй. Это заставит этих сучек заткнуться, — говорю ей шепотом.

Она отстраняется от меня, и я улавливаю легкий кивок, так что продолжаю свой спектакль. Поправляю ее кривые очки, подмигивая.

— Не могу дождаться, когда увижу тебя в моей майке сегодня на игре, Сави. Придешь пораньше? Встретимся у входа для игроков за час до игры, и захвати с собой вещи, о которых мы говорили на днях, хорошо?

Она просто смотрит как будто у меня две головы, это заставляет ухмыльнуться и опуститься вниз для еще одного быстрого поцелуя. Отпускаю ее, начиная отступать, не сводя с нее глаз.

— Ты будешь там? Вход для игроков, за час до начала игры, окей?

Она тяжело сглатывает, а затем дергает головой, и я подмигиваю ей, а затем ухожу, не глядя на двух уличных кисок, шокированно уставившихся на меня. Выхожу через двери библиотеки и быстро удаляюсь. Моя ухмылка растет. Кажется, я только что придумал, как решить все свои проблемы. Мне просто нужно убедить Сави согласиться на это.

У меня пересохло во рту, и я с трудом перевожу дыхание. Тейт, чертов Вэлор, только что поцеловал меня... МЕНЯ. Он не просто поцеловал меня дважды, он заступился за меня. Оглядываю огромную комнату в поисках портала, который перенес меня в альтернативную вселенную, потому что такое дерьмо... не... случается... со... мной! Но все, что я вижу, это шокированные лица моей мачехи и сводной сестры, которые уставились на меня. Два человека, которых не должно быть здесь сейчас.

— Что вы здесь делаете? Почему ты не в университете, Ван?

Ее рот закрывается, а глаза пылают гневом.

— Что... черт... возьми... это было? Тейт Вэлор — бог! Что за жестокую шутку он пытался сыграть с нами? Тейт Вэлор никогда в мире не был бы пойман даже с кем-то мертвым вроде тебя! — Выплювывает она на меня.

Мой желудок завязывается в узел от беспокойства из-за жестоких слов, которые она так небрежно бросает в мой адрес. Дело в том, что она права. Не знаю, что за игра у Тейта, но я буду у входа для игроков, чтобы дать ему понять, что я не собираюсь участвовать в этой игре. А пока он сделал мне подарок, исполнив это перед ними, который я не собираюсь объяснять. Не знаю, зачем сестра и мать здесь, но знаю, что это ненадолго, так что они могут думать, что хотят. Не утруждаю себя ответом, а просто задаю свой вопрос снова.

— Почему вы здесь? Все в порядке?

Ванесса все еще слишком сердита, чтобы сказать мне, поэтому Селеста вводит меня в курс дела.

— Я пришла, чтобы помочь Ванессе освоиться. Она перевелась в твой университет. Мы решили, что он ей больше подходит.

Все мое тело замирает при этих словах, каждая частичка моего существа кричит в знак протеста. НЕТ! Нет, я не могу допустить, чтобы она училась со мной. Даже если Ванесса на год младше меня, она все равно превратила каждый год моей старшей школы в ад. Это мой университет, мое безопасное место вдали от них. Вселенная не может быть настолько жестокой.

Моя сестра наконец обретает голос, и тошнотворно сладкая, грузная улыбка кривит ее идеальные губы.

— Верно, Сави. Я перееду сюда. Грустно, что это будет только на твои последние два года, но не волнуйся, обещаю извлечь из этого максимум.

Я вижу это. Вижу в ее глазах, как сильно она меня ненавидит и обещание сделать старшую школу легким бризом по сравнению с тем, через что она собирается провести меня в течение следующих двух лет. Все внутри меня просто замирает. Поднимаю все свои стены и заставляю свое выражение лица стать пустым. Я знаю, как это работает. Чем больше я реагирую, тем больше они видят, что могут причинить мне боль — они питаются этим. Мой тон грубый, и я отвечаю, склоняя голову.

— Фантастика. У тебя уже есть студенческий билет? Могу включить тебя в систему, чтобы ты смогла брать книги.

Она ухмыляется и закатывает глаза.

— Да ладно! Мне не нужен читательский билет. Я буду слишком занята своим новым женским обществом, уж точно не беспокоясь о книгах. Мы просто хотели зайти и

поделиться с тобой хорошими новостями. Немного скрасить твою унылую жизнь.

Я киваю.

— Отлично, спасибо, что сообщили мне. Увидимся, Ванесса. Селеста, была рада тебя видеть. Мне пора возвращаться к работе, так что если вы не возражаете...

Моя мачеха смотрит на меня исподлобья. Глаза у нее внимательные и расчетливые, словно она пытается разгадать, о чем я думаю, но ничего не находит на моем лице, поэтому слегка наклоняет голову и берет дочь за руку.

— Пойдем, дорогая. Давай оставим Саванну заниматься ее... работой. Я отведу тебя на обед, а потом мы сделаем несколько покупок перед моим отъездом.

Ванесса широко и ярко улыбается, позволяя Селесте вести ее прочь, но перед тем как выйти за дверь, она оглядывается на меня через плечо.

— До скорой встречи, Сави.

Мои колени подгибаются, когда за ними закрываются двери, поэтому я прислоняюсь к стойке и кладу голову на руки. Что же мне делать? Я не могу учиться с ней в одном университете! И что, черт возьми, это было с Тейтом? Я могу справиться только с одной вещью за раз, поэтому хватаю свою сумку, выхожу в комнату для персонала, где у меня будет больше уединения, и достаю свой мобильный телефон. Я чуть не раздавила экран, так сильно набирая номер.

К тому времени, как его голос раздается в трубке, я сдерживаю крик.

— Привет, принцесса! Как ты? Не слышал о тебе с начала учебного года.

Его теплый, заботливый тон заставляет крик немного отступить, и я могу говорить, не разрывая его барабанные перепонки, но мой голос выходит задыхающимся.

— Дядя Марк, пожалуйста, скажи мне, что это какой-то розыгрыш. Я не могу учиться с ней в одном университете!

Он выпускает глубокий вздох.

— Мне так жаль, малыш. Я пытался отправить ее в другой, но ничего не добился, ничего не смог сделать.

Закрываю глаза, чтобы сдержать горячие слезы, набухающие в них.

— Почему она вообще захотела перевестись? Все лето я только и слышала, что она правит своим университетом. Зачем ей это оставлять?

— Ванесса вовсе не хотела переводиться. Ее попросили уйти. Были обвинения, что она слишком далеко зашла в дедовщине во время недели новичков, и одна из девушек покончила жизнь самоубийством. Мы были вынуждены заплатить семье, чтобы замять это дело, но университет был непреклонен в исключении Ванессы.

У меня открывается рот, когда я слышу это, и сердце болезненно сжимается от того, через что пришлось пройти этой бедной девушке и ее семье. Я была жертвой издевательств Ванессы в течение последних двенадцати лет и знаю, насколько это может быть плохо. Мои пальцы сжимаются вокруг телефона.

— Ты не должен был платить за нее. Она никогда не изменится, если ей не придется столкнуться с последствиями своих действий!

Слышу, как он шевелится на другом конце линии, а затем дверь закрывается, прежде чем он снова говорит.

— Я полностью согласен, но это был не мой выбор.

Хмурюсь и говорю одновременно с ним.

— Совет директоров.

— Совет.

— Мне жаль, Сави. Они не хотели, чтобы этот случай стал известен и плохо отразился на компании. В этом вопросе меня принудили.

Откидываю голову назад и выпускаю беззвучный крик в потолок, даже когда он продолжает говорить.

— Дорогая, если бы ты только вошла...

Я прерываю его.

— Марк, мы это уже проходили! У меня есть еще два года, чтобы закончить универ, а потом еще год свободы, прежде чем я буду готова к этому. Я знаю, каким видится мое будущее, и просто хочу провести эти несколько лет для себя, прежде чем буду привязана к бизнесу.

Его вздох прозвучал громко и отчетливо.

— Ты говоришь об этом как о тюремном заключении. Ты знаешь, что есть другие варианты. Мы можем продать...

— Нет! Мой отец вложил все, что у него было, в создание этой компании. Я никогда не смогу ее продать. Я просто... — Делаю паузу, чтобы снять очки и потереть между глаз.

— Все в порядке, принцесса. Сосредоточься на университете. Ты знаешь, что я все улажу с этой стороны. Просто постарайся держаться как можно дальше от Ванессы. Если все станет слишком плохо, ты всегда сможешь перевестись в другое место.

Грустно киваю, хотя он меня не видит.

— Я, я должна вернуться к работе. Скоро поговорим, дядя Марк, и... спасибо. Спасибо за все, что ты делаешь.

Быстро кладу трубку и невидящим взглядом смотрю на стену, где висит плакат. На нем изображен маленький милый котенок, висящий на ветке дерева на одной лапе, и надпись: «Держись!». Делаю глубокий вдох и киваю. Мне нужно либо держаться, либо повеситься. Сейчас, когда здесь моя сестра, я не уверена, какой вариант победит.

Прижимаю к груди папку с конспектами, которую обещала одолжить Тейту, и нервно оглядываюсь по сторонам, ожидая его у входа для игроков на футбольный стадион. Не знаю, какого черта я здесь делаю. Не знаю, о чем думал Тейт, целуя меня вот так и подразумевая, что мы вместе. В тот момент я согласилась с ним, в основном из-за шока. Но теперь... теперь, когда Ванесса будет учиться здесь и быстро узнает, что это была ложь, мне конец. Она так сильно на меня набросится, когда узнает. Я видела достаточно ее злодейских игр, чтобы точно знать, что она сделает с этой сочной информацией. Она начнет с неприятных слухов обо мне и это быстро перерастет в нечто гораздо худшее.

Отворачиваюсь от двери и начинаю уходить. У меня нет выбора, мне нужно перевестись в другой университет. Я не могу провести следующие два года под ее дурным взглядом.

— Сави! Эй! Куда ты идешь?

Я слышу его шаги, бегущие в мою сторону, но продолжаю идти, пока он не хватает меня за локоть и не разворачивает назад. Смотрю на футбольное джерси, прикрывающее огромные щитки, которые носят игроки, на его красивое лицо и вздыхаю, потому что с такой девушкой, как я, это никогда не случится. Протягиваю ему папку.

— Вот, можешь просто оставить их себе. Мне они не понадобятся. — Говорю ему и пытаюсь отвернуться, но он все еще держит меня за локоть.

— Стоп, подожди. Во-первых, спасибо, что одолжила мне их. Ты действительно спасаешь мою задницу. Во-вторых, я надеялся поговорить с тобой о другой услуге.

Качаю головой и пытаюсь отстраниться, но его пальцы не отпускают.

— Извини, я больше ничего не могу для тебя сделать. Я... я перевожусь в другой университет как можно скорее. Удачи с заданиями.

Он хмурится все сильнее, и я вижу вспышку разочарования на его лице, которая быстро исчезает.

— О чем ты говоришь? Ты не можешь перевестись в середине семестра. Никто так не делает. Скажи мне, что происходит?

Наконец-то выдергиваю локоть из его хватки, чтобы скрестить руки на груди. Я даже не могу смотреть на него. Я уже достаточно унижена.

— Почему тебя это вообще волнует? — бормочу.

Его пальцы тянутся и приподнимают мой подбородок, так что я вынуждена посмотреть ему в глаза, и я уже чувствую, как краснота ползет по шее к лицу.

— Сави, ты кажешься хорошим человеком и предложила мне помощь, так что расскажи мне, что случилось, и, возможно, я смогу отплатить тебе тем же.

Ищу в его глазах насмешливый взгляд, который ожидала увидеть от такого парня, как он, но не нахожу его, поэтому опускаю плечи и просто говорю ему.

— Это из-за моей сестры. Я только что узнала, что она перевелась и будет учиться здесь. Она... не очень хороший человек, и она... ну, ей нравится издеваться надо мной. Она жестока, а после того, что ты сделал в библиотеке... Ванесса превратит мою жизнь в ад, когда узнает, что это был всего лишь спектакль. Так что да, я уезжаю. Слышала много хорошего об университетах в Европе.

В зеленых с золотыми прожилками глазах Тейта промелькнула целая гамма эмоций, пока он обдумывал то, что я ему сказала, пока, наконец, их не заполнило веселье, и по его

лицу не расползлась ухмылка. Мое беспокойство усиливается, когда я вижу, что он находит мои страдания забавными, в эту же секунду готова повернуться и убежать, но он говорит то, что я меньше всего ожидала услышать от такого парня.

— Я буду твоим парнем.

Эти слова заставляют меня подавиться слюной и пролепетать:

— Ха... что... э...

Он смеется, как будто я самый забавный инопланетянин, которого он когда-либо встречал, а затем подходит ближе и обнимает меня за плечи.

— О, детка, ты бы видела свое лицо сейчас! Но правда, я серьезно. Это была часть того, о чем я собирался с тобой поговорить. Мне нужна твоя помощь, а теперь тебе нужна моя.

Отстраняюсь от него, все еще немного ошеломленная и сбита с толку его словами. Качаю головой и смотрю на него.

— Выкладывай, Тейт. В чем именно тебе нужна моя помощь?

Он оглядывается по сторонам, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает, и снова встречает мой серьезный взгляд.

— Дело вот в чем. Мне нужна помощь, чтобы вернуться к своим заданиям. Ты очень умная, так что ты идеально для этого подходишь. Мне также нужно немного передохнуть от всех этих мелких футбольных фанаток, которые так и бросаются на меня. Это та часть услуги, которая выгодна нам обоим. Ты помогаешь мне справиться с заданиями и в то же время притворяешься моей девушкой. Это беспроблемная ситуация.

Я просто тупо моргаю, глядя на него несколько мгновений, а потом начинаю смеяться, потому что к черту мою жизнь, со мной играли два горячих засранца за одну неделю. Что я сделала в прошлой жизни, чтобы заслужить это? Что во мне говорит о том, что со мной «весело трахаться»? Я все еще смеюсь, когда поворачиваюсь, чтобы уйти, но при всех своих больших размерах, этот человек может двигаться быстро, и он обходит меня, чтобы преградить мне путь.

— Сави, ну же, я серьезно! Это поможет нам обоим!

Слишком далеко. Он заходит слишком далеко, и я наконец-то начинаю злиться.

— Да пошел ты! Думаешь только потому, что ты... выглядишь так и умеешь ловко бросать мяч, это дает тебе право мучить людей? Пошел ты, Тейт Вэлор!

Его рот раскрывается от удивления на мгновение, но потом снова закрывается, а глаза становятся жесткими.

— Я думаю, что это тебе конец, если ты не согласишься на эту сделку. Я не издеваюсь над тобой, Сави, а прошу тебя помочь мне и одновременно помочь себе. И для справки, я никого не мучаю. Подумай вот о чем: как мою девушку, тебя поддержит вся команда, если твоя сестра попытается что-то тебе сделать.

Я тяжело сглатываю при этих словах и чувствую крошечную искорку надежды, что он действительно имеет в виду то, о чем говорит.

— Никто не поверит, что ты будешь встречаться со мной. Фальшивые свидания могут работать в книгах и фильмах, но в реальной жизни у нас ничего не получится. Я не та девушка, которая получает защитника, Тейт. Все будут видеть это насквозь.

Его ухмылка снова начинает дергаться на губах, когда он протягивает мне что-то.

— Возьми это. Надень и предоставь продажу нас мне. Поверь мне, я справлюсь.

Беру майку, которую он протягивает, и прижимаю ее к груди. Мой мозг говорит мне, что это ни за что не закончится хорошо, и, конечно же, именно я получу самый большой

удар от любых последствий, но если он действительно думает, что это сработает, то я готова.

— Как, как это должно работать? В смысле, каковы правила?

Он качает головой в сторону, отбрасывая светлые волосы на лоб, и вроде как ухмыляется.

— Что ты имеешь в виду? У тебя никогда раньше не было парня, Сави?

Я сильно прикусываю нижнюю губу, так как моя кожа снова вспыхивает красным, и качаю головой, заставляя его брови взлететь вверх. Прежде чем он успевает посмеяться надо мной, я поспешно отвечаю:

— Я имела в виду фиктивные отношения. Что я должна делать? Чего ты ждешь от меня как от своей... девушки?

Черт, эта девушка. Она невежественна, но в каком-то милом смысле. Она заикается и краснеет, когда сбрасывает маску безразличия. Я все еще немного зол на то, что она подумала, будто я с ней вожусь, чтобы помучить. Мне интересно, кто поигрался с ее чувствами, чтобы она стала такого низкого мнения о мужчинах. Время идет, а мне нужно вернуться в раздевалку, поэтому я излагаю ей все как можно быстрее.

— Я жду от тебя того, что делают все девушки. Ты приходишь на мои игры в моей майке и болеешь за меня. Ты встречаешь меня в холле после игры и рассказываешь, как здорово я играл. Потом мы идем на одну из вечеринок после игры, танцуем, целуемся на глазах у всех, чтобы закрепить слухи, а потом я забираю тебя домой. Все просто. Люди поверят в то, во что я захочу.

Ее кожа покрывается еще одним румянцем, а глаза становятся огромными за толстыми стеклами очков, когда она пискляво спрашивает:

— Целоваться?

Это снова заставляет меня смеяться.

— Да, Сави, парни и девушки целуются и обнимаются. Это здорово, поверь мне. — Осматриваю ее с ног до головы, принимая во внимание вельветовую юбку, толстые темно-синие колготки, безразмерный кардиган, прикрывающий белую блузку, и хмурюсь.

— У тебя, наверное, есть время пойти домой и переодеться во что-нибудь более стильное, например джинсы, или леггинсы если хочешь, и ты могла бы распустить волосы.

Она смотрит вниз на себя, а затем бросает на меня неодобрительный взгляд.

— Нет! Ты не имеешь права указывать мне, как одеваться. В этих фальшивых отношениях и так достаточно красных флажков. Это я, принимай или не принимай!

В ее тоне чувствуется укор, и мне нравится, что она стоит за себя, поэтому я просто киваю в знак согласия.

— Так, мне пора бежать. Назови свое имя в билетной кассе, и они скажут тебе, как найти твое место.

Отхожу, и мне очень нравится сделка, которую я только что заключил. Я получу возможность не подпускать к себе шлюх на некоторое время, и у меня будет репетитор, который поможет мне подтянуть мои оценки. Все складывается для меня наилучшим образом. Поднимаю руку вверх и подмигиваю ей.

— Убедись, что ты очень громко аплодируешь мне, подружка. Увидимся после игры!

Когда я дохожу до двери и открываю ее, оглядываюсь в последний раз и вижу, что Сави держит мою майку, а костяшки ее пальцев белые. Она смотрит на нее, и с такого расстояния трудно разглядеть, но на ее лице написано что-то похожее на страх. Дверь закрывается, скрывая вид на нее, поэтому я вытесняю ее из своих мыслей, пора браться за дело.

Ловлю мрачный взгляд тренера за опоздание, когда проскальзываю в раздевалку, но принимаю это как должное и опускаюсь рядом с одним из лучших друзей и соседом по комнате Джудом Диксоном.

— Ты разобрался с ней? — спрашивает он с ухмылкой, когда его татуированные пальцы снимают пирсинг с брови. Он бросает его на полку шкафчика вместе с остальным металлом, который ему приходится вынимать перед каждой игрой, и проводит руками по своим и без того безумно беспорядочным белокурым волосам.

Предлагаю свой кулак для удара.

— Да, она согласилась на сделку. Начинай распространять информацию, Тейт Вэлор снят с продажи.

Он со смехом пихает меня в ответ.

— Конечно, она согласилась. Сучки заплатили бы тебе за такой концерт. Я все еще не совсем понимаю, чувак, но я прикрою тебя, если ты хочешь играть именно так.

Резко киваю ему, а затем выкидываю из головы все мысли о моей фальшивой девушке. Мне нужно выиграть игру, и сосредоточиться на этом прямо сейчас.

Во второй четверти я получаю жестокий удар, который заставляет меня отыгрываться, когда защита выходит на поле. Мы выигрываем двенадцать очков, и от этого я чувствую себя прекрасно, поэтому на минуту поднимаю взгляд на трибуны в поисках моей новой фальшивой подружки. Мне приходится сильно прикусить губу, чтобы не рассмеяться, когда я вижу ее. Она похожа на маленькую мышку, окруженную кричащими гиенами. Может, она и мышка, но достаточно храбрая, чтобы появиться, а это уже начало.

Во второй половине игры Джуд забивает еще два тачдауна, и мы побеждаем в четвертый раз подряд, а на полпути до финала наш счет в сезоне становится 7:1. Мы выполняем наши требования к СМИ, Джуд больше, чем я, учитывая все его положительные моменты, а затем отправляемся в душ.

Когда мы, наконец, выходим в зал, где нас ждут все родственники и девушки, я уже готов закончить разговор и отправиться домой, но понимаю, что это не выход. Мне нужно попасть на вечеринку и немного покрасоваться с моей новой девушкой, чтобы сделка состоялась. Замечаю Сави, прислонившуюся к стене в самом конце зала, в полном одиночестве. Проталкиваюсь мимо нескольких женщин, которые пытаются привлечь мое внимание, и не свожу с нее глаз. Когда она замечает меня, я вижу, что ее глаза расширяются за стеклами очков, и ухмыляюсь.

— Сави! Иди сюда! — окликаю ее. Она отшатывается от стены и направляется ко мне, начиная тараторить еще до того, как я до нее добегаю.

— Тейт! Ты в порядке? Тот игрок ударил тебя так сильно, что я думала, тебя точно унесут с поля по частям! Я была так удивлена... мпф!

Прерываю ее на полуслове, прижав к себе, подложив руку на ее задницу и прижавшись губами к ее губам. В этом зале достаточно людей, чтобы пустить слухи, поэтому я впииваюсь в ее рот. Она замирает на полсекунды, а затем ее руки поднимаются и проникают в мои волосы и, сюрприз, сюрприз, сжимаются в кулаки, чтобы притянуть ближе. Ее рот открывается, и горячий маленький язычок встречается с моим, как будто мы делали это тысячу раз. Целуя ее, я хотел, чтобы языки чесали вокруг нас, но толпа исчезает, когда она стонет мне в рот, и мой разум отключается, когда вся кровь приливает к члену от этого сладкого звука. Притягиваю ее еще ближе, и моя вторая рука скользит по ее бедру, готовая присоединиться к первой на ее заднице, когда смеющийся голос рядом с нами заставляет Сави отпрянуть от меня и упереться мне в грудь, чтобы я отпустил ее.

— Черт, парень, ты не сказал мне, что выбрал Эми из "Теории большого взрыва"! Тебе придется продолжать целовать ее так, чтобы кто-нибудь поверил в ваши отношения.

Я позволяю Сави встать на ноги, но все еще смотрю на ее лицо, когда вижу, что она полностью отключилась от ужасного сравнения Джуда. Она делает несколько шагов от меня с красным лицом и опущенными глазами. Я встряхиваю головой, чтобы очистить ее от поцелуя, поворачиваюсь и бью кулаком по его руке.

— Заткнись нахуй, придурок.

Поворачиваюсь к Сави и притягиваю ее к себе, чтобы обхватить за плечи.

— Не слушай его. Его мозги вытекли из всех дыр для пирсинга, которые он пробил в своем теле. Тебе понравилась игра?

Она настороженно смотрит на Джуда, а потом моргает большими голубыми глазами, глядя на меня сквозь очки.

— Это было... экстремально. Захватывающе, но я не ожидала, что это будет так... жестоко.

Мои брови хмурятся.

— Сави, это был твой первый футбольный матч?

Она кивает, заставляя меня рассмеяться. Эта девушка, она как будто всю жизнь прожила в коробке. Из-за этого могут возникнуть некоторые проблемы, но у меня есть все навыки и репутация, чтобы повернуть это дело с фальшивой девушкой. Джуд наклоняется к нам и подмигивает Сави.

— Что ты думаешь о моих приемах? Это я набирал все очки.

Она смотрит на него ровным, пустым взглядом и пожимает плечами.

— О, ты тоже игрок? Извини, я тебя не заметила.

Его брови взлетают вверх в шокированном удивлении, заставляя меня рассмеяться. Этот парень привык, что женщины восхищаются им. Это, наверное, первый раз, когда женщина не падает к его ногам в знак поклонения, и это заставляет меня любить Сави еще больше. Отпихиваю его и веду свою новую девушку вниз и к выходу из зала, ухмыляясь всем взглядам, которые мы получаем. Да, слухи будут распространяться быстро и яростно после этого поцелуя, и это именно то, на что я рассчитывал. Далее мы отправимся на вечеринку, и я устрою такое шоу, что все поверят, что мы с Сави пара. Для меня это сработает идеально.

Это будет катастрофа для меня. Не могу поверить, что согласилась на этот фарс. О чем я только думала?! Может быть, я прочитала слишком много книг о фальшивых отношениях, которые заканчиваются счастливым концом, и поэтому позволила себе согласиться на эту нелепую сделку. Но сейчас, стоя рядом с ним на этой слишком шумной вечеринке, где мне точно не место, я просто хочу забиться в угол.

От презрительных взглядов, которые посылают в мою сторону большинство великолепных девушек из женского общества, у меня мурашки по коже и желание, чтобы пол разверзся и проглотил меня целиком. Иронично, но я думала, что именно этого я и хотела в этом году. Хотела ходить на футбольные матчи и вечеринки и, возможно, в конце концов, найти себе парня. Просто не ожидала, что он будет совершенно ненастоящим.

Нервно тереблю вельветовый материал своей юбки между пальцами и опускаю глаза. Продолжаю думать о том, что друг Тейта, Джуд, сказал обо мне. Эми из того телешоу считалась супер-задротом, и над ней часто смеялись. Я не такая умная, как героиня, но у меня очень хорошие оценки. Еще сильнее кутаюсь в свой кардиган, когда какой-то парень кричит "бунтарь", проносясь за смеющейся девушкой в бикини мимо нас. Джуд, должно быть, имел в виду, что я выгляжу как Эми, одеваюсь как она, и... он не ошибся, наверное.

Наша домработница Марта, которая, вероятно, была ближе всех к матери, покупала всю одежду для меня, пока я росла. Меня никогда не волновало, как я выгляжу и стильная ли одежда, которую она выбирала. Сейчас я начинаю понимать, что, возможно, я слишком часто одеваюсь как женщина шестидесяти с небольшим лет, а не как почти двадцатипятилетняя девушка. У меня в шкафу много смелых нарядов, но я не осмелюсь надеть ни один из них вне клетки без маски.

Вздыхаю и оглядываю вечеринку: Тейт болтает с некоторыми из своих товарищей по команде об игре, которую они только что выиграли. Он смеется над чем-то, что говорит один из них, привлекая мое внимание, и я улучаю минуту, чтобы изучить его, пока его внимание сосредоточено на другом. Он так непринужденно уверен в себе, и я думаю, каково это. Просто знать, что ты на своем месте, что ты принадлежишь себе.

Мой взгляд опускается к его рту, и при воспоминании о том, как он поцеловал меня после игры, теплый свет наполняет живот. Знаю, это было фальшиво, но, Боже мой, этот поцелуй сделал то, чего я не ожидала. Конечно, я могу сравнить его только с Хантером, а его поцелуи были какими-то небрежными и короткими. Отрываю взгляд от губ Тейта и пытаюсь задавить сожаление о том, что выбрала не того парня для своего первого сексуального опыта.

Я погружена в свои мысли, поэтому не замечаю, что Тейт говорит со мной, пока он не скользит одной из своих больших рук по моей спине и не притягивает меня к себе.

— Сави, ты знакома с Беккетом Хартом? Он один из моих лучших друзей и живет со мной, как и Джуд.

Фокусируюсь на парне передо мной и вынуждена откинуть голову назад, чтобы встретиться с ним взглядом. Этот человек чертовски огромен, его широкие плечи напрягают швы рубашки, которая на нем надета. Он даже выше Тейта, и я чувствую себя перед ним как маленький ребенок. Еще один человек, с которым Бог поиграл в любимчиков, и я задаюсь вопросом, должны ли все друзья моего фальшивого парня соответствовать критериям

Божественной красоты, чтобы быть в его кругу. Это заставляет меня нервно оглядываться по сторонам. Я никогда раньше не встречала Джуда и Беккета, но видела их и Тейта за столиком парня из бара в клубе. Я нервно вздрагиваю от мысли, что Ашер Джеймс может быть следующим человеком, с которым меня познакомит Тейт. Когда я не замечаю его в толпе, я снова обращаю внимание на Беккета.

У него красивый золотистый цвет кожи, который говорит о том, что он много времени проводит на свежем воздухе. Его каштановые волосы откинута назад от лица, в них есть намеки на рыжие прожилки, но меня завораживают его поразительные голубые глаза под густыми бровями. Он напоминает мне молодого Генри Кавилла, но с широким телосложением взрослого Ведьмака.

Замешательство в этих глазах, когда он переводит взгляд с меня на Тейта, и «Серьезно?», которое вырывается из его рта в полу смехе, стирает всякое восхищение его внешностью. Это уже второй его друг, который находит меня не желанной, основываясь на том, как я выгляжу, и я серьезно устала от того, насколько мое самолюбие было подорвано за одну ночь, поэтому я отворачиваюсь от него, нахмурившись.

— Да, серьезно. Беккет, познакомься с Сави. Она моя девушка. — Тейт представляет нас.

— Точно, понял. — Он говорит ровным глубоким голосом, в котором есть нотки юга, а затем протягивает мне массивную руку для пожатия.

Может, я и не умею общаться, но Марта, по крайней мере, позаботилась о том, чтобы у меня были манеры, поэтому я натянуто улыбаюсь и пожимаю ему руку в ответ.

— Приятно познакомиться, дорогая.

От того, как он произносит "дорогая" с южным акцентом, у меня по спине пробегает дрожь, поэтому я отдергиваю руку и поднимаю взгляд на Тейта.

— Я думаю, мне пора идти. Это был долгий день.

Тейт ухмыляется и качает головой.

— Еще нет, малышка. Нам еще предстоит шоу.

Чувствую, как мои щеки пылают от его непринужденного «малышка», и вспоминаю, как он говорил, что мы будем целоваться здесь, на глазах у всех, чтобы продать ложь. Тяжело сглатываю, мои глаза перебегают на Беккета и Джуда, и я вижу веселье на их лицах.

Как мило, что за кучка придурков! Для них это большая шутка. Я — шутка. Злясь на себя за то, что ввязалась в это, я бросаюсь на Тейта:

— Ладно, давай покончим с этим!

Рука Тейта крепко обхватывает мои плечи, его брови поднимаются вверх от моего тона, но он только усмехается.

— Расслабься, Сави, я обещаю, что тебе не будет больно. Тебе даже может понравиться, если ты позволишь себе это.

Выдыхаю и резко киваю ему. Да, это может быть самой большой проблемой во всем этом. Моя голова может знать, что все, что он собирается делать со мной, это шоу, фальшивка, но моему телу, похоже, все равно. Я позволяю ему затянуть меня прямо в центр танцпола, и расположить нас так, чтобы мы оказались у всех на виду. Его руки ложатся на мои бедра, он притягивает меня к себе и начинает раскачивать нас в такт. Я не знаю, что делать со своими руками, поэтому в итоге просто кладу их ему на грудь, и сразу же мои пальцы хотят путешествовать. Твердые ребра и мышцы, которые я чувствую под его рубашкой, заставляют меня задуматься, как бы он выглядел без нее.

Фальшивка, все это фальшивка, и мне нужно помнить об этом, иначе я влюблюсь в этого парня и выставлю себя дурой, поэтому я слегка отстраняюсь.

Тейт издает звук разочарования, хватая мои руки и тянет их вверх, к своей шее. Его горячее дыхание касается моего уха, и он шепчет:

— Сави, ты должна приложить немного усилий, иначе это не будет выглядеть по-настоящему.

Издаю стон и выдавливаю из себя:

— Я не знаю, что делать. У меня нет опыта в таких вещах!

Он хихикает мне в шею, вызывая мурашки по коже.

— Просто следуй моему примеру. Делай то, что кажется естественным. Ты должна помочь мне реализовать фантазию.

Это именно то, что мне нужно было услышать, чтобы отпустить себя. Может быть, на мне нет крыльев и маски, но я эксперт в продаже того, что не реально. Я немного отодвигаю Сави и выпускаю Бабочку танцевать.

Позволяю себе раствориться в нем. Медленно провожу руками вниз по его груди, а затем обратно вверх, чтобы обхватить его шею и зарыться в густые темно-светлые волосы. Одно из моих бедер скользит между его ног, раскачиваясь и прижимаясь к нему. Я опускаю глаза вниз, фиксируюсь на его груди, и танцую, как будто я за решеткой. Судя по тому, как он стонет, я делаю именно то, что он хотел.

Пальцы одной его руки впиваются в мое бедро, а другая скользит вниз, чтобы обхватить мою попку и притянуть меня еще ближе. Его твердое бедро находится между моих ног, и нет никакой возможности остановить мое предательское тело от того, чтобы прижаться к нему. Неважно, что моя юбка задралась; неважно, что на меня устремлено слишком много осуждающих взглядов. Важно лишь великолепное трение между ног и то, как оно заставляет все тело содрогаться от удовольствия. Моя голова откидывается назад, когда я издаю задыхающийся хныкающий звук потребности, и мои глаза встречаются с удивленным взглядом Тейта.

— Нравится? — спрашиваю шепотом.

Рука на бедре движется вверх по боку, пока не достигает затылка, чтобы удержать меня. Его голова опускается вниз, наши рты оказываются на расстоянии дыхания.

— Черт, ты хороша. Как будто ты просто щелкнула выключателем и стала кем-то другим. Не останавливайся, продолжай, Сави.

Его губы захватывают мои, и я исчезаю. Я не смогла бы остановиться, даже если бы захотела. Я думала, что то, как он целовал меня раньше, было жарко, но это жар нового уровня. Инферно. Он не ждет, пока я открою для него рот, он вторгается в него и завоевывает, целуя меня яростно, как будто он умрет с голоду без этого поцелуя. Я чувствую его губы, его язык... зубы, которые покусывают мою нижнюю губу, и это делает злые, злые вещи с моим сердцем. Мои трусики и колготки намокли от влажного жара, его бедро сильно нажимает на мою киску, и я в нескольких секундах от того, чтобы кончить прямо здесь, в переполненном зале людей, наблюдающих за нами. Мои пальцы сжимаются в кулак и тянут его за волосы, и стон, который я издаю, граничит с непристойностью. Наконец он отстраняется. Смотрю на него сквозь слегка запотевшие очки, и весь жар, который я только что чувствовала, превращается в пепел от смеха, который я вижу в его глазах.

— Это было прекрасно. Теперь мы можем сбежать отсюда, и все будут считать, что это для того, чтобы потрахаться. Пойдем.

Я все еще ошеломлена, когда Тейт тащит меня с танцпола к входной двери, но не настолько, чтобы не слышать шепот и оскорбительные шутки некоторых людей, мимо которых мы проходим.

Святые угодники, для робкой крошки, у которой никогда не было парня, Сави, конечно, далеко шагнула сегодня вечером. Когда я сказал ей реализовать фантазию, она не разочаровала и как будто стала кем-то другим на минуту, это было довольно сексуально. Если подумать... даже не типа горячо... а прям ахуенно. Посматриваю на нее на пассажирском сиденье, пока везу домой. Она молчит и смотрит в окно с тех пор, как показала мне направление к своему дому. Такое впечатление, что она смущена. Паркуюсь перед ее домом, поворачиваюсь к ней.

— Эй, ты в порядке? Ты сегодня отлично справилась. Знаю, что это не в твоей зоне комфорта, но ты действительно помогла мне и продала нас, так что спасибо за это.

Она медленно поворачивается ко мне лицом, несколько мгновений ничего не говорит, а потом вздыхает.

— Слушай, я не думаю, что из этого что-то получится. Я действительно не вписываюсь в твой круг, Тейт. Даже твои друзья подумали, что это большая шутка. — Она потирает лоб, хмурясь. — Ты должен понять, я... я никто. Люди не замечают меня, и меня это устраивает, но быть твоей девушкой? Это ставит огромную мишень на моей спине, с которой я не смогу справиться. У меня... у меня нет друзей, как у тебя. У тебя есть люди, которые тебя прикрывают. А у меня нет, и это значит, что, когда все это развалится, я останусь одна на один с неприятностями и насмешками. Мне жаль. Я не могу продолжать это.

Понимаю, к чему она клонит, и мне немного жаль ее, но, черт возьми, нет. Я слишком много ожидаю от этого года, и мне нужно, чтобы она согласилась, хочет она этого или нет.

— Я тебя понимаю, но уже слишком поздно. Мы только что устроили шоу перед всеми этими людьми. Я знаю, как это работает. Если ты прекратишь это сейчас, тебя заклеят шпуюхой, и у твоей сестры будет все необходимое, чтобы сделать твою жизнь несчастной. Но есть вариант подыграть мне, стать моей фальшивой девушкой, помогать мне с репетиторством, и тогда мы продержимся до конца сезона и разойдемся в разные стороны.

Она смотрит на меня, покачивая головой.

— Мне в любом случае конец, не так ли?

Я пожимаю плечами.

— Нет, подыграй мне, и я позабочусь о том, чтобы мы расстались на хороших условиях. Сыграю так, как будто ты меня бросила, и у меня разбито сердце. Никто не будет с тобой шутить из-за этого. — Тянусь и беру ее за руку. — Давай, Сави, работай со мной. То, что ты моя девушка, даст тебе всю необходимую защиту, и это очень поможет мне. Приходи ко мне завтра днем и помоги мне с заданиями. Дай мне твой телефон, я сохраню свой номер и сброшу адрес дома.

Кажется, что она почти сжимается от поражения, но передает мне свой телефон. Я ввожу свои данные и отдаю его обратно.

— Итак, завтра, в два часа. У меня.

Не говоря ни слова, она делает крошечный кивок и выскальзывает из машины. Делаю глубокий вдох и откидываю голову на подголовник. Знаю, я должен чувствовать себя неловко из-за того, что, по сути, заманил эту девушку в ловушку своего плана. Это я поцеловал ее на глазах у сводной сестры и мачехи, проложив дорогу для всего этого, и она не

ошибается, что теперь у нее на спине мишень. Девчонки, которые крутятся вокруг команды в надежде заполучить игрока, могут быть злобными сучками, и, честно говоря, некоторые парни ненамного лучше, но я сделаю все возможное, чтобы защитить ее, насколько это возможно.

Я хватаю свой телефон, когда он звонит... снова и снова... и смахиваю четвертое сообщение от отца с просьбой перезвонить ему. Мне неинтересно просматривать игру за игрой, чтобы он рассказал мне обо всех ошибках, которые я совершил. Поднимаю голову, бросаю телефон в подстаканник и завожу машину.

Конечно, Сави кажется милой девушкой и все такое, но ей придется смириться. Она нужна мне, как помощь с учебой и как буфер от всех этих сумасшедших сучек, которые так и норовят на меня накинуться. Если она в итоге пострадает от этого, что ж, ей придется просто принять это как жизненный урок.

Я ворочалась большую часть ночи, почти не спала от беспокойства по поводу ситуации, в которой оказалась: переезд Ванессы, плюс я чувствовала себя измотано и в подвешенном состоянии от близости с Тейтом. Рано утром я решила заняться уходом за собой, чтобы хоть немного успокоиться, но это лишь немного приглушило мою нервозность, и не дало того удовлетворения, которого жаждет мое тело.

Встала с постели, когда рассвело и отправилась на кухню, чтобы заняться тем, что меня всегда успокаивает. Я пеку. В детстве, когда я нервничала, Марта брала меня в огромную поварскую кухню в доме моего отца и учила печь всевозможные вкусности, чтобы я почувствовала себя лучше.

К тому времени, когда на мой мобильный позвонил Тейт, кексы, печенье и пирожные уже остывали на всех доступных поверхностях в моей маленькой однокомнатной квартире, и я чувствовала себя немного более собранной. Хватаю телефон, обсыпая его мукой, и открываю сообщение. Это его домашний адрес и напоминание быть там в два часа. У меня есть пара часов, чтобы собраться и упаковать всю выпечку. Вечером я отнесу несколько коробок в комнату для персонала, несколько раздам соседям, а то, что останется, возьму с собой для перекуса на учебе.

Приведя кухню в порядок, отправляюсь в душ, а после стою и смотрю в свой шкаф, пытаюсь найти что-нибудь, что не кричит о том, что Эми — супер-гик. Простояв так двадцать минут и ничего не найдя, я хватаю один из своих стандартных нарядов и говорю: «К черту». Фальшивой девушке не нужно меняться больше, чем настоящей. Кроме того, мне нравится удобство, а безразмерные кардиганы уютны.

Думаю, оставить волосы распущенными, но они всегда падают мне на лицо и раздражают, поэтому я закручиваю их в тугой пучок, как и каждый день. Мне не нужно быть никем, кроме себя, а если Тейту Вэлору это не нравится, он может найти себе новую фальшивую подружку. Надев очки, я достаю свой ранец, наполненный конспектами и копиями романов из последних заданий, которые Тейт не успевает выполнить. Беру ноутбук, коробку с выпечкой и заказываю Uber.

Машина останавливается перед домом средних размеров недалеко от кампуса, и я удивляюсь, почему он не живет в одном из студенческих братств, как большинство популярных парней в кампусе. Звоню в дверь, и пока жду, думаю о том, чтобы написать ему сообщение, что я здесь. Дверь резко распахивается, и душа в ужасе вылетает из тела. Мое лицо вспыхивает красным, рот открывается в шоке, и я буквально чувствую, как мои глаза выпучиваются из головы, когда Ашер, мать его, Джеймс, он же парень из бара, смотрит на меня.

— Что? Чего ты хочешь? — кричит он.

Слова, слова, скажи несколько гребаных слов, Сави! Но вместо этого раздается медленный, высокий писк, от которого мое помидорное лицо становится еще краснее. Хвала всем святым, Тейт появляется позади и обходит его, чтобы схватить меня за запястье. Он тащит меня к Ашеру, как будто это не бомба, которая взорвется и уничтожит меня, если Ашер каким-то образом меня узнает.

— Эй, ты добралась! Это Эш, он тоже здесь живет. — говорит мне Тейт, затаскивая меня глубже в дом, но моя голова все еще повернута на мужчину, который снился мне в

течение последних двух лет. Эш закатывает глаза и смотрит в ответ на мой пристальный взгляд, заставляя меня отвернуться и, спотыкаясь, идти за Тейтом. Это так... так плохо. Я не могу быть здесь с ним. Если бы я знала, что Ашер Джеймс живет с Тейтом, я бы приняла удар шлюхи и все остальное, что Ванесса могла бы бросить в мою сторону.

— Привет, Эми! Рад снова тебя видеть!

Голос Джуда отвлекает от моего внутреннего раздрая, и я оглядываюсь, чтобы увидеть его и Беккета на диване с игровыми контроллерами, над которыми летают их пальцы.

— Я Сави, а не Эми, — отвечаю ему и даже не могу выразить злость в своем тоне, поскольку я просто смирилась, что парни называют меня неправильным именем, но он, на удивление, подмигивает мне.

— О, я знаю, детка, но то, как вы с Тейтом целовались прошлой ночью, открыло мне глаза, так что я буду называть тебя просто Эми.

У меня... у меня нет слов... поэтому я отворачиваюсь и сажусь, доставая свои учебники и конспекты, за обеденный стол, к которому меня привел Тейт. Стараюсь не замечать, что в комнате со мной находятся четверо потрясающе горячих мужчин, пока просматриваю уже сделанные Тейтом задания. Мы вместе работаем над его эссе, и я даю ему некоторые указания, чтобы сделать его лучше. У него хорошо получается, поэтому я приступаю к своим заданиям. Теряюсь в своей работе, и, вдруг, надо мной оказывается большое тело, наклоняясь ко мне слишком близко. От него пахнет мылом и какими-то цитрусовыми, и я не могу остановиться вдыхать этот запах.

— Что это? Ты принесла нам закуски, Эми?

Поворачиваю голову и оказываюсь всего в нескольких дюймах от лица Джуда. Он тянется к коробке с выпечкой, которую я принесла. У него светло-золотисто-карие глаза, которые идеально сочетаются с его белокурыми волосами длиной до подбородка. Я тяжело сглатываю и медленно киваю ему. Он берет коробку, которая лежит напротив меня, и, клянусь, отступая назад, он нюхает мой пучок волос.

Тейт бормочет рядом со мной:

— Отвали, Джуд. Мы работаем.

Отворачиваюсь к ноутбуку, но несколько секунд спустя Джуд издает почти оргазмический стон, от которого мои глаза возвращаются к нему.

— Черт возьми, это потрясающе, — стонет он через полный рот масляного пирога.

Приятно видеть, как кто-то наслаждается одним из моих творений, поэтому я слегка улыбаюсь ему, но улыбка исчезает, когда он выдвигает стул рядом со мной и опускается на него. Его рука обхватывает мои плечи, и он притягивает мою верхнюю часть тела к своей так, что наши носы почти соприкасаются. Я не могу остановить свой взгляд от его рта, когда он слизывает крошки.

— Эми, куколка, думаю, ты должна позволить мне спрятать свой кинжал в твои ножны.

Мне требуется время, чтобы осознать, что он только что сказал, а затем я с хмурым видом отталкиваю его от себя. Он только смеется и хватает еще один кусок.

— Мужик, может, хватит с ней играть? Мы пытаемся работать. — Тейт ворчит, протягивая руку и крадя пирог для себя.

После этого Беккет и Эш тоже берут угощения, а Джуд хватается за коробку и убегает с остальным, чтобы не делиться. Я опускаю голову, сосредоточившись на клавиатуре. Понимаю, что Джуд просто дразнится и дурачится, но не знаю, как вписаться в такую атмосферу. У меня никогда не было ни друзей, ни братьев или сестер, чтобы научиться

веселиться вместе с ними. Даже после того, как Селеста вышла замуж за моего отца, Ванесса не хотела быть моей подругой, поэтому я просто старалась держаться в стороне, чтобы не сказать что-то не так.

— Ты сама их готовишь, дорогая? — спрашивает Беккет, и когда я просто киваю и продолжаю печатать, он хмыкает. — У девушки есть навыки, Тейт. Убедись, что она вернется.

Смотрю на Тейта боковым зрением и замечаю, что он закатывает глаза, поэтому просто продолжаю печатать. Мы работаем всю вторую половину дня и до раннего вечера. Я довольна прогрессом, которого мы оба добились, но, когда появляется группа девушек и начинает развлекаться вместе с остальными, я начинаю собирать вещи.

— Куда ты уходишь? Почему бы тебе не остаться и не выпить с нами? — спрашивает Тейт, но я качаю головой.

Он хватается за запястье, чтобы не дать мне засунуть ноутбук в сумку, заставляя меня бросить на него вопросительный взгляд. Он смотрит на девушек, делающих коктейли у кухонного островка, а затем снова на меня.

— Давай, Сави, — говорит он пониженным голосом, — мне бы не помешала поддержка подружки.

Оглядываю девушек и вижу, что половина из них смотрит в нашу сторону расчетливыми глазами, и вздыхаю.

— Прости, я не могу. Мне нужно идти на работу. У меня сегодня смена.

Мой желудок делает медленное сальто от нервов, но я не обращаю на это внимания. Я заключила с ним сделку, поэтому наклоняюсь и быстро целую его, надеюсь, что этого будет достаточно, чтобы кошки держались от него подальше этой ночью. Тейт, должно быть, не считает, что этого достаточно, притягивает меня обратно и набрасывается на меня языком, пока у меня не перехватывает дыхание. Со вздохом он прижимается своим лбом к моему.

— Хорошо, но ты должна прислать мне свое расписание, чтобы я знал, когда ты свободна. Я знаю, что ты работаешь в библиотеке, но где еще ты работаешь?

Я уклоняюсь от вопроса, хватая свой телефон.

— Мне нужно заказать Uber. Секунду.

Он закрывает мой телефон рукой.

— Не волнуйся об этом. Я отвезу тебя домой. Все что угодно, лишь бы уйти с линии огня.

Киваю в ответ, собираю оставшиеся вещи и выхожу вслед за ним.

— Эй! Куда ты идешь, Ти? — зовет его Эш.

— Я отвезу Сави домой. Она работает сегодня вечером.

— Тогда встретимся в «Маске», и не говори, что тебе нужно делать домашнюю работу. Ты делал ее весь день.

Тейт просто вскидывает руку вверх в знак согласия и выводит меня через дверь к машине. Большую часть дороги до своей квартиры я провожу, кусая нижнюю губу и сжимая руки в панике. Они все будут сегодня в «Маске», а Эш всегда сидит рядом с моей клеткой. Я в ужасе от того, что поход на работу сегодня будет нервным испытанием, которое я могу не пережить.

С рычанием опрокидываю в себя последний бокал и отталкиваю девушку, которая не принимает отказа. Она продолжает прижиматься ко мне и пытается забраться на колени. В конце концов, мне это надоело, и я огрызаюсь на нее.

— Отвали. Забирай свою развратную задницу в другое место. Мне это неинтересно.

Она надувается, как будто я только что отобрал у нее любимую игрушку, и улепетывает прочь. Ее подруга извивается на коленях Джуда и огрызается на меня:

— В чем проблема?

Джуд смеется и затыкает ее.

— Не приманивай животных в зоопарке, сладкая. Особенно когда их давно не кормили. — Он ухмыляется мне. — Не делай вид, что ты счастлив, когда твой пенис покрыт пылью.

Салютую ему одним пальцем и поворачиваю свой стул к клетке. С моей Бабочкой сегодня что-то не так, и меня бесит, что я не могу поговорить с ней, чтобы выяснить, что случилось. Я даже не могу понять, что с ней не так, кроме того, что сегодня на ней полная маска арлекина, а не полумаска, как обычно. Я ненавижу, что не могу видеть ее сладкие, пухлые розовые губы.

На ней мой любимый радужный парик с толстыми локонами, ниспадающими на ее пышную попку. Задница, которая выглядит горячо в розовых кожаных штанах. Бюстье из блестящей белой кожи едва скрывает ее полные груди, и мой рот наполняется слюной при одной мысли о том, чтобы провести губами и языком по этим сиськам. Ее крылья соответствуют радужным волосам и трепещут при каждом ее движении, но она какая-то отстраненная. Большинстве ночей кажется, что она танцует только для меня, но сегодня она в основном стояла спиной ко мне. Если бы она была моей, если бы мы были вместе, я бы сказал, что она злится на меня за что-то и игнорирует.

Машу официантке, чтобы она принесла еще один напиток, и когда она ставит его передо мной, наклоняюсь поближе, чтобы она могла услышать меня через громкую музыку.

— Все ли в порядке с Бабочкой сегодня вечером? Она кажется... не в себе.

Одна идеально покрашенная вишнево-красная бровь поднимается вверх, и я вижу, как на ее лице отражается веселье, когда она хлопывает меня по плечу.

— Прости, Эш. Ты знаешь, что я не могу делиться ничем личным о танцовщицах... даже если ты ее самый большой фанат. Но я передам ей твою заботу.

Бросаю купюру на ее поднос, ругаясь про себя. Да, так и сделай. Иди и скажи Бабочке, что я беспокоюсь о ней. Может, она наконец-то сломается и откроет мне свою клетку. Я смотрю, как рыжеволосая официантка приносит еще несколько напитков, затем подходит к клетке Бабочки и передает ей через прутья бутылку воды. Она садится, и официантка говорит ей что-то на ухо. Мои глаза прикованы к ее реакции, в надежде увидеть взгляд в мою сторону, но все, что я вижу, это как она пожимает одним гладким бледным плечом, а затем возвращается к танцу спиной ко мне.

Блять! К черту это и к черту ее. Швыряю свой свежий напиток, разбиваю стакан и поднимаюсь на ноги.

— Я ухожу! — Бросаю парням и собираюсь уходить, но Тейт вскакивает и идет за мной. Неважно, я больше не буду тосковать по девчонке, которая не проявляет ко мне никакого

интереса. Что за идиот ждет два года женщину, с которой даже не разговаривал? Я даже не знаю ее гребаного имени, ради всего святого. С меня хватит. Хватит наблюдать, хватит ждать. К черту ее и ее крылья.

— Давай, чувак, залезай. Я отвезу нас домой. За твоим мотоциклом мы можем заехать завтра.

Хочу сказать ему, чтобы он тоже отвалил, но понимаю, что он прав. Я выпил слишком много, и то, что я сейчас зол, не лучшее сочетание для езды на мотоцикле. Забираюсь в его машину и захлопываю дверь, заставляя Тейта бросить на меня мрачный взгляд, полный предупреждения.

— Полегче. Дверь не та, на кого ты злишься. Что с ней вообще было сегодня вечером? Она едва взглянула в твою сторону.

Откидываю голову на сиденье и почти кричу:

— Я, блять, не знаю, Ти. Я, блять, не знаю, потому что она, блядь, не моя девушка, она, блять, не хочет со мной разговаривать, а теперь она, блять, даже не смотрит на меня. — Я тры лицо, когда гнев начинает уходить. — Что, блять, со мной не так, Ти? Что я вообще делаю? Я потратил последние два года впустую, ожидая, что незнакомка хоть как-то признает меня. Я чувствую себя гребаным дураком.

Он обеспокоено смотрит на меня и, отвлекшись, чуть не проезжает на красный.

— Не говори так, друг. Любой человек, у которого есть глаза, может увидеть эту связь между вами. Она танцует для тебя, брат. Это ясно как день. Я не знаю, что у нее за дела, что у нее происходит за пределами этого клуба, но, даже без слов, у вас двоих такие отношения, каких у меня никогда не было ни с одной женщиной.

На светофоре загорается зеленый, и он оглядывается на дорогу. Как бы я ни был зол, то, что он сказал, правда. Между мной и моей Бабочкой что-то есть, и это что-то больше, чем слова. Так и должно быть, потому что, если я ошибаюсь, значит, я просто какой-то долбанутый сталкер-неудачник. Сейчас я чувствую себя дерьмово из-за того, что вот так набросился на нее. Даже если она не стояла передо мной сегодня, я знаю, она чувствует, что я рядом. Страхиваю свое настроение и снова сосредотачиваюсь на Тейте.

— Так что у тебя с книжным червем? Она не совсем похожа на типаж Тейта Вэлора.

Он хмуро смотрит в мою сторону, прежде чем вернуться к дороге.

— Сави помогает мне. Она согласилась быть моей фиктивной девушкой, чтобы держать шлюх подальше и помочь мне по учебе. Тренер наезжает на меня из-за оценок. Я не могу рисковать тем, что меня посадят на скамейку запасных до конца сезона. Мне нужно, чтобы скауты смотрели на меня на поле. Ты знаешь, какой у меня отец. В аду нет такой ярости, как у отца, живущего достижениями своего сына.

Хмыкаю в знак согласия.

— Конечно, я понимаю это, но что получает она? Зачем ей соглашаться на фиктивные отношения с тобой?

— Она получает щит. У нее есть адская сестра, которая любит издеваться над ней. Эта сучка ни черта не сможет сделать Сави, пока она под моей защитой.

Медленно киваю.

— Хорошо, но что случится, если у нее возникнут чувства к тебе? У такой девушки, как она, вероятно, нет длинной очереди из парней, ожидающих свидания с ней, поэтому то, что ты ведешь себя как ее парень, может... сбить ее с толку.

Тейт усмехается.

— Да, нет. Сави не хотела иметь с этим ничего общего. Я как бы заставил ее. Она не будет проблемой.

Пожимаю плечами и смотрю в окно.

— Хорошо, конечно. Только не говори, что я тебя не предупреждал.

Мне приходится покачать головой, представляя, какая жалкая группа из нас четверых. У Тейта фальшивые отношения. Я влюблён в девушку, которая даже не сказала мне своего имени, а Беккет и Джуд прижмут к себе кого угодно в юбке.

До окончания университета и выхода в реальный мир осталось менее двух лет, а я все еще не знаю, что буду делать. Мне нужно решить, хочу ли я продолжить обучение, чтобы получить степень доктора медицины, или испытать удачу, получив бакалавра наук в области спортивной медицины. Это огромное обязательство — учиться еще четыре года, не говоря уже о расходах.

Когда в выпускном классе старшей школы Джуд был замечен несколькими университетами, я был в восторге от того, что у моего лучшего друга будет путь из мира, в котором мы родились. Мы оба все глубже погружались в темную сторону, где наши семьи жили на протяжении многих поколений, и я боялся, что кровь никогда не смоется с наших рук, если мы останемся там надолго.

Я был готов поддержать его и устроить ему самые пышные проводы, но этот подлый ублюдок использовал свое влияние, чтобы потребовать стипендию и для меня, если они хотят, чтобы он подписал контракт. Пенвортский университет согласился на сделку, и вот так мы вместе обрели свободу. И если я поступлю после окончания университета, стипендии не будет, а это означает большие долги.

Отмахиваюсь от предложения Тейта выпить еще, когда мы возвращаемся домой, и направляюсь в свою комнату, чтобы принять душ. Как бы мне ни хотелось отключиться и ни о чем не думать, как только горячая вода попадает мне на голову, в моей голове вспыхивают эти потрясающие голубые глаза. Закрываю глаза и представляю ее идеальные изгибы, ее гладкую кожу и ее сексуальные движения, когда она танцует для меня. Мой член без раздумий оказывается в моей руке, и достаточно представить, как она стонет мое имя, чтобы я залил спермой всю плитку.

Черт, Бабочка убивает меня.

Плотнее натягиваю на себя свитер, чтобы уберечься от поздней осенней прохлады, пока иду через кампус. Скоро мне придется достать зимнюю куртку, так как погода становится все холоднее, а прогноз обещает снег со дня на день.

Каким бы прохладным ни был воздух, он не сравнится с тем холодом, который я почувствовала, когда Эш выскочил из клуба в прошлые выходные. Мне неприятно, что я заставила его так себя чувствовать, но я была так взволнована тем, что увидела его у Тейта, поэтому просто не могла заставить себя танцевать для него, как обычно, зная, что они все в клубе и наблюдают за мной.

Дрожь пробегает по моему телу от порыва ветра. Я так ненавижу это. Ненавижу, что мне приходится скрывать от него свою сущность. Я бы все отдала, чтобы стать такой женщиной, которую он хотел бы видеть в реальной жизни, но я знаю, что никогда не стану достаточно смелой, чтобы быть ею без маски.

Почему я не могу быть Бабочкой? Когда я притворяюсь ею, когда танцую для него, я чувствую себя самой уверенной во всем мире. Я знаю, что между нами что-то есть, словно какая-то связь. Если бы я могла стать такой же, как Бабочка, в реальной жизни, у меня был бы шанс...

— О, Сави, это ты! Твой красивый коричневый наряд просто сливается с фоном. Почти не заметила тебя, на минуту подумала, что ты большая куча комковатой грязи.

Морщусь, услышав ее голос и жестокие слова, которые так легко сорвались с ее губ, а затем медленно поворачиваюсь лицом к сестре. Она стоит с тремя другими блондинками, такими же красивыми и стильными, как она, в дизайнерских нарядах, дорогих шарфах и с высокими белыми бумажными стаканчиками, которые, я готова поспорить на все деньги в моем кошельке, наполнены тыквенным латте.

— Привет, Ванесса. Приятно видеть, что у тебя уже появились друзья. Нравится ли тебе новый университет? — спрашиваю я настолько приятным тоном, насколько могу.

Ее голубые глаза жестоко блестят, когда она ухмыляется мне.

— Вполне сносно, но я уверена, что будет еще лучше, когда я больше освоюсь и найду свою колею. Ты знаешь, каково это быть новенькой. Нужно время, чтобы разобраться во всех сплетнях и слухах.

Ее ухмылка переходит в оскал, и я готовлюсь к удару.

— Кстати говоря, я только что услышала кое-что о тебе. Очевидно, ты прям маленькая шлюшка. Я была потрясена, узнав, что ты успела оттрахать двух самых горячих парней в кампусе, а ведь прошло всего несколько месяцев. Я бы с удовольствием послушала, кто будет твоей следующей целью.

Остальные три девушки смеются, а мое лицо краснеет. Прежде чем я успеваю попытаться защититься, сзади раздается глубокий звенящий голос, и в это же время теплый пиджак накидывается на мои плечи, а в нос ударяет пряная корица.

— Кстати, говоря о шлюхах, почему бы одной из вас троих не рассказать мне, кто эта новая супер-сучка? Мне хотелось бы рассказать Тейту, кто именно достаёт его девочку.

Три девушки рядом с Ванессой бледнеют, а моя сестра наклеивает хрупкую улыбку и протягивает руку ладонью вниз, словно ожидая, что он ее поцелует.

— О, не глупи. Я Ванесса, сестра Саваны. Мы просто шутили. Это то, что делают

сестры, верно, Сави?

Я медленно киваю, все еще пытаюсь смириться с тем, что Беккет просто заступился за меня. Никто никогда не делал этого раньше, кроме Тейта в тот раз в библиотеке.

— Да, конечно. Просто шутили. Так... весело...

Я получаю взгляд, полный обещанного возмездия, но Беккет уже оттаскивает меня от них с предупреждением.

— Блэр, Маккенна, Бритни, убедитесь, что ваша новая подружка знает гребаные правила, или ответит весь ваш дом. — Он берет меня под свою большую руку и отворачивает от них. — Пойдем, дорогая, пообедаем.

Мне приходится почти бежать, чтобы поспевать за его длинными ногами, и, когда он замечает это, он посмеивается надо мной и замедляет шаг. Яркий солнечный свет подчеркивает рыжие отблески в его волосах и прекрасно контрастирует с его льдисто-голубыми глазами.

— Она действительно твоя сестра?

Киваю.

— Сводная. Я ей не очень нравлюсь.

Он открывает для меня дверь в столовую.

— У тебя есть злая мачеха, Золушка?

Смеюсь, потому что, ну... факт.

— Думаю, да.

— Хм, для меня это звучит как сказка. Садись вон за тот столик, я принесу нам обед, и ты мне все расскажешь. У тебя есть какие-нибудь предпочтения в еде?

Качаю головой с улыбкой.

— Нет, я не привередливая. Что бы ты ни принес, я не против, но только не с клубникой. У меня аллергия.

Он снова показывает на стол, чтобы я села, а потом идет и встает в очередь. Не могу сдержать глупую улыбку на своем лице. Никто не только не заступался за меня раньше, но и за два года, что я хожу сюда, мне всегда было не с кем посидеть за обедом. Я все еще улыбаюсь, когда Ванесса и ее подруги входят в зал, и, клянусь, дьявол прилетает и садится мне на плечо, потому что, когда она видит, что я сижу одна, я поднимаю руку и весело машу ей. Я практически вижу, как пар валит из ее ушей, когда она поворачивается в мою сторону, но она успевает сделать всего несколько шагов, когда перед ней пронесется белокурая динамо-машина.

— Куколка! Вот ты где!

Я почти задыхаюсь от восторга, когда все головы поворачиваются в мою сторону, потому что Джуд срывается с места и поднимает меня в костедробильные объятия, отрывая мои ноги от пола. От него пахнет свежим воздухом и цитрусовыми.

— Опустить меня, идиот! — выкрикиваю я, но в то же время пытаюсь не рассмеяться, когда вижу, как моя сестра становится почти фиолетовой и топает ногой, как ребенок.

— Чувак, брось девчонку и отойди, пока Тейт не отрубил тебе голову за порчу его собственности, — рычит Беккет, возвращаясь с двумя подносами еды.

Джуд ставит меня на ноги, помогает мне снять пиджак Беккета и вешает его на спинку стула вместе с моей сумкой.

— Ба! Она еще не его. Он только взял ее на тест-драйв. Они еще даже не дошли до переговоров о цене. У меня все еще есть шанс заполучить ее. Правда, Эми?

Боже мой, этот парень полный дурак, но я собираюсь вернуться к другому, смотрю на Беккета своим самым мрачным взглядом.

— Собственность? Ты серьезно только что назвал меня собственностью Тейта?

Он пихает в меня поднос, перегруженный едой.

— Мы можем вернуться к тому времени, когда ты была улыбочивой? Думаю, это было более безопасно, чем сейчас.

Качаю головой в отчаянии и поворачиваюсь к Джуду.

— Перестань называть меня Эми или я заставлю тебя пожалеть.

Он озорно ухмыляется, и я замечаю серебряные и черные кольца на его руках, когда его покрытые татуировками пальцы берут картошку фри из тарелки, которую принес мне Беккет.

— Звучит весело! Сделай свой лучший выстрел... Э-МИ.

Поворачиваюсь на своем стуле лицом к нему и наклоняюсь чуть ближе, сужаю глаза и шепчу:

— Если бы твой мозг был динамитом, взрыв бы даже не задел твой нос, Джуд.

Его глаза слегка прищуриваются, и ухмылка медленно исчезает с его лица, превращаясь в гримасу. Он скрещивает руки на груди, как ребенок, и смотрит на Беккета.

— Она злая, — хнычет он.

Толкаю Джуда в бок.

— Прости, я тебя не расслышала. Кто злая?

Он немного ворчит, но в конце концов говорит:

— Сави. Сави злая.

Я киваю, довольная собой, что смогла немного пошутить с ним, и снова поворачиваюсь лицом к столу.

— Она мне нравится! Хочешь пойти со мной домой и поиграть в Clitar Hero? У меня высокий ранг.

Рука, держащая картошку, которую я собиралась съесть, замирает на полпути ко рту, и я медленно поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него в недоумении.

— С тобой что-то серьезно не так.

Джуд шевелит бровями.

— Да, возможно. Но мне кажется, тебе это немного нравится. Не так ли?

Я закатываю глаза, отворачиваюсь и бормочу под нос «Может быть», заставляя его с триумфом поднять кулак в воздух.

К этому моменту Беккету каким-то образом удалось съесть половину содержимого своего подноса, и он указывает на меня свернутым куском пиццы.

— Ладно, Золушка, рассказывай сказку.

Маленькая мышка передо мной ломает булочку, которую я добавил на ее поднос, и смотрит на стол, за которым сидит куча девушек из женского общества, включая ее сестру.

Когда Тейт впервые сказал нам, что собирается фиктивно встречаться с какой-то девушкой, чтобы держать шлюх подальше от себя, я подумал, что он теряет хватку. Когда я встретил эту девушку на вечеринке в тот вечер, я подумал, что он провернул аферу, как в фильме "Это все она" — взять это ничтожество и сделать ей макияж, превратить ее в какую-нибудь популярную девушку, просто чтобы доказать, что он может. Дико, но в то же время довольно забавно. Это напомнило мне о том, каким жестоким он мог быть в наши школьные годы.

Теперь я не совсем понимаю, в чем его игра. Сави пришла на выходных, провела несколько часов, работая с ним над заданиями, и ни разу не проявила никакого интереса к нему или к кому-то из нас. Это было странно и в какой-то степени освежающе. Не могу вспомнить, чтобы в нашем доме была девушка, которую кто-то из нас не зажимал.

Он попросил нас присматривать за ней и пресекать любые разговоры о ней. Я не задумывался об этом, пока не услышал, как эта сука назвала ее кучей грязи и шлюхой. Обычно я бы проскользнул мимо такой девчачьей драмы, но по какой-то причине я решил запрыгнуть в вагон Сави — использовать тот небольшой кусочек силы, который у меня еще есть, во благо, пока он не пропал. Это немного смешно, какой властью обладают футболисты в этой школе, но я не жаловался на это, когда был в команде. Теперь, когда я в стороне, хрен знает, как долго продлится мое влияние.

— Давай, дорогуша.

Она прикусывает губу и со вздохом оглядывает стол сучек, прежде чем водрузить свои большие очки в черной оправе повыше на нос.

— Мой папа женился на маме Ванессы, когда мне было десять лет. Я нервничала, но в то же время была рада, что у меня будет сестра. Моя мама умерла при родах, поэтому всю жизнь мы были вдвоем, я и мой папа. Я... училась на дому, поэтому у меня никогда не было друзей, и идея иметь сестру была захватывающей. Оказалось, не очень. Ее мама не была заинтересована во второй дочери, и она отравила это еще до того, как мы познакомились. Ванесса была озлобленной с самого начала.

Она нахмурила лоб и плотнее обернула свитер вокруг своего тела, словно пытаюсь обнять себя, прежде чем продолжить.

— Мой отец... умер... через два года после свадьбы, оставив меня на попечение человека, которому я никогда не была нужна. Это... это была не самая лучшая среда, для подростка. Я думаю, они обе, вероятно, были возмущены тем, что я осталась с ними. Селеста заставила меня пойти в старшую школу с Ванессой, и, скажем так, она была там королевой пчел и делала все очень некомфортным для меня. Мы не так часто виделись, после моего поступления в университет, поэтому все было не так уж плохо. Но теперь, когда Ванесса перевелась сюда, она снова взяла меня на прицел.

Я смотрю на другой стол и вижу, как ее сестра смотрит в нашу сторону, и ухмыляюсь. Не понимаю женщин и то, как они могут изводить друг друга. С расстояния сестра — полный комплект. Для меня в ней слишком много острых углов, но она красивая, светловолосая, стройная и стильно одетая. Сидя здесь в окружении других девушек ее

уровня, она выглядит хорошо, но в ней есть этот уродливый взгляд превосходства, который очень отталкивает.

Снова поворачиваюсь к Сави и рассматриваю ее поближе. Она полная противоположность. Думаю, она может быть симпатичной, но она это скрывает. Ее темные волосы туго закручены в пучок, так что не угадаешь, какой они длины. На ней нет ни капли косметики, а ее большие очки хорошо затемняют голубые глаза, которые могли бы быть очень красивыми. Три раза, когда я ее видел, она была одета в бесформенную одежду больших размеров, которая скрывает ее формы, но она определенно не стройная девушка. В общем, ее внешний вид кричит «Не смотри на меня». Но в ней нет ничего такого, что дало бы кому-то повод издеваться над ней. Сави просто кажется милой девушкой без стиля и без друзей. Ее легко не заметить и забыть.

— Хм, значит, просто обычная дрянь? Ты не мучала ее в детстве, чтобы она тебя возненавидела? Не отрезала головы всем ее барби? Не увела ее парня в средних классах? Ничего такого? — спрашивает Джуд с блеском озорства в глазах.

Сави закатывает глаза и качает головой.

— Нет, и у меня никогда не было парня, ни ее, ни моего.

Ее глаза становятся большими, а щеки заливают румянец, как будто она не хотела об этом рассказывать.

Джуд делает преувеличенно шокированное лицо.

— Что!? Ты хочешь сказать, что твой самый первый парень..., - шепчет он, — ненастоящий? И ты даже никогда не танцевала танец без трусов? Это так нечестно. — Он поворачивается ко мне с заговорщицким видом. — Бек, давай, мы должны стать героями и помочь этой маленькой леди. Она заслуживает награды за то, что взяла на себя все эти дерьмовые обязанности фальшивой подружки. Мы можем дать ей призы в виде членов, она это заслуживает!

Качаю головой, глядя, как Сави краснеет от смущения. Я люблю этого парня, но иногда мне хочется, чтобы у него была кнопка выключения. Делаю попытку снять с нее напряжение, спрашивая:

— Ты идешь сегодня на игру?

Она делает гримасу, но кивает, ковыряясь в еде и ничего толком не съев.

— Тебе не нравится футбол?

Она смотрит на меня и немного смущается.

— Извини, ты тоже в команде? Я не против посмотреть игру, это интересно, но я не большая поклонница вечеринки после нее, на которую Тейт хочет, чтобы я пошла.

— Конечно, это интересно! Как это может быть неинтересно, когда я веду к каждой победе? Ты будешь болеть за меня в этот раз, верно, Э... э... Сави? — спрашивает Джуд, глядя на нее щенячьими глазами.

Я понимаю, что он делает — пытается отвлечь, чтобы мне не пришлось отвечать ей. Он знает, как тяжело мне находиться вне игры. Я складываю весь свой мусор и встаю из-за стола.

— Мне пора. Увидимся позже, ребята.

Сави вскакивает на ноги и пытается протянуть мне куртку, но я отмахиваюсь от нее.

— Оставь ее пока у себя. Просто принеси ее в дом, когда придешь в следующий раз, или оставь в машине Тейта, когда он тебя заберет.

Кидаю поднос на стойку и наслаждаюсь холодным воздухом, выйдя на улицу. Это

немного помогает заглушить боль от осознания того, что я не буду играть со своей командой.

Музыка практически оглушает, я прислоняюсь к стене дома братства, а Сави прижимается ко мне между ног. Она стоит спиной к моей груди, а я обхватил ее за талию, болтая с Сэмом и Грейсоном о победе, которую мы только что с трудом вырвали. Это было очень непросто, было слишком много потерь, и мое тело болит от того, что меня три раза толкнули, но в итоге мы победили, сохранив нашу серию. Сэм отхлебывает из своего красного стакана, сминает его в кулаке, а затем бросает через плечо, где он отскакивает от какого-то новичка, который ни черта не говорит по этому поводу.

Они уходят в поисках еще алкоголя, а я сканирую комнату в поисках мальчиков. Вместо этого нахожу уродливые ухмылки и осуждающие взгляды слишком многих людей. Достаточно одного мрачного взгляда в их сторону, чтобы эти взгляды исчезли, но меня это бесит. Кто они такие, чтобы судить, с кем я встречаюсь? И все потому, что Сави не вписывается в их представления о том, как должна выглядеть девушка квотербека? Да пошли они на хуй. Я Тейт, блядь, Вэлор. Я буду делать все, что захочу.

Собираю громоздкий свитер Сави у подола, чтобы просунуть руку под него и добраться до теплой кожи ее талии. Мои пальцы гладят ее кожу, и она сильнее прижимается ко мне, опускаю рот к ее шее и скользя губами по нежному местечку за ухом. Мой взгляд устремлен на толпу, но, когда я чувствую, как она вздрагивает, мои глаза опускаются к ее лицу. Легонько провожу зубами по мочке ее уха и стону, когда ее попка отталкивается от моего быстро растущего члена. Я позволяю своей руке блуждать по ее животу и еще немного вверх, пока мой большой палец не коснется нижней части ее груди, покрытой кружевом. Ее голова наклоняется в сторону, давая мне больше доступа к ее шее, и я вижу, как ее глаза закрываются за большими очками.

Черт возьми, для фальшивой подружки она знает, как играть на публику. Не могу остановить себя и трюсь о ее задницу. Мне приходится напоминать себе, что мы устраиваем здесь шоу, это не по-настоящему, становится все труднее и труднее помнить об этом, чем больше я прикасаюсь к ней и чем больше она отвечает на эти прикосновения.

Я думаю об этой девушке гораздо больше, чем следовало бы, когда мы не вместе. Хочу знать, действительно ли она так же заводится, как и я, когда мы делаем эти вещи на публике, или она просто очень хорошая актриса. Иногда Сави так трудно читать. Я чувствую, как она вздрагивает от моих прикосновений, но как только мы остаемся наедине, все признаки того, что она хочет меня, исчезают. Немного раздражает, как она может просто переключиться и стать безразличной.

Меня раздражает, что она способна вот так просто отключить это. Она моя ненастоящая девушка и делает именно то, что я хочу, но меня бесит, что она не хочет меня по-настоящему. Беру ее за подбородок и наклоняю в свою сторону, чтобы заглянуть ей в глаза, пытаюсь понять эту девушку, но снова не могу, поэтому наказываю ее, прижимаясь губами к ее губам. Это глупо и продиктовано исключительно эгоизмом, но я хочу, чтобы она почувствовала что-то настоящее. Мой член пульсирует у ее задницы, и я хочу, чтобы она страдала вместе со мной, поэтому я углубляю поцелуй и спутываю свой язык с ее, пока ее рука не поднимается и не вцепляется в мои волосы и не тянет, как будто ей нужно, чтобы я был ближе и глубже.

Сотовый телефон в моем кармане начинает вибрировать между нами, и это все, что

нужно, чтобы прервать момент. Сави вздрагивает и отстраняется. Я смотрю в ее глаза, ища знак, что она так же отчаянно хочет большего, как и я, но все, что я вижу, это настороженность, а затем она моргает и отворачивает голову. Рыча от досады, достаю телефон из кармана и громко ругаюсь, когда вижу, что это звонит мой отец. Я уклоняюсь от его звонков уже неделю и знаю, что если не отвечу, то он найдет причину, чтобы приехать сюда и увидеться со мной лично.

— Я должен ответить. Оставайся на месте, я скоро вернусь, — говорю я Сави и не обращаю внимания на вспышку беспокойства на ее лице, когда она обводит взглядом переполненный студенческий дом. Нажимаю на кнопку, чтобы ответить на звонок, и прижимаю телефон к уху, направляясь к входной двери.

— Да, просто дай мне минуту, чтобы найти тихое место, папа.

Его слова заглушает грохочущая музыка, пока я не спускаюсь по лестнице и не выхожу во двор. Я продолжаю идти, не желая, чтобы кто-нибудь подслушал этот разговор, а он, должно быть, слыша тишину, сразу же переходит в атаку.

— Что с тобой происходит? Ты еле-еле вырвал эту победу! Я был смущен той игрой в первой четверти, когда ты...

Позволяю ему перечислять мои ошибки по пунктам, зная, что ни мои слова, ни оправдания не будут иметь для него значения. Мои плечи напрягаются все сильнее и сильнее, а он разбирает каждый аспект моего пребывания на поле, пока я не готов ударить кулаком по чему-нибудь.

— Где твоя голова? Потому что сегодня на поле ее точно не было. Тебе нужно вытащить голову из задницы и сосредоточиться! Ни один скаут не обратит на тебя внимания, если ты будешь так играть. Ты этого хочешь? Ты хочешь быть очередным выдохшимся игроком, который зарабатывает на жизнь продажей машин?

Я хочу крикнуть в ответ: «Как ты?», но знаю, что он заставит меня заплатить за это, поэтому просто бормочу:

— Нет, сэр. — Он не зарабатывает на жизнь продажей машин, но провалился как игрок, был недостаточно хорош, чтобы попасть на драфт.

— Что за херню я слышу о том, что у тебя теперь есть девушка? Что я тебе говорил об этом? Ты можешь трахать столько кисок, сколько захочешь, но оставь в покое это дерьмо с сердечками и цветами. Ты не можешь позволить себе, чтобы какая-то тупая сучка разрушила твое будущее! В мгновение ока она залетит, а ты будешь следующие восемнадцать лет платить алименты. Черт, Тейт, ты действительно настолько глуп?

Я сдерживаю ругательство. Даже не хочу знать, как он узнал о Сави. У этого гребаного ублюдка везде есть глаза. Мне нужно, чтобы он отстал от меня, поэтому, быстро оглядевшись по сторонам, чтобы убедиться, что никто меня не подслушает, я выкладываю ему все начистоту.

— Она не моя девушка, она, блять, запасной вариант! Мне нужно было немного пространства, чтобы держать всех этих гребаных сучек-золотоискателей подальше от себя. Мы заключили сделку. Она притворяется моей девушкой и помогает мне с оценками. Вот и все. Она — ничто, и все мое внимание сосредоточено на этой чертовой игре, папа!

— Следи за своим тоном, при разговоре со мной, сынок, — рычит он. — Тебе лучше вспомнить, кто оплачивает твое присутствие здесь, и проявить немного гребаного уважения! Пока ты не подписал контракт на многомиллионную сделку, я владею твоей задницей, и ты будешь делать то, что я скажу. А теперь брось эту гребаную девчонку и вернись в игру, или

мы поговорим об этом лично.

— Я... — Бросив быстрый взгляд на экран, я вижу, что он уже повесил трубку, и хочу только одного — швырнуть свой телефон в ближайшее дерево, но вместо этого я выпускаю рев проклятий, а затем засовываю телефон обратно в карман.

Черт! Ну почему апрель не может наступить побыстрее. Как только я поставлю свою подпись под контрактом, я покончу с ним и его контролирующим дерьмом. Провожу руками по лицу в разочаровании и гневе. Я зарабатываю на рекламе, но этого недостаточно, чтобы покрыть все расходы. Джуд тоже сгребает деньги со своих рекламных сделок. Мне нужно поговорить с ним и узнать, не знает ли он еще о каких-нибудь, которые я могу заключить. Чем быстрее я выберусь из-под власти этого засранца, тем лучше.

Поворачиваюсь, чтобы вернуться на вечеринку, и вижу, как Джуд выходит, с накинутой на плечи Сави рукой, со злобной ухмылкой на лице и мазком крови возле рта. Бек идет позади них, и когда наши глаза встречаются, я вижу, что в них пылает гнев. Я просто вздыхаю и жду, пока они догонят меня, чтобы узнать, что еще сегодня пошло не так.

Достаю свой телефон и использую его как щит, когда Тейт оставляет меня одну, чтобы ответить на звонок. Мое сердце все еще колотится от последнего поцелуя и ощущения его пальцев на моей голой коже. Эта фальшивая сделка становится для меня все сложнее и сложнее с каждым разом, когда мы вместе появляемся на публике. Никто никогда не прикасался ко мне так, как Тейт, и я чувствую, что постоянно нахожусь в напряжении, на грани. То короткое время, что я была с Хантером, было сплошными неуклюжими прикосновениями, он раздевал меня, словно участвовал в гонке к финишу, а не ко мне. Но с Тейтом... это было похоже на недельную сессию того, чем, как я всегда думала, должна быть прелюдия. Я так готова к финальному акту, и знание того, что этого никогда не произойдет, делает все еще хуже.

Огромное присутствие ударяется о стену рядом со мной и придвигается ближе, заставляя меня поднять голову от телефона. Это один из парней, с которыми Тейт разговаривала ранее. Запах джина доносится до меня, когда он выдыхает в мое пространство. Пытаюсь отодвинуться, чтобы создать между нами расстояние, но одна из его больших рук врезается в стену по другую сторону от меня, заключая в клетку.

— У тебя должна быть позолоченная киска под всей этой одеждой тети Бетти, чтобы зацепить такого парня, как Тейт. Или это твой рот? Ты хорошо сосешь член, ботаничка?

Мои плечи поднимаются, и я буквально чувствую, как зажимаюсь в себе от его грубых слов, но, прежде чем я успеваю попросить его оставить меня в покое, раздается другой голос.

— Это должен быть рот. Я трахал эту наполненную паутиной киску. Сухая, как пустыня, мужик. Слава богу, она была девственницей, так что было немного крови для смазки, — со смехом говорит Хантер, проскальзывая сбоку.

Унижение захлестывает меня, и слезы наполняют мои глаза. Пытаюсь увернуться от руки парня, но он хватает меня и прижимает к себе одной большой рукой.

— Так, ботаничка? У тебя хороший рот, который делает трюки? Как насчет того, чтобы встать на колени и показать мне? Тейт никогда не был против совместного использования. Не могу представить, чтобы его волновал кто-то вроде тебя.

В долю секунды, я даже не успеваю крикнуть о помощи, пропитанного джином парня передо мной оттаскивают и прижимают к груди Беккета. Джуд быстро подмигивает мне и поворачивается к нему, и краем глаза я вижу, как Хантер ускользает.

— У меня есть план получше, как насчет того, чтобы встать на колени и пососать мой член, Сэм? Посмотрим, пригодится ли твой рот для чего-нибудь, кроме того, чтобы вытряхивать из него мусор? — Джуд дразнит его, пока Беккет удерживает его на месте за руки.

— Какого черта, Джуд? Ты тоже ее трахаешь? Отстань, мужик, я просто играл с этой сучкой!

От мрачного взгляда Джуда у меня по спине пробегает дрожь, а дыхание учащается. Все веселое дурачество, которое я обычно вижу в нем, исчезло. На его месте — человек, от которого нужно... бежать. Я должна испугаться того, кем этот парень только что стал, прямо у меня на глазах, но вместо этого я наклоняюсь чуть ближе, чтобы увидеть, что именно он собирается сделать. Он хихикает беззлобным смехом.

— Знаешь что? Я передумал. Я не хочу, чтобы этот герпесный туннель был рядом с моим членом, но вот тебе кое-что другое для сосания.

Кулак Джуда очень быстро летит и ударяет Сэма прямо в рот. Внезапное насилие должно шокировать меня, но вместо этого моя киска сжимается. Этот парень, которого я едва знаю, только что ударил другого... за меня... и это пробуждает во мне что-то глубокое и темное. Я тяжело сглатываю, когда он наклоняется и большим пальцем смахивает немного крови, запекшейся на губах Сэма, и слизывает ее.

— Не смотри на нее, не разговаривай с ней, и уж точно не трогай ее. Пусть остальные знают. Она вне зоны доступа. Если мне придется снова вести этот разговор... я не буду слизывать твою кровь... я, блять, выпью ее до дна. Слышишь меня? — Джуд говорит ему самым холодным тоном, который я когда-либо слышала, а затем бросает взгляд холодных, золотых глаз в мою сторону. Одно моргание, и они снова теплеют. Он одаривает меня своей обычной ухмылкой.

— Готова убраться отсюда, куколка? Мы могли бы вернуться к себе домой и притвориться канадцами, добывая струю бобра! — Он шутит, пытаюсь успокоить меня.

Все, что я могу сделать, это медленно кивнуть, взять предложенную им руку и позволить ему вывести меня с Беккетом за спиной.

Я сижу на трибуне стадиона, наблюдая за тем, как моя бывшая команда, проводит тренировки, и стараюсь не выплеснуть свой гнев на всеобщее обозрение. Я только что провел последнюю встречу с медицинской командой и получил окончательный ответ, которого так боялся. Моя футбольная карьера официально завершена. Слишком много повреждений и слишком много уязвимых мест, чтобы быть полезным команде. Я опускаю голову на руки и пытаюсь отдышаться от безнадежности, которая грозит поглотить меня из-за того, что у меня отняли последнюю надежду.

Что мне теперь делать? Футбол был единственной константой в моей жизни с тех пор, как я впервые надел щитки. Больше у меня ничего нет. Отец отправил меня в школу-интернат через месяц после смерти мамы и с тех пор почти не вспоминал обо мне. Когда я приезжал домой на каникулы, часто оказывался в пустом доме с какой-нибудь женщиной, которой он платил, чтобы она присматривала за мной, пока он улетал с какой-нибудь шлюшкой, которую трахал в данный момент. Я знаю, что этот ублюдок даст мне работу после окончания университета, но какой в этом смысл? Одиночество на работе, к которой у меня нет ни интереса, ни страсти, звучит для меня как смертный приговор.

Поднимаю глаза и смотрю, как Тейт бросает идеальный крученный Джуду на поле, и падаю обратно на сиденье. Там внизу моя семья. Как я могу просто уйти и никогда больше не быть с ними?

Мы с Тейтом познакомились в подготовительной школе, когда нам было по тринадцать лет. Мы сразу же нашли общий язык как на поле, так и вне его. Поскольку у нас обоих были дерьмовые отцы и любовь к футболу, это была легкая связь, и в итоге мы жили вместе до окончания школы. Мы оба знали без слов, что поступим в один университет и будем играть вместе. Мы понимали, что после драфта можем оказаться в разных командах, но у нас был план сделать все возможное, чтобы попытаться предотвратить это.

Мы познакомились с Джудом и Эшем на первом курсе, и просто сдружились. Эш не играет, но он участвует в жизни команды, стажирется и работает волонтером, чтобы получить опыт, необходимый для степени по спортивной медицине. Последние два года игры, вечеринки и совместной жизни сплотили нас в маленькую семью, и теперь мы проводим вместе большинство наших каникул. Но теперь все это подходит к концу. Мы с Эшем останемся здесь на этот и следующий год, чтобы получить дипломы, а Тейт и Джуд будут призваны в другие команды и уедут, после окончания этого года. Я никогда не чувствовал себя таким потерянным.

Эш садится рядом со мной и закидывает ноги в мотоциклетных ботинках на сиденье перед собой. Он ничего не говорит, просто знает, почему я здесь сегодня. Мы сидим и молча смотрим, как команда проводит тренировку, пока она не подходит к концу, а затем спускаемся по ступенькам на поле. Этот мешок с дерьмом, Сэм, замечает меня и с ухмылкой подбрасывает флажок вверх, и я жалею, что это не я отведал его крови той ночью.

— Что это значит? — спрашивает Эш со смехом.

Сжимаю руки в кулаки, думая о том, как приятно было бы ударить кого-нибудь прямо сейчас.

— Он напал на девушку Тейта на вечеринке. Прижал ее к стене и говорил всякие гадости. Немного напугал ее, и Джуд ударил его.

Эш приподнимает бровь.

— Фальшивую? — Когда я киваю, он закатывает глаза. — Так почему Сэм злится на тебя?

Ухмыляюсь.

— Возможно, я удерживал его на месте для того удара.

Эш качает головой.

— Вы с Джудом пытаетесь получить значки бойскаутов-героев? По мне, так это чертовски странно. Я не понимаю, если он собирался сделать что-то подобное, то почему он выбрал такую ничтожную мышку, как она?

Я просто пожимаю плечами.

— Не знаю, но такая девушка, как она, не заслуживает, чтобы ее вот так бросили на съедение волкам.

Он смотрит на меня боковым зрением.

— Такая девушка, как она? Что это значит?

Закатываю глаза, какой же он осел.

— Это значит, что она хорошая. Она не похожа на обычных сучек, которые стекаются к нам. Эта девушка не хочет быть рядом ни с кем из нас. Она просто попала в дерьмовую сделку.

Он ничего не отвечает на это, но теперь я думаю об испуганных голубых глазах за слишком большими очками.

Уже две недели я являюсь фальшивой девушкой Тейта и постепенно начинаю сходиться с ума. У меня такое чувство, что у меня переключивается между публичной версией нас и приватной. Когда мы где-нибудь гуляем, он постоянно прикасается ко мне, целует и смотрит на меня так, будто я воздух, который ему нужен для выживания. Это внимание держит мое тело в почти постоянном состоянии возбуждения, которое не снимается даже мастурбацией. Но наедине, он весь в делах, занят домашней работой и почти не смотрит на меня. У меня голова идет кругом.

И это еще не считая проблемы с Ашером. Просто находясь рядом с ним без маски в их доме, я превращаюсь в краснолицего, брызжущего слюной тупицу. Не могу связать и двух слов, чтобы поговорить с ним, когда он рядом. Это совершенно нелепо. Не знаю, как долго смогу выносить это все.

Заканчиваю собирать сумку со всем необходимым для занятий и выпечкой, которую Джуд теперь требует за вход в дом, и заказываю Uber. По крайней мере, вчера вечером мне не пришлось идти на вечеринку, так как команда была на выездной игре. Как бы я ни старалась не обращать внимания на шепот и неприятные взгляды в мою сторону, мне это уже надоело. Я больше никогда не захочу идти на такую вечеринку после того, что случилось с Сэмом и Хантером. Неважно, как здорово было, когда Джуд ударил парня из-за меня.

Выхожу через парадную дверь своего многоквартирного дома и сразу же ощущаю в воздухе холодное дыхание зимы. Еще несколько раз обматываю вокруг шеи свой длинный шерстяной шарф и затягиваю повыше молнию на длинной пуховой зимней куртке, чтобы уберечься от холода. К счастью, вскоре подъезжает машина, так что мне не приходится долго мерзнуть. Когда мы подъезжаем к дому, Бекетт и Ашер уже стоят на подъездной дорожке и выгружают пакеты с продуктами из грузовика Бекетта, чтобы занести их в дом. Я быстро выпрыгиваю и бегу к ним, чтобы взять несколько пакетов и помочь занести их. На это Эш поднимает бровь, а Беккет говорит:

— Спасибо, дорогая.

Иду следом за ними и, сняв ботинки, присоединяюсь к ним на кухне, чтобы добавить свои пакеты в огромную кучу.

— Вау, ребята, вы оставили что-нибудь в магазине для других покупателей? — шучу я в сторону Беккета, все еще не в состоянии говорить напрямую с Эшем, не выставив себя дураком.

Тейт присоединяется к нам и отвечает мне, пока начинает разгружать продукты.

— Запасаемся на случай бури, мы вчетвером много едим. Ты принесла те аннотации?

Натянуто улыбаюсь и киваю. Точно, мы не на людях, так что он снова весь в делах. Перехожу к обеденному столу, чтобы выгрузить свою сумку, и через несколько секунд после того, как я достаю коробку с печеньем, Джуд крадет ее, подмигивает мне и исчезает так же быстро, как и появился. Сажусь на свое место, но слышу, как они все разговаривают на кухне.

— Мы должны пригласить несколько девушек. Если нас завалит снегом, мы сможем переждать бурю, катаясь верхом, — слышу, как Джуд говорит с полным ртом печенья. — Черт побери, в этой девушке есть немного кухонной магии уровня Гарри Гудини. Вы, ребята, должны попробовать хотя бы одно.

Хотя я ценю то, что ему нравится моя выпечка, я очень не хочу быть запертой в этом доме во время секс-вечеринки, поэтому я беру свой телефон и проверяю прогноз погоды. Ожидается гроза, но она начнется только ночью. У меня будет достаточно времени, чтобы пропустить ее начало, но мне нужно позвонить на работу, чтобы узнать, будет ли открыт клуб. Если будет гроза, мне необходимо быть в своей постели, накрывшись с головой одеялом, чтобы отгородиться от нее. За эти годы я добилась большого прогресса в терапии, но я все еще страдаю, когда начинается метель. Нет, последнее место, где я могу быть, это на людях, если начнется буря.

Тейт опускается на стул рядом со мной и включает свой ноутбук, чтобы мы могли приступить к работе. Он передает его мне, чтобы я могла проверить его прогресс, и я теряюсь в правках и предложениях, чтобы укрепить его позицию по текущему заданию.

Я сжимаю мяч для снятия стресса снова и снова, пытаюсь не обращать внимания на свою фальшивую девушку, сидящую рядом со мной. Делать это становится все труднее и труднее. Каким-то образом эта девушка сильно задела меня за живое, и это меня бесит. Каждый раз, когда я прикасаюсь к ней, во время нашего шоу, мне все труднее отстраниться. Она не понимает, как ее хныканье и стоны заставляют мой член твердеть. Я никогда не прикасался к женщине, которая так охуенно подходила бы для меня. Не могу поверить, что она симулирует свои реакции, когда мы целуемся, но она должна, чтобы так быстро отключаться и отходить, не так ли?

Сави делает все, что я хотел от фальшивых отношений, и она прекрасно справляется со своей задачей. Она появляется, когда и где я говорю, а затем уходит, чтобы дать мне возможность заниматься своими делами без жалоб. Она помогла мне разобраться с заданиями, по которым я отстал, и благодаря ее подсказкам я стал копать глубже, и моя учеба улучшилась, я бы не добился всего этого без нее.

Смотрю на нее, и мои глаза тут же опускаются к ее рту, я стараюсь не застонать. Она полностью поглощена тем, что читает, и бездумно кусает и сосет конец своей ручки. Уверен, что именно поэтому я в таком беспорядке.

Она даже не пытается добиться от меня большего, а это не то, к чему я привык. Думаю, мне нужно просто трахнуть ее и выкинуть из головы. Я хочу ее только потому, что она не заинтересована. Плюс ко всему, я никого не трахал с лета. Должно быть, все дело в этом. Она не в моем вкусе, она даже некрасивая в своей мешковатой старушечьей одежде. Перевожу взгляд на ее темно-каштановые волосы, которые всегда закручены в пучок, и думаю, такие ли они мягкие, как кажутся. Достаточно ли они длинные, чтобы обхватить их кулаком, пока я...

— У меня что-то в волосах?

Ее тихий вопрос заставляет меня оторвать взгляд от ее пучка и встретиться с ее голубыми глазами за толстыми стеклами очков. Я еще крепче сжимаю шарик антистресс, заставляя себя не потянуться и не снять очки, чтобы получше рассмотреть ее глаза. Вместо этого я хмуро качаю головой и возвращаюсь к чтению. В комнате стало тускло, поэтому я вскакиваю и иду к выключателю, чтобы сделать свет ярче. Когда я снова сажусь, вижу, что Сави проверяет часы, а затем телефон.

— Что случилось? Тебе куда-то нужно? — спрашиваю я, одновременно надеюсь, что ее ответ будет и «да», и «нет».

Она смотрит в сторону огромного окна, которое выходит на задний двор, но жалюзи закрыты, загораживая вид, а затем вздыхает.

— Да, мне пора уходить. Я не хочу попасть в грозу, которая приближается. — Она встает и начинает собирать свои вещи, и я тоже.

— Конечно, это умно. Слушай, у меня в четверг ужин в честь повышения квалификации. Ты все еще не против пойти со мной?

Ее руки замирают, когда она тянется за книгой. Всего на полсекунды, но я замечаю.

— Это... это ведь то официальное мероприятие, о котором ты говорил, да?

Мне приходит в голову мысль, и я ругаюсь себе под нос. Она работает на двух работах, так что, возможно, она не может позволить себе официальную одежду.

— Да. У тебя есть платье, которое подойдет? Я не против заплатить за него, если у тебя нет на него денег. Этот ужин выходит за рамки того, о чем мы договорились, так что тебе не придется платить за него из своего кармана.

Румянец ползет по ее шее к щекам, и меня бесит, каким чертовски милым я нахожу ее румянец сейчас и то, что я задаюсь вопросом, распространится ли этот румянец по всему ее телу, когда она возбуждётся.

— Я в порядке. Я имею в виду, у меня есть платье, которое подойдет. Все в порядке. Я буду там.

— Хорошо, отлично. Я ценю это. Такие ужины приносят много денег команде, но они чертовски скучные, и на игроков будет охотиться много пум, так что хорошо, если мне не придется идти туда одному.

Ее губы сжимаются в плоскую улыбку, когда она закидывает сумку на плечо и берет свою пуховую куртку и шарф. Она открывает приложение «Uber» на своем телефоне, и по какой-то причине я не готов к тому, что она уйдет.

— Не беспокойся об этом. Я отвезу тебя домой.

Теперь, когда я думаю о том, что она работает на двух работах, я понимаю, сколько она, вероятно, тратит на такси туда обратно. Черт, я почти ничего не знаю о женщине, которая была моей фальшивой девушкой две недели, и я думал, что это то, чего я хотел, но теперь не уверен.

— Увидимся, ребята, — кричит она в гостиную. — Джуд, полегче с печеньем. Пока шторм не пройдет, больше не доставят, — дразнит она, и меня раздражает, что у нее, похоже, более легкие отношения с Джудом и Бекон, которые расслабившись на диване, углубились в какую-то игру про зомби, чем со мной.

— Не волнуйся, куколка. Если это будет продолжаться слишком долго, я найму сани и собачью упряжку и пробью себе дорогу к тебе домой. Мы сможем прижаться друг к другу, и ты сможешь кормить меня с рук всей своей сладкой выпечкой.

Она смеется и качает головой.

— До скорого, чудак!

Я накидываю куртку, пока Сави натягивает сапоги, но когда она открывает входную дверь, чтобы уйти, то замирает на месте. Я смотрю мимо нее и вижу только белый смог. Буря началась рано, и, судя по всему, она может быть хуже, чем прогнозировалось. Снег уже нарастает и сильно метет.

Сави издает крошечный звук страдания, но именно ярко-белые костяшки ее пальцев, вцепившихся в дверную раму, говорят мне, что что-то не так. Осторожно оттаскиваю ее от двери и сразу чувствую, что она дрожит.

— Эй, эй, все в порядке. Я отвезу тебя домой.

Когда она поворачивается ко мне, я вижу, что вся кровь отхлынула от ее лица, а глаза огромные и остекленевшие от ужаса. Ее голова начинает трястись из стороны в сторону, дыхание учащается, и я понятия не имею, что, черт возьми, с ней происходит, но начинаю паниковать.

Эш спускается по лестнице, смотрит в нашу сторону, а потом продолжает идти, только чтобы развернуться и вернуться. Он проверяет ее лицо, дыхание, то, как она крутит пальцами, а затем проходит мимо нее и захлопывает дверь. Сави издает странный стон облегчения, а затем опускает голову на руки.

— Что, блять, только что произошло? — спрашиваю я его, чувствуя себя здесь

совершенно не в своей тарелке.

Эш пожимает плечами с почти скучающим выражением лица.

— Если бы мне пришлось гадать, это какая-то травматическая реакция. Мне показалось, что это паническая атака.

Смотрю на него так, будто у него две головы.

— Паническая атака? Из-за чего? Я только предложил отвезти ее домой.

Он смотрит на меня как на полного идиота, качает головой и поворачивается, чтобы уйти, крича при этом:

— Серьезно? Очевидно, это было гребаное затмение из-за снега или бури.

Сави опускает руки и несколько раз моргает на меня, а затем поворачивается к закрытой двери и глубоко выдыхает.

— Прости, прости... эээ... плохой опыт с грозой. Прости, что психанула.

Снимаю ее сумку с плеча, бросаю ее на пол и притягиваю ее к себе, чтобы обнять, в чем я, возможно, нуждаюсь больше, чем она.

— Черт, это быстро обострилось.

Она бормочет еще одно извинение мне в грудь, но я просто еще раз сжимаю ее в объятиях через ее пухлую куртку.

— Не беспокойся об этом. Ты можешь остаться здесь и переждать бурю вместе с нами. Давай вытащим тебя из этого пуховика и посмотрим, что мы сможем приготовить на ужин.

Сави не протестует, она просто возвращается к обеденному столу и сидит одна с опущенной головой, возится со своим телефоном. Я хочу спросить ее, все ли с ней в порядке, спросить, что случилось, почему она так боится простой зимней бури, но, думаю, она смущена, поэтому я пока оставляю ее в покое. Замечаю, что Эш время от времени хмуро смотрит в ее сторону, пока мы готовим простой ужин из макарон, но тоже ничего не говорит. Бек и Джуд присоединяются к нам за столом, когда все готово, и бросают на нее целенаправленные взгляды, но я отгоняю их. Ставлю перед ней миску и стакан воды, но когда она не поднимает глаз и ничего не говорит, то я кладу руку ей на плечо и подталкиваю.

— Съешь что-нибудь. Тебе станет легче.

Она кивает, как робот, берет вилку и делает несколько укусов, и я сажусь есть рядом с ней. Мы с ребятами оставляем ее одну, пока болтаем о прошедшей игре и о том, что предстоит, и постепенно я вижу, как напряжение начинает покидать ее плечи. К тому времени, когда мы все закончили есть, Джуд больше не может этого выносить.

— Сави? Куколка Сави?

Она медленно поднимает голову, и я вижу, что ее глаза потеряли оцепенение, но теперь наполнены грустью, которая, как мне кажется, еще хуже.

— Не грусти, куколка. Ты можешь взять последнее печенье.

Нелепое облегчение наполняет меня, когда ее губы изгибаются в маленькой улыбке, и она качает головой.

— Спасибо, Джуд, но съешь его сам.

Он запрокидывает голову назад, как будто благодарит.

— Уф, слава Богу! Я думал, что мне придется отдать его тебе.

Он достает печенье из кармана рубашки и запихивает его в рот, от чего Сави раздражается смехом.

Мы все принимаем участие в уборке, и как только прибрана последняя тарелка, Джуд

тащит Сави в гостиную и сует ей в руки игровой контроллер.

— Спасибо, но я не преувеличиваю, когда говорю, что буквально понятия не имею, как пользоваться этим, — говорит она ему.

— Это прекрасно! Победитель получит большой приз сегодня вечером в моей постели.

Она пытается вернуть контроллер, но Бек выхватывает его у нее из рук и толкает ее на диван.

— Вот, дорогая, я покажу тебе, как им пользоваться.

Сави издает смешок.

— Хорошо, но не спорь. Я буду спать на диване, если у вас, ребята, нет свободной комнаты, которую я могу занять.

Бек обхватывает ее за талию, чтобы держать контроллер обеими руками.

— Есть, но сейчас она заставлена тренажерами, извини.

Они показывают ей, как играть, при этом Джуд постоянно кричит: «Стреляй им в голову!»

Эш опускается на стул рядом со мной и наклоняется поближе, чтобы остальные его не слышали.

— Что бы это ни было, оно не проходит просто так. Не позволяй ей спать сегодня на диване. Ей обязательно будут сниться кошмары. Отведи ее в свою комнату. Мне все равно, будешь ты ее трахать или нет. Просто не оставляй ее одну.

Эш откинулся в кресле, и мы наблюдаем, как Сави снова и снова убивают зомби. Для человека, который никогда раньше не играл, она довольно быстро овладевает игрой после первой резни. Через час она уже проходит несколько уровней, смеется и увлекается игрой, но дойдя до большого босса, она встречает достойного противника. Я откидываюсь назад и смотрю, как она вскакивает на ноги, словно это даст ей какое-то преимущество. Ее лоб нахмурен в сосредоточенности, и она прикусывает нижнюю губу самым милым, блядь, образом, пока ее пальцы летают над контроллером. Я уже знаю, что она проиграет, несмотря на то что Джуд и Бек выкрикивают советы и приемы, но когда босс выводит ее из игры, то все ее тело оседает, и кажется, что она вот-вот заплачет.

Сави отворачивается от экрана и как бы шепчет:

— Он съел мое ебанное лицо.

Джуд завывает от смеха, указывая на нее.

— Эми только что сказала "ебанное"! Я не думал, что ты знаешь хоть одно ругательство.

Она швыряет в него контроллер и снова опускается на диван.

— Я знаю много ругательств. Я просто произношу их в голове, а не вслух.

Бек наклоняется к ней и приподнимает ее подбородок вверх.

— Готов поспорить, что ты много чего держишь взаперти в своей голове. Тебе стоит сказать все вслух, дорогая. Так будет гораздо веселее.

Глаза Сави опускаются к его рту, и когда ее маленький розовый язычок высовывается, чтобы смочить нижнюю губу, я решаю, что ночь окончена.

— На этом мы закончим. Пойдем, Сави. Я принесу тебе что-нибудь для сна.

Протягиваю ей руку, она берет ее, поднимается с дивана, и я веду ее наверх. Закрываю за нами дверь своей спальни и прислоняюсь к ней, наблюдая, как она осматривает мою комнату. Когда она поворачивается, чтобы посмотреть на меня, я отхожу от двери и иду к комоду, чтобы взять для нее пару боксеров и футболку для сна. Отдаю их и указываю на дверь рядом с моим шкафом.

— Ты можешь переодеться там, это ванная.

Она колеблется, как будто собирается отказаться, но потом все-таки забирает их у меня и идет в ванную, не говоря ни слова. Я смотрю на свою кровать размера California King и думаю, хорошая это идея или нет. Черт возьми, я знаю, что нет, но Эш не ошибается, что ей, вероятно, не стоит спать одной сегодня ночью. Мне просто нужно держать свои руки при себе. Секс с Сави только все усложнит. С нашей сделкой все налаживается. Последнее, что мне нужно, это испортить все из-за того, что одна девчонка влезла ко мне в душу.

Стягиваю с себя рубашку и снимаю джинсы, меняя их на спортивные шорты, а затем забираюсь в кровать. Ложусь на спину, закинув руки за голову, и жду, когда она выйдет. Она наконец выходит, и замирает на месте, видя, что я уже в постели, а затем быстрыми шагами направляется к двери.

— Спасибо за одежду. Увидимся завтра, Тейт.

— Сави, ты не будешь спать на диване. Эти парни будут бодрствовать еще несколько часов, и нам никуда не надо завтра. Ты можешь спать здесь. Это большая кровать, я даже не почувствую, что ты в ней.

Ее рука тянется к дверной ручке и замирает, пока она перебирает все варианты на выбор или их отсутствие. Через несколько мгновений ее рука опускается, и она поворачивается, чтобы посмотреть на меня. Изучает мое лицо, и то, что она там видит, заставляет ее принять решение. Ее голос тихий, когда она говорит: «Хорошо», переходит на противоположную сторону и садится спиной ко мне.

Я наблюдаю, как она кладет очки на тумбочку, а затем поднимается и начинает расплетать волосы. Я практически не дышу, пока весь этот каштановый шелк не рассыпается по ее спине, переливаясь. Когда до меня доносится запах персиков, мне приходится подавить стон, заставить себя отвернуться и выключить свет. Это будет долгая, блять, ночь.

Когда я просыпаюсь, мои глаза болят и слезятся, что говорит о том, что я снова плакала во сне. Прошел уже год с тех пор, как это случилось в последний раз, и я знаю, что причиной этого была белая мгла. Прошло почти девять лет после аварии, но иногда мне кажется, что это было вчера, когда я вспоминаю те ужасные два с половиной дня, которые навсегда изменили мою жизнь.

Сильнее прижимаюсь к окружающему меня теплу, и тут я понимаю, что это Тейт обхватил меня сзади. Его передняя часть прижата к моей спине, наши ноги спутаны, одна его рука подо мной, обхватывающая мою талию, а другая — поверх меня, его рука держит мою... грудь.

Я остаюсь совершенно неподвижной и едва дышу, осознавая, как чертовски удивительно ощущается, когда тебя так держат. Лицо Тейта зарылось в мои волосы, и я чувствую его горячее дыхание на своей шее, отчего мурашки бегут по всему телу. Но именно твердая длина, прижатая к моей заднице, заставляет жар вспыхивать между ног. Закрываю глаза и просто позволяю себе почувствовать каждый дюйм его горячей кожи поверх моей, потому что знаю, как только он проснется, он отстранится.

Не знаю, как долго я пролежала так, потерявшись в ощущениях его прикосновений, но когда его большая рука сгибается на моей груди, то я сдерживаю крошечный вздох удовольствия. Он сильнее прижимается к моей попке, его губы пробегают по чувствительной коже моей шеи, когда он откидывает мои волосы набок.

Голос Тейта хриплый от сна, он бормочет:

— Это хороший способ проснуться. У меня никогда раньше не ночевала девушка.

Я не знаю, что ответить, поэтому молчу, прикусив губу, пока его пальцы проводят по моему острому соску через ткань футболки, которая на мне надета.

— Ты такая тёплая, такая мягкая.

Рука, обернутая вокруг моей талии, скользит под резинку боксеров, которые я надела перед сном, чтобы провести по кости бедра. Я стараюсь молчать и не двигаться, боясь нарушить его сонный транс, пока его пальцы скользят по моей коже.

Он дышит низким рыком на мою шею, а затем его губы смыкаются на моей коже, посылая дрожь по моему телу, и я чувствую, как его губы кривятся в улыбке, когда он упирается своей твердой длиной в мою задницу.

— Хочешь начать день правильно? Мы можем снять напряжение друг другу, без всяких условий.

Я все еще не отвечаю, а его пальцы скользят вниз и совершают медленные круговые движения по моей нижней части живота. Он так близко к тому месту, где я жажду прикосновений, что мои бедра слегка двигаются, чтобы быть ближе к его руке. Его низкий смех наполняет мое ухо, когда он нежно покусывает мочку моего уха.

— Нужно говорить «да», если хочешь большего, малышка. Даже фальшивые подружки должны дать согласие.

Его низкий голос звучит в моем ухе как секрет. Как будто это будет только между нами. Момент за рамками нашей сделки. Я не глупая, я знаю, что это ничего не будет значить, но я отчаянно хочу получить его. Хочу стереть разочарование, которое у меня было с Хантером, с тем, что, я знаю, будет лучшим воспоминанием. Кроме того, моя киска ноет и умоляет меня

сказать «да», поэтому я сдаюсь, поддаюсь, прижимаюсь к нему и выдыхаю:

— Да.

Он бормочет «Хорошая девочка», когда его рука прекращает скользить по моему телу, чтобы он мог спустить мои боксеры и поднять мою футболку выше. Я чувствую, как его горячий голый член трется об меня, и это похоже на лучший вид греха. Рука на моей груди проскальзывает под футболку, его пальцы как будто созданы специально для моей груди, потому что она идеально ложится в его руку. Мое дыхание становится более частым, но когда его пальцы касаются моей обнаженной киски, и он стонет мне в шею, это вырывается из меня стоном отчаянной потребности.

Он не дразнит меня, его пальцы проникают во влажный жар между моими складочками и глядят меня твердо и быстро. Мои бедра выгибаются навстречу его руке, желая получить еще больше тех великолепных ощущений, которые он запустил внутри меня, и Тейт отвечает мне толчком своего члена.

— Господи, ты такая чертовски мокрая, детка. Это для меня? Ты хочешь меня, Сави? Ты хочешь, чтобы я тебя трахнул?

Невозможно произнести слова, когда он подносит один из пальцев к моему входу и пытается войти в меня.

— Ты должна расслабиться,пусти меня.

Тейт подхватывает одну из моих ног своим коленом сзади и раздвигает меня шире, и я задыхаюсь от того, что происходит дальше, его палец глубоко проникает в меня. Он снова стонет и впивается зубами в мою шею.

— Черт, ты такая чертовски тугая. Я чувствую, как ты сжимаешь меня. Я хочу, чтобы мой член был в тебе, Сави. Дай мне трахнуть тебя. Я хочу почувствовать, как ты кончаешь на него.

Даже в состоянии оцепенения от удовольствия я знаю, что это плохая идея, поэтому я хриплю:

— Нет, только это, Тейт.

Он рычит и вводит, и выводит палец из моей киски, продолжая целовать, сосать и облизывать мою шею.

— Да, ты права, только это. Тогда дай мне свою руку.

Тянусь назад, и он направляет мою руку, чтобы я обхватила пальцами его набухший член. Сразу же радуюсь, что сказала "нет", потому что этот монстр ни хрена бы не поместился внутри меня.

— Сожми его, детка. Проведи рукой вверх-вниз и сожми меня.

Делаю, как он говорит, и чувствую себя как горячая сталь, обернутая в шелк. Он задыхается так же, как и я, и это вызывает во мне трепет от того, что я заставляю его чувствовать себя так же хорошо, как чувствую себя я.

— Готова к еще одному? Ты можешь взять два. Ты такая охуенно мокрая, что точно можешь взять два.

То, что он делает между моих ног, так приятно, я готова принять все, что он захочет дать мне в этот момент, но я чувствую легкое жжение, когда он растягивает меня двумя пальцами. Я чувствую... тесноту... пока он не разгибает эти пальцы и не трется о какую-то точку внутри, которая посылает толчок удовольствия, пронзающий меня. Его ладонь прижимается к моему клитору с каждым движением его пальцев внутри меня, и я начинаю чувствовать себя неуправляемой, поскольку волна нарастает и нарастает, и я не уверена, что

смогу с этим справиться. Его бедра проталкивают член сквозь мои сжатые пальцы в такт его движениям между моих ног, и это самое горячее, что я когда-либо могла себе представить, может произойти со мной.

— Ты должна кончить для меня, Сави. Ты должна кончить на мою руку, малышка.

Как только он говорит это, он прикусывает мягкую кожу между моим плечом и шеей, щиплет и тянет мой сосок. И я кончаю. Волна обрушивается на меня, закручивает в водовороте оргазма. Наслаждение пульсирует в моей сердцевине и распространяется по всему телу, пока я не превращаюсь в дрожащий беспорядок, который никак не может вспомнить свое имя.

Тейт рычит: «Трахни меня!». И тут я чувствую, как горячие канаты его спермы покрывают кожу моей спины, когда он кончает от моей руки.

Мы лежим вместе, восстанавливая дыхание, и когда он медленно достает из меня пальцы, я тянусь вниз свободной рукой и удерживаю его, чтобы выиграть еще пару секунд.

— Боже, ты так чертовски отзывчива на мои прикосновения. Так созрела для большего. Ты уверена... подожди, дай мне сначала чем-нибудь вытереть тебя.

Он прерывает свой вопрос про не хочу ли я большего, и я не знаю, рада я этому или нет, потому что если именно так должен ощущаться секс, то я более чем готова к большему. Он берет с пола футболку и вытирает мою спину и руку, затем встает и идет в ванную.

Быстро поправляю свою одежду и сажусь на край кровати. Беру очки и собираю волосы в пучок, как раз когда он возвращается. Тейт хмурится на меня, явно ожидая, что я все еще жду второй части, но моя голова уже достаточно прояснилась, чтобы вспомнить, насколько это плохая идея, как бы сильно я этого ни хотела. Его следующие слова заставляют все сердечки и звезды, кружащие в моей голове, вспыхнуть и исчезнуть.

— Не стесняйся, прими душ, а я пойду в спортзал.

Это слишком похоже на то, что Хантер сказал мне после секса с ним, и это напоминает мне, что Тейт Вэлор такой же игрок, как и Хантер. Просто сижу, глядя на свои колени, и слышу, как он вздыхает и идет к своему шкафу, возвращается с другим комплектом одежды и бросает его на кровать рядом со мной. Я чувствую себя не в своей тарелке и думаю, что мы должны вернуться к тому равновесию, которое у нас было, поэтому я поднимаю на него глаза.

— Мы... мы не должны делать этого снова. Я имею в виду, мы должны придерживаться сделки. Не стоит так размывать границы.

Он наклоняет голову ко мне, и я вижу, как холод просачивается в его взгляд.

— Ты можешь расслабиться, Савана. Для меня это ничего не значило. Просто рука помощи между друзьями, верно? Тебе не нужно беспокоиться о размытых границах. Я вижу их кристально ясно.

Мой рот открывается, чтобы сказать... хоть что-то, но он уже дергает дверь и захлопывает ее за собой. Поднимаю руки, чтобы протереть уставшие глаза, но чувствую его запах, поэтому опускаю их обратно на колени. Не понимаю, что только что произошло. Он хотел поддельную девушку, но, клянусь, я видела в его глазах боль от отказа. Из другой комнаты доносится тяжелая металлическая музыка, и это настолько меня задевает, что я вскакиваю с кровати, хватаю одежду, которую он бросил рядом со мной, и бегу в душ.

Я прислоняюсь к острову, попивая кофе, когда Сави спускается по лестнице. На ней слишком большие тренировочные штаны, закатанные на лодыжках, и толстовка, которая явно принадлежит Тейту. Она похожа на маленькую девочку, играющую в переодевание с одеждой своего отца. Это чертовски мило. Когда она замечает меня, она грустно улыбается.

— Доброе утро, дорогая. Хочешь кофе?

Она смотрит на окна в задней части дома, но Эш почему-то закрыл все жалюзи.

— Ты могла бы устроиться поудобнее. Буря все еще бушует снаружи. За ночь выпало, наверное, полтора фута снега, и он продолжает идти. Зима в этом году решила громко заявить о себе.

Ее плечи словно напрягаются, и она со вздохом обхватывает себя руками.

— Кофе? — спрашиваю снова, и когда она кивает, я поворачиваюсь и ставлю чашку для нее. — Тебе не нравится снег, дорогая?

Она берет у меня кружку с небольшой улыбкой благодарности и качает головой.

— Я не против снега, но когда он падает так сильно... Плохой опыт в детстве.

Откидываюсь назад и смотрю на нее более пристально, удивляясь, что она не поясняет. Большинство девушек, которых я встречал, использовали бы что-то подобное, чтобы изобразить жертву, но эта девушка просто переживает все внутри, поэтому я не настаиваю и просто потягиваю свой кофе вместе с ней до тех пор, пока Джуд не топает вниз по лестнице. Его белокурые волосы разметались во все стороны, и он выглядит рассерженным на весь мир. Он не любит утро, и обычно требуется как минимум две чашки кофе или телка, сосущая его член, чтобы вернуть его к обычному дурацкому настроению. Я тянусь, чтобы налить ему первую чашку, но он скользит прямо к Сави и утыкается лицом ей в шею, жалобно скуля. Ее глаза комично расширяются, когда она пытается отстраниться от него.

— Са-а-а-ав-и-и-и, ты приготовишь мне блинчики?

Первая настоящая улыбка с тех пор, как она спустилась, расплывается по ее лицу, и он выхватывает у нее из рук кофе, глотая то, что от него осталось.

— Почему я должна готовить тебе блины? Я здесь гость.

Он дергает телом, как ребенок, и капризничает.

— По-пожалуйста? Блины Эша всегда плоские и скучные. Все, что ты печешь, просто потрясающе. Я просто знаю, что ты приготовишь самые лучшие пышные блинчики. Пожалуйста? В награду я загоню свою мужскую ракету в твой гараж!

Сави стонет, растопыривая пальцы и проводя рукой по его лицу, чтобы оттолкнуть его на расстояние вытянутой руки.

— Я приготовлю тебе блинчики, но только если ты дашь ужасным вагинальным шуткам передышку до конца дня.

Он одаривает ее сверкающей ухмылкой.

— Один час!

— Пять часов! — Она отвечает суровым взглядом.

— Шесть часов, и это мое последнее предложение! — Идиот заливается смехом, заставляя ее снова рассмеяться.

— Хорошо, но ты должен показать мне, где все лежит, чтобы сделать их.

Он хлопает в ладоши, как будто ему пять лет, и неопределенно указывает на кухонные

шкафы. Я качаю головой на его выходки и протягиваю руку к ее пустой кофейной чашке, чтобы наполнить ее.

— Иди сюда, я покажу тебе, где что лежит.

Она выливает первую порцию на шипящую сковороду, когда спускается Тейт, и, судя по его хмурому лицу, он не заполучил эту задницу прошлой ночью и не рад этому. Странно, но я доволен. В этой девушке есть что-то такое, чего я никогда раньше не чувствовал. Я чувствую странную... необходимость защищать... ее. Я не ангел, когда дело касается женщин. Мне нравится, когда мой член мокрый, но Сави, кажется, не подходит под категорию «постучись и проскользни в розовое». Есть над чем подумать.

Она раздает тарелки Джуду, Тейту и мне, но, когда входит Эш, она теряется, дергает лопаткой и роняет блин на пол. Джуд кричит: «Правило пяти секунд!» и подхватывает его, чтобы добавить к стопке на своей тарелке, утопающей в сиропе.

Я перевожу взгляд между ней с розовым, залитым румянцем лицом и хмурым Эшем с приподнятыми бровями, гадая, что это значит. Тейт жует свой завтрак, как будто он мстит ей, глядя на повара. Может, он и не трахал ее, но случилось что-то, что вызвало такое напряжение.

Доедаю свое и опускаю тарелку в раковину, забираю лопатку у Сави, ставлю тарелку для нее и еще одну для Эша, подталкивая Сави к обеденному столу.

— Спасибо за завтрак, дорогая. Было очень вкусно.

Она смотрит на меня с улыбкой, как будто никто никогда раньше не благодарил ее за что-то, и я чувствую себя как будто только что выиграл трофей Хейсмана. Протягиваю руку и аккуратно натягиваю ее очки, которые немного сползли вниз, обратно на нос.

— Ешь. Тебе понадобятся силы, чтобы позже справиться с зомби-боссом.

Возвращаюсь на кухню и начинаю убираться, стараясь не обращать внимания на непристойные звуки, издаваемые Джудом, когда он поглощает свою стопку блинов, и беспокоясь о том, что в любой момент он выхватит свой член и трахнет их.

— Что у нас сегодня намечается? — спрашивает Эш, глядя на затылок Сави.

Тейт пожимает плечами и ворчит:

— Диск с игрой и гребаное университетское задание.

Упираюсь подбородком в диван.

— Возможно, Netflix.

Джуд поднимает голову, как степная собака, и поворачивает ее в сторону Сави.

— И наслаждения! Я голосую за наслаждения!

Тейт бьет его кулаком по руке.

— Оставь мою фальшивую подружку в покое, бабник.

Джуд с ухмылкой потирает руку.

— Если она на самом деле не твоя девушка, ты не должен возражать, что я устрою небольшую битву клитору, верно?

Лицо Тейта вскипает, но я смеюсь над Сави, когда она восклицает, даже не обернувшись:

— Джуд! Осталось пять часов и сорок минут! Не заставляй меня делать тебе больно.

Он счастливо вздыхает и возвращается к своим блинчикам.

— Я обожаю ее. У нее такая прекрасная энергия. Это как энергия большого хуя... только киски!

Когда все закончили есть, и кухня была убрана, Эш отправился в спортзал, а Тейт сел за

стол, чтобы посмотреть запись игры на своем ноутбуке. Мы с Джудом отправляемся в гостиную, чтобы устроиться на диванах. Он бегаёт вокруг и требует каждую подушку в комнате, строит себе крепость из подушек на любимом кресле и ныряет в её центр.

— Какого хрена? Дай мне хотя бы одну.

— Не-а, они все мои.

Оглядываюсь и вижу, что Сави зависла между кухней и столовой. Она выглядит немного потерянной и не знает, что ей делать, переводя взгляд с Тейта на нас и обратно. Я решаю поиздеваться над Тейтом и Джудом, чтобы немного развлечься.

— Ладно, оставь подушки. Это значит, что я получу Сави, чтобы обниматься с ней.

Она дергает головой в мою сторону, и я, ухмыляясь, подхожу и беру её под зад одной рукой, заставляя её обхватить меня ногами и схватить за плечи или упасть.

Тейт смотрит на меня, а Джуд выпрыгивает из своего гнезда с криком «Нечестно! Я хочу подушку Сави!», а девушка в моих руках просто смотрит на меня большими голубыми глазами и губами, приоткрытыми в совершенном удивлении. Несу её к дивану и устраиваю нас на нём так, что она сидит между моих ног, и мы растягиваемся по всей длине дивана. Притягиваю её верхнюю часть тела, пока её спина не упирается в мою грудь, а затем опускаю подбородок на её странный пучок, чтобы удержать голову на месте. Запах персиков наполняет мой нос и заставляет мой член проснуться. Это немного неожиданно, но она теплая, мягкая и хорошо пахнет, поэтому я просто игнорирую это.

— Ладно, порадуй нас Толкином. Кольца — не Хоббит.

Джуд со стоном подхватывает пульт, но включает первый фильм. Я приподнимаю подбородок Сави, пока она не смотрит на меня вверх ногами.

— Тебе нравится «Властелин колец», Персик?

Она кривит губы, чтобы подавить смех, но кивает.

— Да, но ты должен знать, что «Властелин Колец» — это проходной наркотик к фейри-порно, так что ты должен быть уверен, если хочешь пойти этим путем.

Мои губы шевелятся, но из них не выходит ни звука, пока я пытаюсь понять, о чем она говорит. Джуд приземляется на неё сверху, положив подушку ей на живот, так что она оказывается между нами, и кладет подбородок на руки, чтобы восторженно смотреть на неё.

— О, мудрая, скажи, что это за фейри-порно, о котором ты говоришь? Не жалею подробностей, прекрасная дева, я прошу тебя!

Сави начинает хихикать и поднимает руку, чтобы откинуть с лица выбившиеся волосы, и я успеваю заметить, как его глаза смягчаются для неё. Черт, это может стать очень интересным или очень грязным. Будучи средним ребенком среди семи братьев и сестер, Джуд постоянно ищет внимания, и когда оно искреннее, это сильно бьет его по чувствам. Я крепко обнимаю её и решаю, что готов к поездке.

— Фейри-порно, объясни.

Сави откидывается назад, чтобы посмотреть на меня, её щеки розовеют, но глаза искрятся смехом. Я поражаюсь тому, как красиво она выглядит, и слегка сдвигаю её, чтобы лучше видеть её лицо без необходимости ломать шею.

— Это не порно, которое ты смотришь. Это любовные, пикантные романы. Много горячего, чрезвычайно подробного секса, и большую часть времени он включает в себя обратный гарем.

Глаза Джуда ходят из стороны в сторону, пока он соображает, а затем его брови поднимаются вверх и исчезают под волосами.

— Гарем, как несколько женщин, но в обратном порядке? Типа, одна женщина, много парней?

Сави снова хихикает, но кивает.

— И ты читаешь это? Тебе нравится?

Она пожимает плечами, но ухмылка на ее лице говорит мне, что да.

— Черт возьми, куколка! Ты оказалась в правильном доме.

Ее ухмылка исчезает, и она начинает быстро качать головой.

— Это не... я не имела в виду...

Джуд понимающе кивает.

— Верно, книги — это не реальная жизнь. Ты абсолютно НЕ должна кинуть мне ссылки на эти грязные, отвратительные, мерзкие книги и где именно их можно купить. — Он заканчивает, подмигивая, а затем прижимается к подушке, которую положил ей на живот.

Она бросает на меня взгляд «Помоги мне!» но я только ухмыляюсь. Она не первая женщина, которая была между нами. Черт, в хорошую ночь бывала одна для всех четверых. Если она хочет, чтобы он пошевелился, ей придется его заставить.

— Ты собираешься остаться на ней весь фильм, Джуд?

Он отвечает, хватая ее руку, кладя ее себе на голову и ворча:

— Женщина, играй с волосами, и смотри на хоббитов.

Это был самый странный день в моей жизни. Зачеркните, последние две недели были безумными. Я прошла путь от невидимой никому девственницы до этого? У меня есть фальшивый парень, который фальшиво целует меня, как будто я девушка его мечты, и только что подарил мне сокрушительный оргазм, который для него ничего не значит. За меня заступились два самых популярных парня в кампусе, когда меня доставали хулиганы, и сейчас я нахожусь между твердыми телами этих двух популярных парней. Мало того, мое тело, похоже, готово к оргазму номер два за день, судя по тому, как сжимается моя киска, словно она претендует на золото в соревнованиях по силовому Кегелю на Олимпиаде вагин.

В конце концов, мое влагалище успокаивается, и тепло, исходящее от этих двух мужчин, погружает меня в мягкое и мечтательное состояние, когда мои пальцы мягко перебирают густые волосы Джуда снова и снова. Беккет обхватывает меня одной большой рукой прямо под моими сиськами, и его большой палец проводит по нижней стороне одной из них. Неважно, что это поверх толстовки, которую я ношу, потому что по ощущениям это можно сравнить с контактом кожа к коже.

Я не дура. Знаю, что ничего не значу для этих мужчин. Я просто игрушка, с которой они играют, пока мы все застряли в этом доме из-за бури снаружи. Но в этот момент мне... все равно. Я никогда не получала так много физического контакта, и я впитываю его, как изголодавшаяся по прикосновениям губка. Даже в детстве я редко обнималась с Мартой и еще реже с отцом. Нет, мне все равно, если они больше никогда не прикоснутся ко мне после того, как буря утихнет и мы разойдемся в разные стороны. Я буду жить в этом ощущении, в этом сиянии долгие годы.

Когда хоббиты убегают от призраков, охотящихся за кольцом, на экране, мои веки опускаются в сонном удовольствии, и я слегка смещаюсь, чтобы повернуть голову и прижаться щекой к твердым плоскостям мышц, образующих грудь Беккета. Его свободная рука, которая лежала на спинке дивана, опускается вниз, и его большая ладонь накрывает бок моей головы, его пальцы скользят по моим волосам, а большой палец проводит по затылку. Я слегка откидываю голову назад, чтобы сонно моргнуть, глядя на него, и вижу, что он смотрит на меня с непонятным выражением. Его губы растягиваются в маленькую улыбку, а пальцы нащупывают мои очки.

— Все в порядке, поспи, — шепчет он, и хотя я не спала всего несколько часов, мне так тепло и приятно чувствовать заботу, что я закрываю глаза, чтобы задремать. Я нахожусь в том странном состоянии между сном и бодрствованием, когда веки кажутся такими тяжелыми, но ты все еще осознаешь, что происходит вокруг.

— Серьезно? Какого хрена вы двое делаете? — слышу, как Тейт спрашивает, низко и резко.

Грудь Беккета урчит под моей щекой.

— Смотрим кино, на что это похоже?

— Это выглядит так, будто ты затеял игру с моей девушкой.

Джуд поворачивает голову под моей рукой, бормоча:

— Фальшивой девушкой. Нашей подушкой. Отвали.

После этого я некоторое время ничего не слышу, пока мой мочевой пузырь не будит меня. На экране эльфы и люди решают, кто возьмет кольцо в Мордор, поэтому я знаю, что

пропустила большую часть фильма. Не двигаюсь, но перемещаю взгляд по комнате, шурясь от нечеткости зрения без очков, и натываюсь на чье-то пятно, сидящее в глубоком кресле рядом с диваном. Моргаю несколько раз и смутно различаю Ашера, который смотрит прямо на меня с хмурым выражением лица. Моя дурацкая светлая кожа краснеет, и я быстро отворачиваюсь. Джуд кладет голову мне на живот, отчего мой мочевой пузырь вздрагивает, и я пытаюсь сесть, чтобы выбраться из-под него и Беккета, но он обхватывает меня руками за бедра и прижимает к себе.

— Нет, не уходи! Ты самая мягкая подушка из всех, что у меня были.

Пытаюсь оттолкнуть его.

— Отпусти, мне нужно в туалет.

Он шевелит бровями.

— О, я никогда раньше не пробовал золотой дождь, но я готов попробовать все.

— Фу! Это отвратительно. Слезь! — Выгибаю бедра под ним, но это только заставляет Беккета стонать позади меня, а Джуда смеяться еще больше.

— Да, детка, еще лучше, давай вместо этого поиграем в восемь секунд!

Теперь мне действительно нужно в туалет, поэтому я изворачиваюсь и дергаюсь сильнее, отталкивая и заставляя его упасть на пол. Он все еще смеется, когда Беккет помогает мне сесть, дает мне мои очки, и я бегу в ванную, расположенную рядом с кухней. Когда я выхожу обратно, Ашера уже нет, а Джуд копается на кухне в поисках еды. Беккет один, и повернулся, чтобы сесть на край дивана. Он сгибает и разгибает правое колено с гримасой, поэтому я подхожу и опускаюсь рядом с ним.

— Что случилось? Я повредила твое колено?

Он бросает на меня веселый взгляд, но качает головой.

— Нет, все в порядке, дорогая. В прошлом году я получил сильный удар, который повредил мое колено. Оно просто затекает, когда я долго сижу, вот и все.

Делаю сочувственное лицо.

— Должно быть, больно играть в футбол с такой травмой.

Его руки не двигаются с того места, где он потирал боковую часть ноги.

— Я больше не играю. Это была моя последняя игра.

Протягиваю руку и кладу свою на его руку.

— О, Бек, мне так жаль.

Он пожимает своими большими плечами.

— Что случилось, то случилось. Многие парни теряют шансы на драфт из-за травм.

Он говорит так просто, как будто это не меняет жизнь, но я вижу, как напряглись его плечи при разговоре об этом, поэтому я ищу что-нибудь, чтобы отвлечь его.

— У меня есть знакомая, которая мажется гомеопатическим органическим тигровым бальзамом. Я могу принести тебе, если хочешь. Это, конечно, не волшебное зелье исцеления или что-то в этом роде, но это может помочь справиться с болью, когда она тебя беспокоит.

Он наклоняет голову в мою сторону и изучает меня в течение нескольких минут, прежде чем кивнуть.

— Да, конечно. Это было бы здорово. Спасибо, Персик.

Морщусь нос от прозвища, но киваю ему, как раз когда в комнату входит Тейт.

— Если ты закончила приставать к моим друзьям, мы можем немного поработать? — Он спрашивает меня жестким тоном, который заставляет меня хватить свою руку и отдернуть ее от колена Беккета.

В этот момент я отказываюсь от попыток понять Тейта. Он то горячий, то холодный, то возбужденный, то снова ледяной, и от этого у меня кружится голова. Но его слова напоминают мне, почему я вообще здесь. Эти мужчины не мои друзья, обнимаемся мы на диване или нет, они друзья Тейта, а я здесь, чтобы быть его репетитором и фальшивой девушкой. Мне нужно твердо запомнить это, иначе я начну привязываться к ним, а это приведет к тому, что мне будет больно, когда я стану ему не нужна. Я одариваю Беккета натянутой улыбкой и следую за Тейтом к столу, чтобы приступить к работе.

Остаток дня мы проводим за заданиями. Тейт едва слышно ворчит в мою сторону, а я готова убраться из этого дома и вернуться в свой, поэтому я встаю из-за стола, потягиваюсь и подхожу к окну. Мои пальцы колеблются на жалюзи, но мне нужно посмотреть, поэтому я медленно раздвигаю их. Видимость ужасная, я даже не могу разглядеть забор на заднем дворе. Когда порыв ветра задувает снег в окно, я вздрагиваю и позволяю жалюзи снова закрыться, как вдруг меня пронзает воспоминание.

Я трясусь его снова и снова, пока мой надтреснутый голос кричит.

— *Вернись, вернись! Не оставляй меня. Пожалуйста, папа, не оставляй меня здесь одну!*

Сильная рука сжимает мое плечо и оттаскивает меня от закрытого окна. Мое зрение проясняется от воспоминаний, и я вижу Эша, который смотрит на меня своими нефритово-зелеными глазами.

— Оставь их закрытыми. Нам не нужно, чтобы ты сходила здесь с ума, для тебя это спусковой крючок.

Отстраняюсь от него и обхожу, чтобы уйти от его осуждающего тона и взгляда.

— Я в порядке!

Два года, два года я танцевала для этого человека, чувствуя связь, влечение к нему каждый вечер. Как же я ошибалась. Там вообще ничего не было. Это была просто физическая реакция, не более того, потому что Ашер Джеймс — первоклассный ублюдок, к которому у меня никогда не могло быть чувств. И точно так же все мои нервы от его присутствия исчезают.

Что такого в этом маленьком книжном черве, которая так меня бесит? Она не та, с кем у меня была история, и она не делает ничего плохого, но ее присутствие похоже на царапанье гвоздем по меловой доске. То, как она практически кривится, когда я нахожусь в двух шагах от нее, раздражает меня до чертиков. Так почему, черт возьми, я не могу перестать смотреть на нее? Увидев ее, раскинувшуюся на диване между Джуд и Бекон, я в гневе сжал пальцы, но это не помешало мне сесть и изучать ее лицо, пока она спала. Это был первый по-настоящему хороший взгляд на нее без этих больших очков в черной оправе, а без них она на самом деле довольно симпатичная.

Когда она проснулась и заметила, что я наблюдаю за ней, от этих больших голубых глаз, окруженных длинными черными ресницами, у меня по коже побежали мурашки, как будто я увидел привидение. Это чертовски странно, и я готов к тому, чтобы она убралась из моего пространства, буря или не буря.

Достаю из духовки первую порцию замороженной пиццы и засовываю две следующие, размышляя об этом. Кто, блять, боится снежной бури? Да ладно, правда? Наверное, это одна из тех извращенных игр, в которые играют девушки, чтобы выставить себя жертвой. Слишком много парней на это попадают. Мне плевать, что Тейт рассказал, как она плакала во сне. Скорее всего, она тоже притворялась, чтобы вцепиться в него когтями. Клянусь, каждая гребаная цыпочка, которая заходит в этот дом, имеет цель подцепить Тейта или Джуда. Они переходят в профессионалы, а с этим приходит жирный заработок. Бек бы тоже пошел с ними, если бы не травма в прошлом сезоне. Я видел много извращенного дерьма от цыпочек, которые приходят сюда в поисках возможного кольца на пальце. Некоторые из них даже пытаются подцепить меня, просто чтобы быть ближе к ним.

В первый год это было забавно, и я охотно участвовал в празднике кисок, который проходил почти каждую ночь, но это быстро надоело, когда я увидел, на что готовы эти женщины. Однажды я застал отчаянную рыжую девушку, копающуюся в мусоре в ванной. Я вошел как раз в тот момент, когда она убирала использованный презерватив в сумочку. Это была ее попытка обрюхатить себя и привязать Тейта к себе на всю жизнь. Чертова шлюха.

Поворачиваюсь и прислоняюсь к стойке, ожидая, пока сработает таймер духовки, и представляю свою Бабочку. Она единственная женщина за последние два года, которой ничего от меня не нужно. Все очень просто. Она танцует для меня, а я поклоняюсь ей глазами. Я просто... хочу, чтобы она хотела... большего. Хочу, чтобы она хотела быть со мной вне этой гребаной клетки. Я не хочу просто трахать ее до смерти, то есть я хочу этого, но я также хочу держать ее за руку, держать ее в своих объятиях на диване, пока мы смотрим фильм, просыпаться и смотреть на ее спящее лицо. Перевожу взгляд на обеденный стол, за которым сидит Сави и читает книгу, и вздыхаю. Черт!

Таймер срабатывает, и я кричу всем «ужин готов», нарезаю пиццу и раздаю тарелки. Достаю пиво из холодильника и раздаю его, но Джуд сразу же идет к шкафу с алкоголем, достает бутылку "Джека", пять стаканов и приносит их на стол.

— Мне скучно! Давайте поиграем в игру с выпивкой.

Он наполняет все пять стаканов до краев и протягивает их каждому из нас. Вижу, как книжный червь слегка морщится, и не могу удержаться.

— В чем дело, мышонок? Слишком хороша, чтобы пить с нами?

Ожидаю, что она будет заикаться и покраснеет, как она обычно делает, но она удивляет меня, когда встречает мой взгляд с вызовом, поднимает стакан и выпивает, даже не моргнув глазом.

— Спасибо, следующий.

Джуд кричит:

— Хорошо, хорошо, хорошо! Куколка-малышка готова играть! Во что будем играть? Короли, кубок, пивной понг?

Тейт отвечает, посылая мрачный взгляд в сторону Сави.

— Я никогда не... сексуальное воспитание.

Бек и Джуд со смехом соглашаются, но книжный червь выглядит озадаченной, откусывая кусочек пиццы.

Проглотив ее, она тихо говорит:

— Я не знаю, как в это играть.

Бек наклоняется вперед и снова наполняет свою рюмку.

— Ты никогда не играла в «Я никогда не...»?

Она нервно оглядывает всех нас, а затем качает головой.

— Вау, ладно, каждый человек говорит: «Я никогда не делал чего-то», и если ты это делал, ты выпиваешь. Если не делал, то не пьешь. Тейт выбрал тему, связанную с сексом, так что все ваши "никогда" должны иметь сексуальную подоплеку. Ты в игре?

Она пожимает плечами, но опускает глаза, и на ее щеках появляется румянец. Я не могу удержаться от ухмылки. Это должно быть весело. Джуд начинает первым.

— Я никогда... не трахал квотербека.

Мы все смотрим на Сави, но она не тянется за своим стаканом, говоря нам, что не трахалась с Тейтом. Однако ее глаза расширяются, когда Джуд высасывает здоровый глоток, а затем она поворачивает голову и удивленно смотрит на Тейта.

— Черт, НЕТ! Это был не я! — Он брызжет слюной, заставляя Джуда завить от смеха и объяснить.

— Квотербек «Грязных маргариток», местной футбольной лиги нижнего белья.

— Господи! — Бек со смехом хлопает его по спине, а затем делает свой ход. — Я никогда не... получал отсос в движущейся машине.

Все пьют, кроме Сави, и Джуд пытается быть полезным в своей собственной хреновой манере.

— Куколка, это также может означать, что твою муфточку отхлестали языком.

Она поднимает на него бровь и отодвигает свой бокал одним пальцем.

— Никто... никогда... не делал этого со мной... никогда.

Мы все смотрим на нее в шоке, и первое, что приходит мне в голову, это спросить, какова она будет на вкус на моем языке. Джуд, будучи самим собой, притворяется, что плачет, обхватывая ее за шею и отрывая ее наполовину от стула.

— Милое, милое дитя. Этого нельзя терпеть. Я добровольно отдаю дань! Сними эти штаны, и я отлижу тебе прямо здесь и сейчас!

Она начинает хихикать и отпихивает его.

— Нет, спасибо.

Я следующий, и меня бесит, что все, о чем я могу сейчас думать, как бы стать первым парнем, который опустится на нее, поэтому я выхожу из себя.

— Я никогда не прятался в углы, чтобы трахать футболистов.

Три моих брата бросают на меня растерянные взгляды, но мышка наклоняет голову в сторону и смотрит на меня.

— Похоже, сегодня я останусь трезвой. Моя очередь... если, конечно, никто из вас не прячется в углах, чтобы трахнуть своих товарищей по команде? Нет, ладно. — Она оборачивается, чтобы посмотреть на меня, и теперь у нее два ярко-красных пятна на скулах и огонь, вспыхивающий в глазах. — Я никогда... не дрочила на девушку, которая... даже... не хочет... назвать... тебе... свое... имя.

Она садится обратно в кресло и скрещивает руки на груди, и я вижу чертовски красный цвет. Я собираюсь убить того ублюдка, который рассказал ей о Бабочке. Я опрокидываю в себя весь напиток и бью стакан об стол, пока Джуд подпрыгивает на своем месте, как ребенок под метамфетамином.

— Дикая резня на поле! Куколка только что перерезала... ему... горло! — Он хватается за руку и целует ее раз десять. — Куколка, обещай мне, что в следующий раз, когда ты проснешься и выберешь насилие, я смогу носить твой меч?

Все ее лицо становится свекольно-красным, словно она сожалеет о своих словах. Она бросает нервный взгляд в мою сторону и не замечает грома на лице Тейта.

— Моя очередь! — огрызается он. — Я никогда не отдавал свою девственность самому паршивому парню в кампусе.

Кровь, которая только что заливала лицо Сави, стекает, делая ее совершенно белой. Ее глаза полны боли и наливаются кровью, когда она медленно поворачивает их на него. Несколько секунд они просто смотрят друг на друга, и я вижу, как Тейт прикусывает губу, словно ему кажется, что он зашел слишком далеко. Сави фыркает, тяжело сплывает, а затем протягивает руку, поднимает свою рюмку к губам и выпивает половину того, что в ней находится. Вместо того, чтобы поставить ее обратно, она наклоняет ее к Тейту, как будто собирается поднять за него тост.

— Я никогда не соглашалась на фиктивные отношения со вторым самым придурковатым парнем в кампусе, — говорит она тихим голосом, выпивает остатки «Джека» из своей чашки и аккуратно ставит ее на стол, после чего говорит: «Игра окончена», встает и уходит. Я слышу, как дверь ванной комнаты в коридоре тихо закрывается, и поворачиваюсь к Тейту.

— Кто это, блять, был?

Его взгляд на столе, и он не поднимает его, когда говорит нам.

— Хантер Миллер. Он хвастался, что первым трахнул ее.

Бек низко рычит.

— Когда, как давно?

Тейт наконец-то поднимает на нас глаза, и я вижу в них чувство вины.

— За пару дней до того, как мы заключили сделку.

Джуд сужает на него глаза, что пугает, потому что когда Джуд перестает шутить, то это обычно означает, что кто-то собирается истечь кровью.

— Ты хочешь сказать, что две недели назад она была нетронутой, девственницей?

Тейт кивает, выглядя еще более виноватым.

— И она отдалась Хантеру, за неимением других вариантов? Это было по обоюдному согласию? Неужели этот ходячий мешок с мясом...

— Нет! — Сави говорит сзади нас, и мы все поворачиваемся, чтобы посмотреть на нее. Ее руки сжимаются, а рот немного дрожит, но ее голос тверд. — Не то, чтобы это было

вашим делом, но это было по обоюдному согласию. Я, я просто хотела покончить с этим. Мне скоро исполнится двадцать один, и это нелепо, что я так долго ждала. Так что да, я была с ним. Он дал мне примерно четырехминутное знакомство с неэкстазом, и теперь все кончено. Может, поиграем в другую игру?

Поворачиваюсь, наливаю себе еще один стакан и осушаю его. Черт, она действительно невинна, и я ненавижу, как сильно это заставляет меня хотеть быть тем парнем, который покажет ей, как все должно быть.

Я облажался. Я не должен был этого говорить. Я даже не знаю, почему разозлился на нее. Она была права, пытаюсь сохранить четкие границы нашей сделки, но мне показалось, что она отвергла меня в тот момент в постели, и я наказывал ее за это весь день. Это несправедливо по отношению к ней. Я не ищу с ней ничего большего, чем наша сделка, и даже она теперь может оказаться под угрозой из-за моего хрупкого эго.

Встаю из-за стола, беру ее за руку, вытаскиваю из комнаты и веду по лестнице в свою спальню. Сажусь на кровать и провожу руками по лицу, пока она стоит рядом с дверью.

— Послушай, мне очень жаль...

— Я думаю, мы должны закончить...

Мы говорим одновременно, и я уже знаю, как она собирается закончить свое предложение, поэтому я подсказываю и бросаюсь к ней, чтобы взять ее за руки.

— Нет, не говори так. Я козел. Я не должен был говорить то, что я там сказал. Это было хуево. Мне так жаль, Сави. То, что произошло сегодня утром, было замечательно, и я... когда ты сказала, что мы не должны делать чего-то большего... это глупо, я знаю, но я чувствовал себя отвергнутым, а Хантер хвастался тем, что был с тобой, и я думаю, меня просто разозлило, что ты была с ним, но не хочешь со мной.

Когда она ничего не говорит, я наклоняюсь и прижимаюсь лбом к ее лбу.

— Ты права, я второй самый отстойный парень в кампусе. Ты не должна так относиться к себе только потому, что не хочешь спать со мной. Я обещаю, что больше не буду таким. Пожалуйста, останься, пожалуйста, продолжай помогать мне?

Она вздыхает в отчаянии, и тут я понимаю, что она не собирается меня бросать.

— Хорошо, но только пока не закончится сезон, и прекрати эту холодную и горячую рутину, у меня от нее голова кругом идет. Мы можем быть... друзьями... ну, ты понимаешь. Я имею в виду, когда мы не на людях.

Притягиваю ее к себе, чтобы обнять и поцеловать в макушку.

— Согласен, и еще раз, прости и спасибо.

Я должен отпустить ее, но Сави хорошо чувствуется прижатой ко мне. Я вспоминаю, как ее киска сжимала мои пальцы, как я заставил ее кончить сегодня утром, и это все, что мне нужно, чтобы отпустить ее. Друзья и фальшивая девушка... вот и все, чем она может быть.

— Тебе нужна одежда для сна?

Она жуёт нижнюю губу и кивает.

— Да, пожалуйста, но, думаю, будет лучше, если я сегодня буду спать на диване. Ты не против?

Моя рука сжимается вокруг футболки, которую я хотел взять для нее, но я заставляю себя успокоиться.

— Да, конечно. Это не проблема. Я принесу тебе несколько одеял и дополнительную подушку.

Она берет одежду, которую я протягиваю ей, и улыбается мне.

— То, как мы ведем себя на людях, — мягко говорит она, — поцелуй и поведение, будто мы вместе? А потом то, что произошло сегодня утром — я... мне было бы очень легко привязаться... — она смотрит на меня грустными глазами, — я не хочу, чтобы мне было

больно, поэтому...

Поднимаю руку и провожу тыльной стороной пальцев по ее щеке.

— Я тоже не хочу, чтобы тебе было больно. Ну что, друзья?

В доме стоит мертвая тишина, и я глубже зарываюсь в диванные подушки, но мои мысли никак не успокоятся, чтобы уснуть. Мне стыдно, что все они теперь знают, какая я неудачница, и я больше никогда не буду играть в эту гребаную игру, никогда. Я также чувствую себя немного виноватой за то, что сказала Эшу. Это было грубо, и, хотя он вел себя как мудака и намекал на то, что у меня есть какие-то причины помогать Тейту, я не должна была этого говорить. Во всей этой фантазии о Бабочке, так же есть моя вина. Мне нужно прекратить это и перестать танцевать для него. Это немного извращенное поведение, когда моя Бабочка и он так долго танцуют друг вокруг друга.

Кроме того, он не был полностью неправ. Если быть честной, то я играю под своим углом, полагаю. Если сначала это было просто для того, чтобы Ванесса от меня отстала, то теперь это превратилось в нечто большее, в нечто жалкое. Мне нравится приходить сюда. Мне нравится не быть все время одной, и мне нравится, когда меня... целуют и обнимают, и да, я неудачница.

Сбрасываю одеяло и встаю. Бутылка, из которой мы пили, все еще стоит посреди стола, поэтому я откручиваю крышку и делаю пару глотков прямо из нее, а потом ставлю ее на место. Я не большая любительница выпить, но бывают моменты, когда самолечение кажется просто необходимым. Поворачиваюсь, чтобы вернуться к дивану, но мой взгляд падает на длинные жалюзи, закрывающие дверь во внутренний дворик, и, не задумываясь, ноги сами несут меня к ним. Стою перед закрытыми жалюзи и делаю несколько глубоких вдохов.

Мой терапевт твердил мне о контролируемом воздействии, чтобы уменьшить влияние и реакцию на эту травму. Все спят, мне здесь безопасно и тепло, и я знаю, чего ожидать, так что я должна быть в порядке, если просто взгляну. Протягиваю руку и дергаю за веревочки, чтобы длинные вертикальные жалюзи сдвинулись в одну сторону. Втягиваю воздух и медленно выпускаю его, вглядываясь в бурю. Видимость увеличилась, и теперь я могу видеть почти до заднего забора. Снег все еще падает, но уже не похоже на бурю. Я заставляю себя оставаться там еще несколько минут, а затем закрываю жалюзи и возвращаюсь на диван. Джек делает свое дело, мои глаза закрываются, и я погружаюсь в сон.

— Нет, нет, папочка, пожалуйста, пожалуйста, не оставляй меня.

— Вернись, вернись. Я буду хорошей девочкой, клянусь!

— Кто-нибудь, помогите мне!

— Папочка, о, папочка.

— Сави! Сави, проснись!

— Нет! — Задыхаюсь, приходя в себя от рывка, и сдерживаю мольбы, которые хотят вырваться из моего рта. Моя грудь вздымается, а дыхание становится неровным, когда теплая рука осторожно убирает волосы с моего лица. Смахиваю слезы с глаз и лица и быстро моргаю, пытаюсь разглядеть того, кто стоит на коленях рядом с диваном.

— Спокойно, все закончилось. Ты в порядке. Ты должна была снова спать с Тейтом, чтобы он мог позаботиться о тебе, как прошлой ночью. — Эш говорит мне без малейшего следа обычной суровости в своем тоне.

Сглатываю последние слезы.

— Он, он заботился? Заботился обо мне, я имею в виду? Я, я не знала.

— После твоего вчерашнего приступа мы подумали, что компания поможет тебе уснуть.

Мы беспокоились о последствиях.

Он наклоняется ко мне и включает лампу на торцевом столике, заставляя меня зажмурить глаза, чтобы привыкнуть к яркости. Когда пятна у меня перед глазами, наконец, исчезают, и я могу ясно видеть его, я снова тяжело сглатываю по другой причине. На нем нет футболки, а мускулистая грудь, покрытая чернилами, находится в дюйме от моего лица.

Когда я поднимаю свои глаза, чтобы встретиться с его зелеными, окруженными густыми черными ресницами, я замечаю, что он изучает мое лицо и волосы, которые огромным облаком окружают меня. Его рука поднимается и захватывает прядь, и он тербит ее между своими татуированными пальцами.

— Эш, спасибо, что разбудил меня и, эм, насчет того, что я сказала... прости. Я не должна была этого говорить.

Он приглаживает мои волосы, и я не могу прочесть выражение его лица, но получаю небольшой кивок, поэтому смотрю вниз, и мой взгляд переходит на единственное цветное пятно среди черных татуировок на его груди. Я вдыхаю воздух и не могу остановить свои пальцы, чтобы протянуть руку и обвести голубую бабочку, прячущуюся под черным плющом, который выглядит как клетка прямо над его сердцем. Его голова опускается вниз, наблюдая за движением моих пальцев.

Я уже знаю, но я должна спросить:

— Что... что это значит?

Мой вопрос, заданный шепотом, нарушает транс, в котором он, казалось, находился, и его глаза становятся жесткими. Его рука взлетает вверх, откидывает мои пальцы, и он поднимается на ноги.

— Это значит, что я был пьян, и никто меня не остановил. Постарайся не разбудить меня снова.

Прижимаю пальцы к груди, словно их обожгло, и слышу, как Эш что-то говорит кому-то в тени, прежде чем слышу звук его шагов, поднимающихся по лестнице. Беккет выходит на свет и замирает, изучая меня, и я понимаю, что никто из них никогда не видел меня с распущенными волосами и без очков. Это заставляет меня чувствовать себя уязвимой и голой. Он двигается ко мне и наклоняется, чтобы подхватить меня, одеяло и все остальное. Женщина во мне немного падает в обморок, потому что я не худенькая девушка, а он даже не сбился с дыхания, поднимая меня.

— Давай, Персик, ты можешь спать в моей комнате до конца ночи.

Хочу запротестовать, но вспоминаю, как хорошо было чувствовать себя, когда он обнимал меня раньше, и понимаю, что это, вероятно, никогда не повторится, поэтому я молчу, пока он несет меня вверх по лестнице, словно я вещь меньше перышка, и осторожно опускает меня в свою кровать. Теплая корица наполняет мой нос, его запах окружает меня, и я глубоко вдыхаю его. Беккет забирается следом, притягивает меня к себе и прижимает мою голову к своей твердой груди, а затем натягивает одеяло на нас обоих. Мне так приятно, когда его большая рука проникает в мои волосы и начинает массировать кожу головы, что я почти мурлычу.

— Ты расскажешь мне, что случилось? Почему снег пугает тебя?

Вздыхаю на его рубашке, и моя рука поднимается, чтобы разгладить морщинки на мягком материале. Кроме полиции и моего психотерапевта, я никому не рассказывала о подробностях тех двух дней. Но что-то в этом человеке, в том, как он обнимает меня, даже если это на самом деле ничего не значит, и в ровном биении его сердца под моим ухом

заставляет меня доверять ему настолько, чтобы поделиться некоторыми из них.

— Когда мне было двенадцать лет, произошел несчастный случай. Мой отец, он... он умер.

— Тебе было весело в книжном магазине, принцесса? Купила все, что хотела?

Я улыбаюсь папе с заднего сиденья, и сумки с книгами заполняют сиденье рядом со мной.

— Да! Я люблю туда ходить. Я могла бы жить в книжном магазине. Хотя я бы хотела, чтобы Несса и Селеста поехали с нами.

Встречаюсь с его глазами в зеркале заднего вида и вижу в них только любовь.

— Я тоже, принцесса, но все в порядке. Это наша традиция на день рождения, так что я не против, чтобы это были только я и моя особенная девочка.

Дворники стучат туда-сюда, убирая сильный снег, который начал падать, пока мы были в огромном книжном магазине. Мы ходим туда каждый год на мой день рождения. Смотрю в окно и вижу идеальную зимнюю страну чудес. Мне нравится, что мой день рождения так близко к Рождеству, потому что кажется, что весь декабрь — особенный месяц только для меня.

— Как ты думаешь, какой торт Марта испекла для... Подожди, Сави! Подожди!

Все начинает вращаться по кругу, пока не происходит резкий толчок, и мир снова и снова переворачивается с ног на голову, а мои книги разлетаются повсюду и бьют меня по лицу. Когда все резко останавливается, моя голова с треском врезается в окно.

— Ой! Па-папочка? Папочка! Где ты?

Из окна я вижу только белое, как будто машину поглотил снежный вал. Я борюсь с ремнем безопасности, и когда он отстегивается, мое тело падает на дальнюю дверь, как будто машина накренилась набок. Подтягиваюсь назад, используя передние сиденья, и наклоняюсь между ними.

— Папа, мы попали в аварию. Папа? Тебе нужно проснуться.

Протягиваю руку и оттаскиваю его от руля, на который он облокотился, и тут я вижу кровь и зазубренный кусок металла, торчащий в его боку. Кричу его имя снова и снова, умоляя его очнуться, умоляя не бросать меня, но он так и не открывает свои голубые глаза, так похожие на мои.

— Двери были зажаты, металл скрючился. Мы... мы перелетели через ограждение и упали в овраг. Я не могла выбраться и не могла найти его телефон, чтобы позвать на помощь.

Пальцы Бека скользят по моим волосам к шее, и он растирает напряжение.

— Как долго, дорогая? Как долго ты была заперта с ним в той машине?

Я зажмуриваю глаза и шепчу:

— Шестьдесят четыре часа. Два с половиной дня, пока кто-то не заметил сломанное ограждение и не догадался заглянуть за него.

Его губы касаются моей макушки и прижимаются вниз, прежде чем он спрашивает то, что спрашивали все, когда узнавали о том, как долго я была в машине с мертвым человеком и без тепла.

— Как ты выжила так долго на холоде?

Качаю головой, прижимаясь к его груди, потому что это единственное, что я никогда не говорила вслух. Я никогда не смогу никому рассказать, что прижималась к телу умирающего отца, чтобы согреться, а когда он остыл, я изо всех сил пыталась содрать с его

безжизненного тела пиджак, чтобы использовать его как одеяло. Это груз стыда, который никогда не проходит. С тех пор прошло так много дней, что я жалела, что не отпустила его и не присоединилась к нему.

Беккет просто держит меня ближе, не заставляя отвечать, и я бесконечно благодарна за это. Я начинаю погружаться в сон, когда его голос раздается у меня под ухом.

— Моя мама повесилась, когда мне было восемь. Она всегда встречала меня у автобуса, когда я возвращался домой из школы, но в тот день ее там не было. Я нашел ее в их гардеробной. Я тогда был еще недостаточно высокий, но я пытался. Держал за ее ноги и пытался удержать ее. Мой папа нашел нас там через два часа, когда вернулся с работы.

Мои пальцы сильнее прижимаются к его груди в знак поддержки. Чтобы он знал — я слышу его, сочувствую ему и понимаю на том уровне, на котором многие не могут понять.

Его голос становится еще ниже, когда он говорит:

— Знаешь, Персик, как ты выживаешь после того, что пытается тебя уничтожить?

Я качаю головой, мои пальцы сжимают в кулаки и скручивают его футболку. Он молчит так долго, что я думаю, что он не собирается отвечать, но потом он наклоняет подбородок вниз, так что его лицо прижимается к моим волосам, и выдыхает слова.

— Любым способом.

Когда я проснулась, Беккет уже ушел, а комнату заливал яркий солнечный свет. Гроза закончилась, а значит, закончилась и эта странная интермедия, которую я только что провела с этими четырьмя мужчинами. Женский смех снизу доказывает, что это правда, и это заставляет мое сердце немного страдать. Мне пора уходить и возвращаться к своей реальной жизни. Переворачиваюсь, зарываюсь лицом в подушку Беккета и вдыхаю его запах, пытаюсь продержаться еще несколько минут, чтобы стать частью этой группы, принадлежать ей, но я знаю, что просто оттягиваю неизбежное. В последний раз понюхав его подушку, я заставляю себя встать. Я должна найти свою одежду в комнате Тейта и переодеться. Мне нужно заказать такси и вернуться к себе домой, чтобы принять душ и проверить, возобновились ли занятия. Сегодня у меня запланирована смена в библиотеке, поэтому, хотя мне и не хочется уходить, я знаю, что должна.

Закручиваю волосы в пучок, беру очки с тумбочки, где Бек, должно быть, оставил их для меня, и выхожу в коридор, направляясь в комнату Тейта, чтобы переодеться. Когда я прохожу мимо одной из других спален, ворчание заставляет меня заглянуть в дверь, и мои ноги спотыкаются.

Джуд стоит рядом со своей кроватью совершенно голый, и я никак не могу не проследить взглядом каждую красивую выпуклость мышц на его груди, запомнить каждую татуировку и заметить серебряную штангу на одном соске. Следую по его торсу, рассматривая рельефные мышцы пресса, до самого затылка блондинки, которую он крепко держит руками, вбиваясь в ее рот. Я вдыхаю, и на долю секунды немного ненавижу его за то, что он это делает, и, что еще хуже, я немного ненавижу себя за то, что хочу, чтобы это была я, стоящая перед ним на коленях.

— Доброе утро, куколка! Хочешь зайти и присоединиться? Мы не против делиться в этом доме.

Мои глаза на мгновение поднимаются и встречаются с его золотыми глазами, а затем я поворачиваюсь и практически бегу остаток пути до комнаты Тейта. Вытесняю из головы образ обнаженного тела Джуда и быстро одеваюсь в свою собственную одежду впервые за два дня, но в последний момент накидываю одну из толстовок Тейта на блузку вместо кардигана. Беру его как напоминание об этих странных замечательных выходных с ними. Запихиваю кардиган в сумку и бегу вниз по лестнице. Кухонный островок заставлен чашками с кофе на вынос и пакетами с бутербродами на завтрак, которые, как я предполагаю, принесли с собой три девушки, заполнившие это пространство.

Все три девушки идеально ухожены: завитые волосы, безупречный макияж, симпатичные наряды из узких джинсов и обтягивающих свитеров, демонстрирующих тонкие, подтянутые тела. Рядом с ними я чувствую себя комком глины, и, судя по их насмешливым взглядам, когда они осматривают меня с ног до головы, они согласны с такой оценкой. Та, что с блестящими длинными рыжими волосами, смеется в мою сторону.

— Какого черта ты здесь делаешь?

Смотрю мимо нее и замечаю Эша, который прислонился к стойке дальше, потягивая кофе на вынос. У него на запястье стопка черных кожаных браслетов, которые скрывают часть его чернил, а пряди его темных волос болтаются перед одним глазом, заставляя мои пальцы чесаться, чтобы убрать их назад, пока его брови не поднимаются в забавном

выражении, как будто он согласен с вопросом.

— Она моя гребаная девушка. Сави должна быть здесь. Лучше спросить, какого хрена ТЫ здесь делаешь, Пейсли?

Руки Тейта обхватывают меня сзади, пока она мило дуется, и я позволяю себе на короткое мгновение опереться на его поддержку, прежде чем повернуться к нему лицом.

— Мне нужно идти. Я работаю сегодня допоздна, и мне нужно кое-что сделать.

Он смотрит мимо меня на незваных гостей, а затем целует меня в макушку.

— Я отвезу тебя. Ты пила кофе?

Качаю головой, поэтому он проходит мимо меня, берет одну из чашек на вынос и протягивает мне.

— Эй, это не для нее. Мы принесли их для...

Он бросает на девушку взгляд, полный жестокости, и я не стыжусь того, что он наполняет меня сиянием удовлетворения, хотя знаю, что это все шоу. Он заставляет ее замять последнюю фразу, проглотив ее, а затем она выдавливает самую фальшивую, самую натянутую улыбку, которую я когда-либо видела.

— ...всех вас. Угощайтесь... Савана, верно?

Осторожно киваю, как раз когда Джуд спускается по лестнице. Он выхватывает кофе из моей руки, делает большой глоток, а затем чмокает меня в щеку небрежным поцелуем, возвращая его мне.

— Ммм, куколка, твой кофе всегда самый вкусный. Ты сделаешь мне булочки с корицей, когда вернешься?

Не свожу глаз с трех женщин, которые сейчас изо всех сил стараются не стрелять в меня кинжалами, и киваю.

— Ванильная глазурь или сливочный сыр?

Он смеется и обнимает нас с Тейтом.

— И именно поэтому я украду ее у тебя, брат!

Тейт рычит, девочки переглядываются, а я отпихиваю Джуда, приложив руку к его лбу.

— Нет, спасибо. Один из вас — это уже слишком. — бормочу я, но он слышит меня и только еще больше смеется. Одним пальцем с кольцом он натягивает мои очки обратно мне на нос, а потом проводит им вниз к кончику носа и постукивает по нему.

— Сави, Сави, Сави — слишком много не бывает, и мы только начинаем, куколка.

Снег уже начал таять с дорог, делая все мокрым и грязным. Тейт высаживает меня перед моим зданием с планами, что я приду к нему на репетиторство на следующий день, и напоминанием об официальном ужине в четверг вечером. Протягивает мне ключ, говоря, что я должна войти сама, потому что он может опоздать с тренировки. Я сжимаю его слишком крепко, прежде чем надеть на брелок.

Стоя под струями воды в душе, перебираю в памяти каждую минуту времени, которое я только что провела с ними, и анализирую все, что было сказано и произошло.

Начиная с Тейта. Он может быть таким жестоким, когда не притворяется, что я что-то значу для него в присутствии других. Я бы хотела позволить себе поверить, что то, что произошло в постели тем утром, значило для него больше, чем просто физическая разрядка, но я должна быть реалисткой. Для него это ничего не значит. То, что сейчас он пытается отвести от себя всех девушек, не означает, что в прошлом он не перетрахал почти все женское общество. Я просто еще один номер для него, помимо той сделки, которую мы заключили.

Я приняла его извинения за то, что он сказал во время той глупой игры, и за то, как грубо он вел себя со мной весь день, но в глубине души я знаю, что на самом деле он не имел этого в виду. Он просто хочет, чтобы я согласилась с тем, что ему сейчас от меня нужно. Мне надо перестать позволять себе верить в то, что с этими фальшивыми отношениями когда-нибудь наступит счастливая жизнь. Тейт Вэлор не тот парень, который заботится о такой, как я, и я должна смириться с этим, как бы мне этого ни хотелось.

Поворачиваюсь и смываю шампунь с волос, а затем наношу на них кондиционер, думая о Беккете. Влюбиться в этого мужчину не составит никакого труда. То, как легко он поднимает и двигает мое тело своими большими руками, полностью меня заводит, но то, как он держит меня, то, как он заставляет меня чувствовать себя особенной и окруженной заботой, потопит меня, если я позволю. Тот факт, что он поделился со мной такой глубокой травмой, только заставляет меня чувствовать, что у нас может быть что-то на более глубоком уровне. Мой стон эхом отражается от плитки. Я идиотка. Нет никакой связи, глубокой или иной. Я была просто телом для объятий, пока они скучали и торчали в этом доме.

Смываю кондиционер и намыливаю тело, думая о Джуде, и не могу остановить улыбку, которая захватывает мое лицо. Он как опасно сексуальный мужчина-ребенок, и, должна признать, его внимание заполняет пустоту во мне. Вспоминаю, как он сегодня утром трахал рот какой-то случайной девушки, и моя предательская киска сжимается от того, как сексуально он выглядел при этом. Решительно отталкиваю эту мысль. Может, он и добрее Хантера, но он все еще мальчик для траха, кобель, когда дело касается женщин, и одного этого было более чем достаточно для той девушки.

Выключаю уже остывшую воду и выкидываю последние мысли из головы. Единственное место, где Ашер Джеймс когда-либо будет, — это фантазия в моем сознании, когда я притворяюсь тем, кем не являюсь. Вытираю пар с зеркала и вздыхаю, глядя на свое туманное отражение. Похоже, что вся моя жизнь — притворяться тем, кем я не являюсь. Потянувшись за чем-то настоящим, я беру телефон и звоню Стелле.

— Привет, Бабочка! Я скучала по тебе в эти выходные. Как ты? — Сразу же отвечает она.

— В порядке. Я тоже по тебе скучала. Эм, есть шанс, что ты сегодня свободна? Мне нужно купить платье, и я надеялась, что ты захочешь пойти со мной, иначе я могу оказаться в каком-нибудь цветочном мешке.

— О боже! Сави... ты снимаешь маску? — взволнованно спрашивает она.

Прикусываю губу, но качаю головой, хотя она меня не видит.

— Скорее, немного приподнимаю ее?

— Да, сучка! Я в деле! Где и когда?

Мы договорились встретиться в центре города через час, и всю дорогу я игнорировала кипящий клубок беспокойства, перекатывающийся в моем животе. Это то, чего я хотела, верно? Не так ли? Измениться, стать кем-то другим? Перестать прятаться за масками, которые я ношу в клубе и за его пределами в своей громоздкой, немодной одежде? Машина высаживает меня перед бутиком, и моя рука слегка дрожит, когда я открываю дверь. Одна из продавщиц осматривает меня с ног до головы с насупленными бровями, и я уже готова развернуться и убежать, но Стелла вбегает следом за мной с визгом возбуждения.

— Это будет так весело! Я так давно хотела сделать тебе макияж! — Она толкает меня дальше в магазин мимо продавщицы, которая сейчас выглядит так, будто только что пососала лимон. — Я думала о красном цвете.

— Нет! Я не готова ни к чему красному, Стелла. Я просто хочу что-нибудь неброское, милое, нетипичное для... — Машу рукой вверх и вниз по телу и неуверенно заканчиваю: — Меня

Она немного дуется, но сжимает мою руку.

— Все в порядке, детка. Маленькие шажки, верно?

Она отворачивается и тут же начинает доставать платья с разных вешалок. Я слеую за ней и верю, что она найдет для меня лучшие варианты. Когда стопка в ее руках оказывается такой высокой, что я едва вижу ее лицо, она подзывает продавца.

— Пожалуйста, отнесите их в раздевалку.

Стелла пытается отдать платья, но женщина смотрит на нас сверху вниз.

— Вы имеете представление о стоимости этих платьев, мисс? — Она спрашивает снисходительным тоном, от которого внутренняя кошка Стеллы вырывается на поверхность, а я отшатываюсь назад.

— Проверьте свое отношение к клиентам и следите за своим тоном. Это не фильм «Красотка», и, если бы это было так, она была бы не проституткой, а Ричардом Гиром. Эта девушка могла бы купить весь этот городской квартал и даже не заметить вмятины на своем банковском счете. А теперь... отнесите их в примерочную и принесите нам немного гребаного шампанского.

Я отворачиваюсь, чтобы не видеть реакцию женщины, так как моя тревога сильно вспыхивает. Знаю, что у Стеллы хорошие намерения, и она может быть очень заботливой по отношению ко мне, но я не разыгрываю эту карту... никогда. То, что я унаследовала все миллиарды моего отца, не означает, что я чувствую их своими. Селеста и Ванесса делают все возможное, чтобы я не хотела, чтобы кто-то знал и предполагал, что я такая же, как они. Я даже не зарегистрирована в университете под фамилией отца. Я решила подать заявление, используя девичью фамилию моей матери, Сент-Джеймс, и поступить в университет по своим академическим заслугам, к большому удовольствию моего дяди Марка. Мне хотелось быть свободной и быть собой, учась в университете, а не девушкой, чья фамилия на двух зданиях в кампусе. Я не хотела внимания.

Стелла подтаскивает меня к следующему стеллажу и бросает на меня виноватый взгляд.

— Прости. Понимаю, что ты не хочешь, чтобы люди знали. Она просто разозлила меня, подумав, что тебе здесь не место.

Ненадолго роняю голову на ее плечо и бормочу:

— Все равно я тебя люблю, — заставляя ее ухмыльнуться и подмигнуть мне, прежде чем взять другое платье.

Стелла — единственный человек, который знает, кто я и откуда. Она была так добра ко мне, когда нас только приняли на работу в «Маску», помогала мне создать мой образ бабочки без осуждения и с такой поддержкой, что я доверяла ей все. Она действительно мой единственный друг.

Стелла решает, что у нас достаточно вариантов, и толкает меня в раздевалку с первыми тремя платьями для примерки, а сама устраивается в шикарном бархатном кресле и потягивает из хрустального фужера золотистую жидкость, которую ей принес другой продавец. Пока я застегиваю первое платье, темно-фиолетовое, без бретелек, мы разговариваем через бархатную занавеску, разделяющую нас.

— Итак, для чего платье? У тебя что-то происходит с компанией, в которой тебе нужно работать?

Я с трудом дотягиваюсь до молнии на спине платья, поэтому просто сдаюсь и отодвигаю занавеску в сторону. Стелла быстро сканирует и качает головой.

— Следующее.

— Нет, это для благотворительного ужина на этой неделе. Я... я... — Глубоко вздыхаю и просто выплевываю это. — Я фиктивно встречаюсь с Тейтом Вэлором и иду с ним в паре.

Стелла откидывается назад в своем кресле, чуть не расплескав шампанское с преувеличенным удивленным возгласом, заставляя меня рассмеяться. Я возвращаюсь в примерочную и тянусь за следующим платьем, пока Стелла требует от меня всех подробностей чего-то настолько не свойственного мне. Перебираю еще четыре платья, которые она тоже бракует, пока рассказываю ей обо всем, что произошло с тех пор, как Тейт поцеловал меня в библиотеке на глазах у мачехи и сестры.

— Итак, ты хочешь сказать, что провела последние два дня взаперти с четырьмя сексуальными мужчинами, один из которых — горячий, блять, парень из бара? Квотербек доводит тебя до оргазма своей рукой за миллион долларов, а с двумя другими ты делаешь сэндвич «Сави»?

Жую нижнюю губу и киваю, поворачиваясь, чтобы показать ей заднюю часть черного платья, которое на мне надето. Она проводит рукой по воздуху, отвергая и это, и качает головой.

— А теперь скажи мне, почему, почему ты не выберешь самое красное, самое горячее платье в этом месте и не выбросишь свою маску в мусорное ведро? Покажи им, кто ты на самом деле, детка!

Вздыхаю, достаю атласное голубое платье А-линии, которое подходит к моим глазам, и отворачиваюсь от нее.

— Потому что я им не нужна. Не совсем. Тейт использует меня для того, что ему сейчас нужно, а двое других просто играли со мной в игры, чтобы скоротать время. Скоро все это закончится, и тогда Тейт бросит меня, как будто никогда не встречал. Будет лучше, если я просто исчезну, как только он закончит со мной. Так будет проще.

Она расстроено вскрикивает, но я поражаюсь своему отражению в зеркале. Это и есть мое платье. Оно красивое, стильное и сдержанное. Цвет точно соответствует моим глазам. У него вырез в форме сердца, который показывает лишь намек на мое декольте, а рукава длиной три четверти просто идеальны. Талию облегает нежный, сдержанный, вышитый серебряный плющ, похожий на низкий пояс, а юбка А-линии плавно струится, дополняя мои

широкие бедра, и заканчивается чуть ниже колен. Покачиваю бедрами, и подол красиво закручивается. Улыбаюсь, отдергиваю занавеску, и палец Стеллы поднимается и указывает на меня, как пистолет.

— Вот оно. Теперь распусти волосы.

Морщю нос, но делаю, как она сказала.

— Ага, тебе нужно надеть линзы на этот вечер, Сави. Мы сделаем локоны, чтобы создать милую ретро-волну. Гребешок с драгоценными камнями поднимет одну сторону над ухом. Подводка, накладные ресницы и кроваво-красные губы.

Я уже качаю головой.

— Ты обманула меня вплоть до макияжа, Стелла. Ты не можешь накрасить меня, как Бабочку! Они не знают, и я не хочу, чтобы они узнали. Не знаю, будет ли там Эш, ведь он не футболист, но он наблюдал за мной последние два года. Накрась меня, как ее, и он сразу все поймет.

Она поджимает губы и закатывает глаза.

— Отлично! Мягкий, едва заметный макияж глаз, натуральные ресницы с небольшим количеством туши и розовые губы. — Она смотрит вниз на мои ноги. — Ты не можешь отказаться от каблуков. Это платье было создано для них. Я бы выбрала серебряные и с ремешками.

Киваю в знак согласия и передаю свою черную карточку продавцу с легким румянцем.

Мы сидим на кухне и обсуждаем прошедший день, а я ищу в кладовке что-нибудь перекусить. Не найдя ничего подходящего, закрываю дверь и хмуро оглядываюсь по сторонам.

— Где куколка-малышка? Ее не было здесь уже несколько дней.

Я скучаю по ней, что довольно странно. Я обычно не скучаю по девушкам, кроме, может быть, мамы, но я прожил большую часть своей жизни без ее внимания, так что, возможно, это не совсем из-за нее. Было весело, когда Сави была здесь, в доме. Она дополняла дом в хорошем смысле, даже если отклоняла все очаровательные сексуальные предложения, которые я посылал в ее сторону. Хотя мне это в ней тоже нравится. У меня цыпочки выстраиваются в очередь, чтобы пососать мой член в надежде, что они будут скакать на мне до самого драфта, но моя куколка не вписывается в эту очередь.

Я видел жар в ее глазах, когда она увидела, как я полирую свой член в то утро, но именно вспышка разочарования в ее глазах прямо перед тем, как она убежала, заставила меня замедлить свои толчки, а мой член сдуться, как будто его укололи булавкой размером с Сави, и это осталось со мной после ее ухода.

Я никогда не задумывался о том, что думает обо мне девушка, но где-то между ее волшебными пальцами, пробегающими по моим волосам, когда я лежал на ее животе, и болью, которую я увидел в ее глазах, когда Тейт рассказал о ее фиаско с первым разом, мне стало не наплевать... совсем чуть-чуть. Хм, ладно, может быть, даже очень. Мне понадобилось всего три секунды, чтобы решить, что она станет моей новой одержимостью. Я никогда раньше не заикливался на девушках, они никогда не волновали меня достаточно сильно, но Сави... она просто бьет по-другому, сильнее, и да, я чертовски хочу ее.

Эш глубоко вздыхает в раздражении и скрещивает руки, в то время как Тейт опускает глаза на пол, нахмурившись.

— Ты, блять, тоже, Джуд?

Когда я просто поднимаю на него бровь и дергаю пирсингом кольца в брови, Эш ехидничает.

— Что у вас всех с этой цыпочкой? Ты тоже хочешь ее трахнуть?

Качаю головой в сторону, привлекая внимание, и Тейт бросает на меня мрачный взгляд, заставляя рассмеяться.

— Что? Мне нравится, когда она рядом. Она как... как милый маленький домашний эльф, который приятно пахнет и приносит мне угощения!

Эш зыркает в мою сторону.

— Мы не пускаем цыпочек в дом, если только не для того, чтобы трахнуть их и выбросить. Нам не нужно, чтобы эта маленькая мышка постоянно здесь ошивалась. — Он оглядывает нас всех, прежде чем остановиться на Тейте. — Твой маленький фальшивый эксперимент начинает действовать мне на нервы.

Бек пожимает одним большим плечом.

— Если честно, Сави не похожа на юбки, которые мы обычно трахаем. Она не... не цепляется и ничего не просит. Она больше похожа на домашнее животное. С ней весело обниматься и играть. Не вижу ничего плохого в том, что она тусуется с нами. Не похоже, что это пойдет далеко. Она недостаточно сексуальна для этого. — Он говорит, но его глаза

отводятся в сторону, говоря мне, что он уже полон дерьма.

Эш протягивает руку и подталкивает Тейта.

— А ты? Только не говори мне, что ты действительно начинаешь испытывать чувства к книжному червю. Твоя фальшивка порой чертовски убедительна.

Тейт закатывает глаза.

— Потому что я чертовски хорош! Она ничто, чувак. Средство для достижения цели. Мои оценки уже начинают расти. Мне просто нужно еще немного поиграть в это, а потом я смогу бросить...

Он прерывается с выражением виноватой паники на лице, оглядываясь на Эша. Я наклоняюсь в сторону, и мои брови поднимаются, когда я вижу побледневшую Сави, стоящую там с кастрюлей чего-то в руках. Когда ее глаза за очками в черной оправе вспыхивают гневом, я очень жалею, что не нашел закуски. Попкорн был бы сейчас как нельзя кстати для шоу, которое вот-вот начнется.

Эш оглядывается через плечо и видит ее. Его лицо становится пустым, но я вижу, как его горло двигается, когда он тяжело сплывает, а затем она топает к нам, обходит остров и сильно втыкает кастрюлю мне в грудь. Ее глаза ярко-голубые, а плечи напряжены. Я никогда раньше не видел ее в гневе. Она чертовски великолепна.

— Вот! Доставка от вонючего гребаного домового эльфа. Наслаждайся, она будет последней.

Она отворачивается от меня, лезет в свою сумку, достает оттуда банку с чем-то и бросает ее в Бека. Он выхватывает ее из воздуха как раз перед тем, как она попадает ему в лицо.

— Это органический тигровый бальзам, о котором я тебе говорила, для твоих больших мальчишеских ушей. Ты можешь натереть их, а потом сходить в приют и взять гребаную собаку, чтобы пообниматься с ней!

Следующим на ее линии огня оказывается Тейт, она выхватывает стопку бумаг и подбрасывает их прямо в воздух, отчего листы разлетаются повсюду.

— Твое следующее эссе, с некоторыми правками и предложениями, чтобы ты мог получить лучшую фальшивую отметку из возможных. Кроме того, твоя фальшивая подружка по-настоящему бросает твою фальшивую задницу!

Рот Тейта открывается, словно он хочет что-то сказать ей, но она уже отворачивается, чтобы встретиться взглядом с Эшем.

— И ТЫ! Не думай, что я могла забыть принести тебе что-то. У меня это прямо здесь!

Она засовывает руку глубоко в сумку и роется в ней, прежде чем встретиться с его глазами своими яростными голубыми и медленно вытаскивает руку. Она пуста, за исключением среднего пальца, гордого и жесткого.

— Это тебе! — Она сильно тычет им в его сторону, а затем тычет им в сторону каждого из нас. — Ты же не против поделиться им со своими мальчиками?

Ее рука опускается на бок, а другая тянется в карман и достает ключ, который, должно быть, дал ей Тейт. Он прикреплен к пластиковой розовой бабочке, которая бьется о стойку, когда она бросает его. Я вижу яростные слезы, которые наконец-то начинают наворачиваться на ее глаза, когда она разворачивается и выбегает из комнаты. Тейт выжидает мгновение, а потом кидается за ней.

— Сави, подожди!

Мы слышим, как ее голос срывается от боли, когда она кричит в ответ.

— Не трогай меня!

И тут входная дверь захлопывается. Тейт возвращается, зарывшись руками в волосы. Я снимаю фольгу с кастрюли, которую она впихнула мне, и с ухмылкой, а затем со смехом, копаюсь в булочках с корицей, которые она испекла специально для меня. Они все смотрят в мою сторону, и я поднимаю одну из булочек вверх, делая вид что поджариваю ее.

— Кто-нибудь еще находит взбешённую Сави чертовски горячей? — говорю я, запихивая липкое лакомство в рот.

Тейт просто смотрит на меня недоверчивым взглядом, дергает себя за волосы, а потом, наконец, срывается, рычит «Бляяаять!» и поворачивается к Эшу, пытаюсь обвинить кого-то другого, вместо того чтобы взять на себя ответственность за этот разгром.

— Большое спасибо, чувак. Что за херня, Эш? Она нужна мне прямо сейчас! Что, блять Сави тебе сделала?

Разражаюсь смехом, заставляя их обоих посмотреть на меня, но в ответ просто пренебрежительно машу им липкой, сладкой булочкой и говорю: «Продолжайте!», а затем запрыгиваю на стойку, чтобы устроиться со своим лакомством и смотреть шоу, пока Эш лает на Тейта.

— Я? Что, блять, я сделал? Не я соглашался на фиктивные отношения с ней. Опять же, не я говорил, что собираюсь использовать ее и бросить. Ты не думал, что это может задеть ее чувства? Все, что я сделал, это сказал, что меня тошнит от ее присутствия в этом доме.

Бек качает головой.

— Вы оба долбаные мудаки. Она этого не заслужила. Она не заслуживает того, чтобы ее использовали, и точка.

Он пытается дотянуться до кастрюли, чтобы достать булочку, поэтому я рычу в своей лучшей пародии на парня с супом из "Сайнфелда" и шлепаю его по пальцам.

— Никакого супа для вас! Мистер «она недостаточно горячая». Плохой! Плохой, Бек!

Он открывает рот, словно собираясь привести аргументы, но тут же закрывает его, нахмутив брови, словно только сейчас поняв, что она могла почувствовать.

Эш ухмыляется.

— Что? Думаешь, ты лучше?

Слизываю глазурь с пальцев, разглядывая все эти булочки, а потом выкладываю им.

— Я сказал, что она как милый маленький домовый эльф, который приятно пахнет. Я не говорил, что собираюсь использовать ее и бросить, не называл ее домашним животным, и не сказал, что она недостаточно сексуальна, или действует мне на нервы. Также, к твоему сведению, мой член становится твердым от всего взрослого состава этого фильма, включая эльфа — так что я не так уж и плох.

Бросаю кастрюлю на прилавок и спрыгиваю, чтобы встать перед ними всеми, готовый поставить свою точку.

— Начнем с тебя, большой Т. Она тебе нужна? Не для того, чтобы использовать и злоупотреблять. Ты хочешь ее?

Он скидывает руки вверх.

— Что? Нет! Я никогда не хотел, чтобы она была моей настоящей девушкой.

Я киваю.

— Почти уверен, что малышка-куколка тоже никогда не хотела, чтобы ты был ее парнем. Если мне не изменяет память, ты как бы навязал ей это. Но теперь ты чувствуешь себя не в своей тарелке, потому что не так уж много нужно, чтобы подтолкнуть ее к

чувствам, а это только навредит ей, если ты будешь продолжать трахать ее повсюду.

Он скрещивает руки на груди, и его отрицательный ответ говорит мне, что я попал в точку. Пора озвучить брату некоторые факты.

— Прошло сколько, чуть больше двух недель с тех пор, как ты начал это дерьмо с ней? Бесплатное испытание закончилось, чувак. Если ты хочешь оставить ее у себя, ты должен заплатить абонентскую плату. Я? У меня кредитка готова к оплате за эту сладкую задницу. Так что двигайся.

Тейт краснеет и начинает брызгать слюной.

— Я...э...бля...черт, нет! Ты не можешь этого сделать. Это против кодекса братьев.

Это вызывает во мне завывающий смех.

— Ты слышишь себя сейчас? Я не могу иметь твою фальшивую девушку из-за настоящего кодекса брата? Эй, Тейт, отъебись.

— Джуд, ты серьезно? Ты действительно хочешь Сави? Не только для того, чтобы трахаться с ней? — спрашивает Бек, и я поворачиваюсь к нему.

— Да, блять, точно. Ты собираешься стать мужчиной и перестать позировать? Признаешься, что тоже хочешь ее?

Он смотрит мимо меня на Тейта и Эша, а затем медленно начинает кивать.

— Да, в ней что-то есть. Не уверен, что именно, но думаю, мне стоит это выяснить.

Тейт стонет от этого, но Эш насмехается.

— Что, черт возьми, сейчас происходит? Вы двое — самые большие мужики шлюхи, которых я знаю, и вы собираетесь сдать свои карточки шлюх... в обмен на... что...?

До этого момента меня забавляло, насколько мои друзья слепы, что не видят сокровище прямо у себя под носом, но вот это дерьмо, это уже не пройдет. Я подхожу прямо к лицу Эша и обнажаю зубы.

— На что? Давай, блять, закончи это предложение. Тебе, наверное, не нужен язык, чтобы лечить спортивные травмы, так что давай, расскажи все, что у тебя, в твоей тупой голове, с этой бабочкой.

Он отшатывается назад с обиженным выражением лица, но нет, я назвал ее своей, так что никто больше не сможет задвинуть мою куколку в угол, будь то друг или нет.

Он вытирает рот рукой, а затем качает головой.

— Я просто не понимаю этого, вот и все.

Откидываюсь назад, уже простив его, и ухмыляюсь.

— Врешь, врешь, штаны горят. Если бы ты этого не видел и не чувствовал, она бы не была у тебя под кожей. Тебя просто бесит, что ты что-то чувствуешь к человеку, который разговаривает в ответ. Может, это тебе нужно выйти из клетки, Эш.

Он отводит взгляд от меня, и динь, динь, динь — три из четырех, ребята! Я возвращаюсь к своим липким райским булочкам, сделанным специально для меня самой волшебной девушкой на земле, и откусываю еще одну, глядя на Тейта. Мы все трое смотрим на него в ожидании.

Он опустил голову, но я вижу, как его язык проводит взад-вперед по нижней губе, он так делает, когда напряженно думает над заданием. Пока я жду, что до него дойдет, я жалею Бека и предлагаю ему кастрюлю. Эш оживляется, взглянув на нее, но... прощен, еще не значит забыт, так что просто нет, черт возьми.

— Черт! Да, да, я тоже хочу ее. Я, блять, не знаю почему, но хочу. — Наконец выплевывает Тейт.

Огромная ухмылка расплывается по моему лицу. Мне нравится, когда мы все на одной волне. Что касается того, что все мы хотим одну и ту же девушку? Ну, в моем мире делиться — значит заботиться.

— Ладно, кискозавры, игра началась! Пусть победит сильнейший.

Сажу на уроке экономики и пытаюсь усвоить лекцию профессора, но ничего из того, что он говорит, не цепляет. Все, что я слышу, это дерьмовые вещи, которые Тейт и другие говорили обо мне. Это крутится в моем мозгу, как зацикленная карусель, с которой я не могу сойти. В этой боли я виню только себя. Я знала, я знала, что для меня лучше! Я знала, что все это не реально, но слышать, как они говорят это вслух, так пренебрежительно, так небрежно, гораздо больше, чем я думала.

В любом случае, это не имеет значения. Лучше пусть это закончится сейчас, чем через месяц, когда я действительно привяжусь ко всем им. Мне нужно выбросить их из головы и сосредоточиться на том, чтобы снова раствориться в своей маленькой жизни. Постараться насладиться тем временем, которое у меня осталось в университете, пока я не сменю...

Дверь в класс хлопает, эхо разносится по аудитории с грохотом, который заставляет меня подпрыгнуть на своем месте. Все головы поворачиваются в ту сторону, и я подавляю стон, когда Джуд входит, прерывая лекцию. Он останавливается, посылает бойкий привет профессору, а затем сканирует места, пока не находит меня. Этот идиот одел огромные очки, которые немного похожи на мои. На одном плече у него большая набитая сумка, а в руке блокнот и ручка, на лице широкая ухмылка, и он направляется к лестнице, которая приведет его к тому месту, где сажу я.

— Мистер Диксон! Могу ли я вам чем-то помочь? — кричит профессор, его голос наполнен раздражением.

Джуд просто машет рукой за спиной и продолжает идти в мою сторону.

— Нет, спасибо, сэр! Я здесь только для того, чтобы протестить ваш класс.

Мой профессор выглядит разъяренным, и я удивляюсь, когда он не приказывает Джуду выйти, а просто продолжает лекцию. Я еще глубже погружаюсь в свое кресло, пока все студенты следят за Джудом, пока он не опускается на сиденье рядом со мной, оставляя за собой шлейф катастрофы. Массивная сумка на его плече сбивает ноутбуки и книги как минимум с трех парт, пока он пытается протиснуться по проходу, чтобы добраться до меня.

— Что ты здесь делаешь? — шиплю я на него, глядя прямо перед собой.

— Извини, я опоздал. Пришлось потратить целую вечность, чтобы найти тебя. Пришлось заплатить в регистратуре, чтобы получить твоё расписание. Я не знал, что у тебя двойная специализация. Это мозговая сила нового уровня, куколка.

Отказываюсь смотреть на него и изо всех сил стараюсь не обращать внимания на его шарканье рядом со мной, но трудно игнорировать пушистое одеяло, накинутое на тебя. Откидываю ткань и, наконец, смотрю на него, чтобы одарить его своим лучшим взглядом.

— Что это? — выплевываю сквозь стиснутые зубы.

Он гладит розовое одеяло, как домашнее животное.

— Это Snuggly! — наполовину одеяло, наполовину толстовка, — говорит он мне с восторженной улыбкой. — Я знаю, как сильно ты любишь тепло, поэтому я заказал тебе одно, но, детка, оно достаточно большое, чтобы поделиться.

Запихиваю одеяло вниз, к своим ногам.

— Тебе нужно уйти, Джуд. Ты срываешь занятия и меня выгонят.

— Хм, не могу, куколка. Мне нужно попросить прощения. В любом случае, ты всегда приносишь мне закуски, так что я хочу отплатить тебе тем же.

Стараюсь больше не смотреть на него, но потом я жонглирую своим ноутбуком, когда он пытается отодвинуть его, чтобы освободить место для... ведра с жареной курицей? А затем коробки с пиццей, за которой быстро следует банка с мороженым, которое тает и вытекает из-под крышки.

— Я не был уверен, что тебе нравится, поэтому я просто взял...

— Мисс Сент-Джеймс!

Я просто вскакиваю на ноги с пылающим красным лицом, кричу:

— Пошли! Простите, сэр! — и начинаю закидывать свои вещи в сумку.

Джуд подскакивает за мной, передает растаявшее мороженое другому недоумевающему ученику, забирает одеяло, коробку с пиццей, ведро с курицей и торопится за мной, пока я практически бегу по лестнице к выходу.

Он громко кричит «Спасибо за аудит!», когда дверь закрывается за нами с очередным грохотом.

Со злостью шагаю в конец коридора, а затем поворачиваюсь, чтобы дать ему по рукам, но подавляю свою ярость, когда вижу нервное выражение его лица. Я никогда раньше не видела Джуда нервным, и этого достаточно, чтобы выпустить ветер из моих парусов.

— Не злись, Сави, пожалуйста? Я знал, что ты не станешь со мной разговаривать, если я не устрою засаду. Я хотел пригласить тебя на обед и попытаться все объяснить, но боялся, что ты не согласишься пойти со мной, поэтому принес обед тебе.

Снимаю очки и потираю уставшие глаза — жертва недосыпания и большого количества слез накануне вечером. Надеваю их обратно и качаю головой.

— Пойдем. Здесь внизу есть уголок.

Вижу, как его золотые глаза загораются за фальшивыми очками, заставляя меня нахмуриться, и снова тускнеют, когда я снимаю их с его лица, но он следует за мной в уголок со скамейкой под большим витражным окном. Мы садимся, но я качаю головой, когда он пытается передать мне ведро с курицей.

— Просто скажи мне то, что хочешь сказать, Джуд. Никакой курицы, никаких шуток и никаких безумных предложений о сексе. Я устала и мне больно. Я не хочу больше видеть ни тебя, ни других.

Он медленно кивает, опустив голову, нервно теребя несколько своих колец. Это так странно. Джуд никогда не нервничает и никогда не выглядит таким неуверенным, как сейчас. Это заставляет меня немного волноваться о том, что он собирается сказать.

— Детка... Сави...

Когда он снова сбивается, не находя слов, мой желудок подпрыгивает от беспокойства. Это совсем на него не похоже, поэтому я хватаю его за руку и сжимаю ее.

— Джуд, что случилось? Скажи мне, что случилось?

Он проводит большим пальцем по моим костяшкам и поднимает глаза, чтобы встретиться с моим взглядом.

— Ты. Ты случилась, куколка.

Все беспокойство, которое я чувствовала, покидает меня, и я пытаюсь отдернуть руку, мне надоело, что со мной играют, но он держит ее крепче, а затем подносит ко рту, чтобы провести горячими губами по тому месту, где только что был его большой палец.

— Я серьезно, куколка. Я скучаю по тебе. Мне нравилось, когда ты была у нас в доме, и не только потому, что ты печешь для меня. И да, я хочу раздеть тебя и сделать все возможное с тем соблазнительным телом, которое ты прячешь, но не только это.

Он проводит пальцем по своему рту, притягивая мой взгляд к нему и заставляя меня задуматься о том, что именно плохого он мог бы с ним сделать. Сжимаю свои бедра вместе, пытаюсь остановить боль, которая расцветает при этой мысли.

— Я хочу проводить с тобой время. Хочу узнать тебя. Я не знаю о тебе почти ничего, но я хочу знать. Например, почему у тебя двойная специализация — бизнес и английский? Чем ты хочешь заниматься после окончания университета? Откуда ты?

Он тянет мою руку к своей груди и прижимает ее к своему сердцу.

— Хочу обниматься на диване, пока твои руки будут в моих волосах, смотреть вместе фильмы. Хочу читать с тобой феери-порно, а потом разыгрывать твои любимые грязные сцены. Сави, я хочу быть с тобой.

В моем животе порхают бабочки от слов, которые я никогда не думала, что кто-то может мне сказать, но реалист во мне также предупреждает, что эти бабочки могут быть моей интуицией, которая говорит мне бежать. Отдергиваю от него руку и проглатываю «Я тоже», которое хочет вырваться у меня изо рта.

— Звучит неплохо, Джуд, но я не очень люблю смотреть, как другие девушки ежедневно делают тебе минет.

Он стонет и дважды шлепает себя по голове.

— Глупый, глупый член! Прости меня! Я даже не знаю, почему пустил ее в свою комнату. Все, что у меня есть, это... привычка? Как только ты вышла за дверь, мой член обвис, как сиськи пожилой дамы, и свернулся калачиком, чтобы заплакать. Он не хочет играть ни с кем, кроме тебя, куколка.

В моей голове возникла картинка, которая мне не нужна. Красивые слова и все такое, но доверие нужно заслужить поступками, а не словами.

— Конечно, Джуд, как скажешь. А что насчет остальных? Тейт? Как он отнесется к тому, что ты преследуешь его бывшую фальшивую подружку?

На его губах появляется ухмылка, и он издает звук "тск".

— К черту их, куколка. Они могут сами себя ублажать.

Глубоко вздыхаю и поднимаюсь на ноги.

— Мне нужно подумать об этом, Джуд. Я не хочу, чтобы со мной играли. Мне просто нужно подумать.

Он вскакивает на ноги и подталкивает ко мне ведро с курицей.

— Ладно, я понял, но вот, ешь. Голодная куколка плохо соображает. И еще... эмм... как ты думаешь, ты все еще можешь прийти завтра вечером на ужин? Ты могла бы быть моей парой. К черту Тейта, нарядись для меня, куколка!

Сужаю на него глаза.

— Как я уже сказала, мне нужно подумать. Если я решу прийти, то я приду.

Стою перед библиотекой, где работает Сави, и снова мысленно прокручиваю все в голове. Мне нужно убедить ее, что на этот раз я не притворяюсь. Последнее, чего я хотел, — это отношений, и все же я пытаюсь придумать слова, чтобы убедить ее попробовать себя в настоящих, а не в фальшивых. Провожу рукой по волосам в разочаровании.

Чертов Джуд. Кто бы мог подумать? Он совершенно серьезно хочет заполучить ее в свои руки, и он как кролик, когда зацикливается на чем-то. Он ни за что не сдастся, пока не получит то, чего хочет. Я не могу сидеть сложа руки и смотреть, как она будет с ним. Это сведет меня с ума, если я подумаю, что это он заставляет ее стонать так, как она стонала от моих пальцев.

Что это, черт возьми, такое? Я не ревную. Я не привязываюсь к женщинам, никогда. Они меня не отвлекают, и все же мы здесь. Весь смысл того, что Сави была моей фальшивой девушкой, заключался в том, чтобы избежать всего этого дерьма. Теперь я не могу смириться с мыслью, что она может быть с кем-то, кроме меня, по-настоящему. К черту все, я просто должен сделать все по-своему и надеяться, что смогу очаровать ее, чтобы она дала мне еще один шанс.

Нахожу ее в стеллажах с книгами. На ней еще одна из этих убогих юбок, которые никак не подчеркивают ее формы, и громоздкий свитер цвета загара, и мне хочется раздеть ее догола прямо здесь, чтобы увидеть изгибы, к которым я прикасался, когда она была в моей постели. Словно почуяв хищника, она резко вскидывает голову, и ее взгляд метается по сторонам. Когда он останавливается на мне, ее красивые розовые губы сжимаются, а глаза становятся холодными, и это чертовски убивает меня, потому что это я заставляю ее чувствовать себя так.

— Уходи... прочь... Тейт.

— Пойдем, Сави, нам нужно поговорить об этом.

Она хмурится и толкает свою тележку дальше по ряду.

— Нам не о чем говорить. Сделка расторгнута. Ты просто расстроен, что я разорвала ее до того, как у тебя появился шанс... как ты там выразился? Ах да, бросить меня.

Иду следом за ней, пока она укладывает книги в тележку.

— Я вел себя как идиот, Сави. Я не хотел верить, что то, что происходит между нами, реально. Пожалуйста, позволь мне доказать, что это так.

Сави издает горький смешок, когда мы выходим из прохода в основную часть учебной зоны. Половина столов заполнена работающими студентами, и я улавливаю маленькую, злобную улыбку на лице Сави, когда она поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня.

— Это было не по-настоящему, и я закончила устраивать для вас шоу, но вот бесплатный бис.

Она поворачивается и повышает голос в тихом помещении гарантирует, что каждый студент здесь услышит ее.

— Внимание! Тейт Вэлор — полная задница, и я только что бросила его, так что он теперь свободный. Любая из вас, дамы, желающая нанести ему удар... стреляйте!

Я стону от разочарования, когда не менее трех женщин начинают вставать, а Сави быстро задвигает свою тележку к стойке. Мне нужно доказать ей, что я серьезно, поэтому я делаю единственное, что, надеюсь, заставит ее поверить — громко произношу свое

собственное объявление.

— Она действительно бросила меня, и я это заслужил! Но я не свободен, потому что принадлежу этой девушке, и сделаю все, чтобы она приняла меня обратно!

А потом бегу за ней. Все наши крики привлекли внимание библиотекарши, которая уже ждет нас у стола с суровым взглядом и руками, скрещенными под внушительно большой грудью.

— Савана, это не то место, где стоит выкладывать свою драму в отношениях. — Она указывает острым пальцем на дверь. — Возьми перерыв и разберись с этим. Я не хочу, чтобы моя библиотека превратилась в какое-то плохо написанное реалити-шоу!

Плечи Сави опускаются.

— Да, мисс Ванье. Прошу прощения за вспышку гнева. Этого больше не повторится.

Женщина кричит так, будто мы в викторианской Англии, когда Сави хватает меня за запястье и тащит к двери, за которой оказывается небольшая комната для персонала. Как только дверь за нами закрывается, она тычет пальцем мне в грудь.

— Какой в этом был смысл? Я больше не собираюсь соглашаться на твои фальшивые отношения. Почему ты просто не оставишь меня в покое?

Хватаю ее колющий палец и пытаюсь притянуть ее ближе к себе, но вместо этого она отступает назад.

— Я имел в виду то, что сказал там. Я хочу быть с тобой по-настоящему. Хочу, чтобы ты была моей девушкой на людях и наедине. Сави, прости меня за то, что я сказал в тот день. Я не хотел этого! Я просто не мог признаться в своих чувствах.

В этой девушке нет ни капли самоотдачи, она качает головой.

— Твои извинения — это просто красивая ложь, завернутая в шелк, чтобы ты мог получить то, чего хочешь. Я купилась на последнее, но это для меня ничего не значит. Черт возьми, Тейт, я говорила тебе, что не хочу, чтобы мне причиняли боль, но все равно позволила сделать это. Просто отпусти меня, пока мне не стало еще хуже.

Черт, я должен. Должен просто отпустить ее, но намек на слезы в ее глазах скручивает меня так, что я не могу объяснить, поэтому я прижимаю ее прямо к стене и удерживаю на месте своими бедрами, чтобы она не могла убежать, а затем прислоняюсь лбом к ее лбу. Ее очки сползли на нос, давая мне возможность рассмотреть ее великолепные небесно-голубые глаза, и я очень жалею, что не заглянул в них, когда мои руки были на ее теле в тот день.

— Малышка, прости меня. Прости, что причинил тебе боль. Дай мне еще один шанс. Обещаю, что больше не причиню тебе боли.

Она прикусывает нижнюю губу, и мне так хочется поцеловать ее прямо сейчас, показать ей, как много она для меня значит.

Ее голос мягкий и нерешительный, когда она говорит:

— Иногда ты встречаешь кого-то и с первого мгновения понимаешь, что хочешь провести всю свою жизнь... без него. Это ты, Тейт. Я знала, что мне следовало бежать в другую сторону, как только ты впервые фальшиво поцеловал меня.

Я рычу, услышав это, и моя рука поднимается, обхватывая ее горло с достаточным давлением, чтобы она прекратила говорить неправду.

— Это не то, что я чувствовал, когда твоя киска сжимала мои пальцы, малышка. Да, я облажался, но не лги себе. Мы оба знаем, что между нами есть нечто большее, и, Сави... сейчас это не шоу, потому что никто не смотрит.

И тогда я захватываю ее рот своим. Я целую ее так сильно и глубоко, что ее ноги

слабеют, и мне приходится прижать ее к себе. Мой язык ведет войну с ее языком, пока она не начинает хныкать у меня во рту, а ее пальцы впиваться в рубашку. Она так чертовски отзывчива на прикосновения, что я хочу встать на колени прямо сейчас и попробовать, как я заставляю ее чувствовать себя. Как только эта мысль появляется в голове, мое тело берет верх, и я скольжу рукой по ее бедру, под юбку, и спускаю колготки достаточно низко, чтобы забраться под них. Она выгибается навстречу моим прикосновениям, когда я глажу клитор. Из нее вырывается стон, заставляя член пульсировать. Отрываю свой рот от ее рта и наклоняю ее голову, чтобы добраться до шеи.

— Сделай это еще раз, малышка, но на этот раз стони мое имя, — приказываю ей и ввожу два пальца глубоко в мокрую киску.

— О... Те-йт!

Ее голова откидывается назад к стене, когда она прижимается своей влажной киской к моей ладони, принимая каждый толчок пальцами с придыханием, а когда я прикусываю ее нежную кожу, она пульсирует вокруг меня, как в тисках, смачивая мою руку. Это самая горячая вещь, которую я когда-либо чувствовал, и я в нескольких секундах от того, чтобы перегнуть ее через стол и трахать ее жестко и быстро, когда раздается резкий стук в дверь и гром баба зовет через нее:

— Пять минут, Савана!

В этот момент в ней щелкает переключатель, Сави отталкивает мою руку от своей киски, бросается в сторону и обходит меня. Она задыхается, широко раскрыв глаза, а я показываю ей, насколько это реально, поднося два пальца, которые только что были внутри нее, ко рту и посасывая их, не разрывая зрительного контакта. Ее рука вздрагивает и прижимается ко рту, словно она пытается сдержать очередной стон, а я слизываю последний сладкий вкус с губ.

— Не сопротивляйся, малышка. Это то, чего мы оба хотим. Приходи со мной на ужин завтра вечером. Будь моей девочкой, все время, и я дам тебе все, что ты хочешь, и гораздо больше.

Смотрю на свое отражение в зеркале во весь рост и разглаживаю светло-голубой атлас юбки платья. Оно так же прекрасно, как и тогда, когда я примеряла его в магазине, может быть, даже больше, если подобрать к нему аксессуары и сделать прическу и макияж. Мне бы хотелось, чтобы Стелла была здесь и помогла мне подготовиться, но у нее случилась какая-то драма в баре, которую она должна была прикрыть, раз уж она стала менеджером.

Наверное, это к лучшему. Она бы настояла на более тяжелом макияже, чем тот, который я нанесла. Он очень тонкий, всего лишь легкое напыление серебристо-голубых теней, неяркая подводка и ресницы. Тем не менее, это больше макияжа, чем я ношу вне клуба, и без очков я чувствую себя очень незащищенной. Локоны, в которые я закрутила волосы, получились хорошо, особенно если учесть, что эта прическа может получиться не очень удачно. К счастью, волны моих темно-каштановых волосах выглядят прекрасно, и я воспользовалась предложением Стеллы закрепить одну сторону, приподняв драгоценным гребнем над ухом.

Мне приходится напоминать себе не жевать губу и не испортить бледно-розовую помаду, так как нервы пульсируют в моем теле. Думаю, что выгляжу красиво, но проблема в том, что я просто не похожа на себя, и не знаю, хочу ли я вообще идти на этот дурацкий ужин. У меня в голове такой конфликт из-за того, что произошло с Тейтом и Джудом, и мне не стыдно признаться, что я немного напугана. Я боюсь, что они не имеют в виду то, что сказали, и просто разыгрывают меня, но я также боюсь, что они могут говорить правду.

То, как Тейт заставляет мое тело оживать, опьяняет, но я могу просто отмахнуться от этого как от физической реакции. Мое тело изголодалось по прикосновениям во многих отношениях, поэтому я могу быть слишком отзывчива на то, что он сделал со мной... уже дважды. Мои щеки розовеют в зеркале при одной только мысли о том, как он слизывает мое возбуждение со своих пальцев, и все внутри меня хочет большего, еще больше его. Но иногда он тоже может быть таким мудаком. Ничего не могу с собой сделать, но я продолжаю удерживать стену, чтобы защитить себя, если выяснится, что он действительно говорит и делает все это, только чтобы использовать меня для своей дурацкой сделки.

А еще есть Джуд. Он возмутительно очарователен в своей дурацкой и одновременно милой манере. Трудно отрицать то, что я увидела в его глазах, когда он попросил меня стать его. Там была необработанная уязвимость, которая заставляет меня думать, что большая часть его безумия — это маска, чтобы скрыть что-то более глубокое, и если кто-то и сможет понять, что скрывается под маской, так это я. Я знаю, что он притягивает меня и физически. Мне не нужно закрывать глаза, чтобы представить его обнаженное тело, с девушкой стоящей перед ним на коленях. Он невероятно стройный, но не оброс мускулами, как остальные, более гладкий, как экзотическая кошка. Мощный, быстрый, опасный, а пирсинг и чернила только дополняют его.

Отворачиваюсь от зеркала, перекидываю важные вещи из сумки с книгами в подходящий к платью клатч и вздыхаю. Наверное... я делаю это... поэтому накидываю подходящую накидку на плечи и заказываю такси.

Присоединяюсь к потоку формально одетых гостей, нервно поднимающихся по широкой лестнице, и наклеиваю хрупкую улыбку, когда называю свое имя, чтобы меня вычеркнули из списка гостей, и я почти удивлена, что Тейт или Джуд включили меня в

список гостей. Сдаю свой плащ служащему, а затем заставляю себя поднять подбородок и расправить плечи, проходя через открытые двойные двери в обеденный зал мероприятия, и останавливаюсь, чтобы осмотреть толпу. Мои глаза расширяются, когда они останавливаются на ком-то, кого я не ожидала увидеть, я быстро иду через почти пустой мраморный танцпол, чтобы подойти к нему.

— Унк... эм... Марк? Что ты здесь делаешь?

Он поворачивается ко мне и почти замирает на мгновение, но затем в его глазах появляется привычная теплота.

— Я мог бы спросить то же самое у тебя, принцесса. Я думал, что в такую холодную ночь ты будешь сидеть с хорошей книгой. Почему ты не дома? Ты говорила мне, что не хочешь, чтобы тебя связывали с именем Севана, поэтому я занимаюсь этими событиями для нас. — Он одаривает меня натянутой улыбкой и осматривает меня с ног до головы. — Ты выглядишь невероятно мило. Изменила свой стиль? Мне нравится. Что привело тебя сюда сегодня вечером?

Поджимаю губы и разглаживаю юбку.

— Я, я просто делаю одолжение для... друга. Мы делаем пожертвование на команду?

Он слегка смеется и проводит рукой по моей руке.

— Было бы странно, если бы мы этого не делали, милая. Наше имя стоит на двух больших спортивных зданиях в кампусе. Твой отец был большим сторонником спортивного отдела в своей альма-матер. Он бы очень гордился, узнав, что ты решила учиться здесь и продолжить наследие своей семьи.

Улыбаюсь ему и киваю, нервничая, что, возможно, мне не стоит слишком долго разговаривать с ним, вдруг кто-то догадается, что я связана с одним из крупнейших спонсоров университета. Словно прочитав мои мысли, Марк легонько сжимает мой локоть.

— Тогда иди, милая. Иди и найди своего друга. Я скоро позвоню тебе обсудить планы на праздники.

Благодарность и любовь проникают в меня от того, что мой крестный отец всегда рядом со мной, поэтому я наклоняюсь, целую его в щеку и шепчу:

— Спасибо, дядя Марк. Люблю тебя.

Его глаза становятся грустными от моих слов, и я думаю, что он, должно быть, скучает по моему отцу, который был его лучшим другом, но он кивает и отпускает мою руку.

— Хорошей ночи, принцесса. Наслаждайся вечером.

Отворачиваюсь и принимаю бокал шампанского от проходящего мимо официанта, а когда поднимаю глаза, делаю глоток золотистого напитка, чуть не захлебываюсь им. Все четверо стоят и смотрят на меня, и они слишком красивы для слов в своих сшитых на заказ костюмах. Опрокидываю свой бокал и проглатываю остатки шипучего напитка. Думаю, мне понадобится еще много бокалов, чтобы пережить эту ночь.

И вот так у Сави перехватывает дыхание. Кто бы мог подумать, что под мешковатой одеждой и большими очками скрывается богиня? Женщина, идущая ко мне, просто сногсшибательна, и холодный взгляд ее глаз говорит, что мне нужно сильно постараться, если я хочу завоевать, заслужить ее. Я также хочу знать, кто тот мужчина, которого она только что поцеловала. Кто он для нее, почему она так откровенна с ним? Я сокрушаюсь, понимая, что почти ничего не знаю о женщине, которую пытаюсь убедить стать моей, и клянусь изменить это. Она останавливается перед нами и смотрит на каждого из нас ровным, безразличным взглядом, прежде чем остановиться на мне.

— Ну, я здесь. И что теперь?

— Детка... — Я осекаюсь, когда она сужает глаза от прозвища, и пытаюсь снова. — Сави, ты выглядишь невероятно. Ты самая красивая женщина здесь. — Ее бровь слегка хмурится от комплимента, и она отводит взгляд. Я понимаю, что она мне не верит, и тянусь к ее руке. — Потанцуешь со мной?

Ее взгляд скользит по остальным, немного задерживается на Джуде, а затем она дает мне легкий кивок, и я провожаю ее на танцпол и беру за руки. Мне не нравится, как она застыла и не сводит глаз с моего плеча, но это дает мне возможность изучить ее. Ее глаза цвета идеального летнего неба и прекрасно контрастируют с темными шелковистыми волосами, которые струятся по спине. Я хочу запустить руки в эти волосы и снова зарыться в них лицом. Позволяю руке, держащей ее за талию, провести по ее спине и вижу, как она тяжело сглатывает, но не показывает никакой другой реакции. Меня сводит с ума то, что она не дает этому шанса, поэтому, конечно, я говорю что-то невероятно глупое.

— Расслабься, Сави. Перестань быть такой жесткой, люди смотрят. Ты сейчас как бы сбрасываешь попытки дозвониться до тебя.

Как только слова покидают мой рот, я понимаю, что это было худшее, что я мог сказать.

Ее глаза переходят на мои, и, если это возможно, она еще больше напрягается в моих руках.

— Я НЕ просто сбрасываю звонки, Тейт. Я вообще отказываюсь их принимать. — Она качает головой, глядя на меня сердитыми глазами. — Красивая ложь, завернутая в шелк, чтобы ты получил свое шоу, как я и думала. Что ж, сделай мне одолжение, Тейт Вэлор, когда будешь уходить сегодня вечером, не забудь посмотреть в обе стороны, прежде чем найти тело для траха. Потому что меня там точно не будет.

Она вырывается из моих рук, а я проклинаю свой глупый рот, глупый мозг и чрезмерно раздутое эго. Сави направляется прямо к дверям, но Джуд догоняет ее, и я в растерянности, как исправить это... снова. Я возвращаюсь к Ашеру и Беккету, которые не могут оторвать глаз от девушки, которую я, возможно, только что потерял навсегда.

Сейчас она думает, что совершила ошибку, приехав сюда. Чертов Вэлор. Она почти доходит до дверей, когда я встаю на ее пути, с выражением, похожим на гримасу, пытаюсь показать ей, что я все понимаю. Вижу, что она смотрит на всех нас, когда бросает на меня ледяной взгляд. Скидываю руки вверх, словно пытаюсь отбиться от сосульчатых ракет, которые она пускает в меня.

— Вау! Куколка, я пришел с миром! — На моем лице начинает появляться ухмылка, когда я наклоняюсь ближе к ней и обхватываю ее за талию. — Хочешь все это бросить и пойти поиграть в игру? Ты можешь успокоиться.

Ей требуется несколько ударов, чтобы понять это, но затем ее глаза закрываются, а рот борется с улыбкой, которую она пытается побороть, но затем проигрывает. Вот моя девочка.

— Я не знаю, что он так быстро сказал не так, но пошел он. Будь здесь со мной, куколка. Ты самая яркая, самая блестящая жемчужина в море камней, и мне нужно побыть под твоим светом хотя бы несколько часов, прежде чем ты сбежишь от меня.

Не могу удержать свою руку от того, чтобы обхватить ее шею сзади и провести большим пальцем по нежной коже. Она так чертовски красива. Я чувствую, как ее пульс учащается под моими пальцами, и по ней пробегает мелкая дрожь.

— Сави, видя тебя такой сегодня, я должен спросить. Почему ты скрываешься от всего мира? От чего ты прячешься, ангел?

Ее сладкие розовые губы сжимаются, а затем она проводит языком по нижней губе, чтобы увлажнить ее.

— Джуд Диксон, ты откроешься, и я откроюсь.

Она говорит это тихо, как обещание, и у меня вырывается рык собственнической потребности, когда я притягиваю ее еще ближе. Вот она, та самая. Она видит меня. За шутками, за сумасшествием, Сави видит меня. Двигаюсь медленно, мягко, чтобы не напугать ее, и нежно провожу губами по ее губам. Все можно испортить, если поторопиться. Эту девушку нужно ласкать, лелеять. Я должен позволить моей куколке расцвести по-своему, в свое время, а потом, когда она будет готова, я покажу ей животное внутри меня, и я готов поставить свой стартовый бонус за драфт НФЛ на то, что она позволит этому зверю встретиться с ней.

Когда я отстраняюсь, вижу в ее глазах, что она здесь, со мной, поэтому я осторожно поворачиваю ее и веду к остальным.

— Садись за наш стол, куколка. Мы будем есть безвкусную курицу, слушать скучные речи и проверять, сможем ли мы угадать, сколько жен главных спонсоров сделали пластические операции. Когда это нам надоест, мы сможем выпить по рюмке за каждую из этих пластических пум, которые подсунут Тейту ключ от своего номера.

Сави бросает на меня острый взгляд, и я киваю.

— Ага, я тоже возьму парочку. По какой-то причине они думают, что имеют право трахать игроков, потому что муженек выписывает чек. Как будто мы им за это чем-то обязаны.

Ее щеки становятся моего любимого розового цвета, когда она нервно спрашивает:

— Ты... ты когда-нибудь...

Останавливаю нас в нескольких футах от остальных и провожу тыльной стороной своих

татуированных пальцев по ее щеке.

— Ничего, ничего не имеет значения, ДВК, ангел.

Она наклоняет голову в сторону в замешательстве.

— ДВК?

Наклоняюсь и снова нежно целую эти мягкие губы.

— Да, ДВК, До Встречи с Куколкой. Все, что имеет значение сейчас — это ты.

— Господи, неужели это Сави? — спрашивает Бек с легким благоговением в своем тоне.

Оглядываюсь вокруг нас, пытаюсь заметить ее, скольжу по соблазнительной красоте в голубом платье, пересекающей танцпол, а затем еще раз оглядываю ее с открытым ртом. Нет... блять... не может быть. Это не может быть книжный червь. Посмотрите на эти растрепанные темные волосы. К черту волосы, посмотрите на эту гребаную задницу. Не может быть, чтобы это была она. Как она могла спрятать все... это... под своей старушечьей одеждой?

— Что это за парень ее трогает? — Тейт ворчит рядом со мной, когда она наклоняется и целует парня в щеку.

Мне все равно, кто этот парень, я хочу знать, кто, блять, она. Чувствую себя так, будто меня надули. Эта маленькая мышка не та, за кого себя выдавала, и это меня почему-то серьезно бесит. Бросаю взгляд на Джуда, и он выглядит пораженным. Как будто Сави стала звездой, и он ослеплен ее блеском. Я закатываю глаза, но, как магнит, они возвращаются к ней, когда она пересекает зал по направлению к нам. Чем ближе она подходит, тем сильнее сжимается мое нутро. Есть что-то, что-то в том, как покачиваются ее бедра, как она двигается в этом платье и на каблуках, что грызет мне затылок. Что-то... но я не могу определить что...

Она останавливается перед нами, оглядывает нас с ровным выражением лица и говорит:

— Ну, я здесь. И что теперь?

Тейт говорит ей что-то, чего я не могу расслышать, а затем ведет ее на танцпол, но через несколько минут она отстраняется от него с сердитым выражением лица и направляется к двери. Мои пальцы сжимаются, раздраженные тем, что она уже уходит, когда у меня едва ли был шанс увидеть эту версию или даже принести неубедительные извинения, которые, как я знаю, она заслуживает.

Джуд догоняет ее, а потом она оказывается в его объятиях, и мне хочется ударить что-то, кого-то. Черт, почему меня это вообще волнует? Она не моя девушка. Моя девушка находится в клетке, что бы там Джуд ни говорил на днях. Его губы встречаются с ее губами, и я отворачиваюсь, чтобы не смотреть на это.

— Посмотрите на это! Держу пари, она трахает их всех. Шлюха!

Злобный тон и слова привлекают мое внимание своей суровостью и тем, насколько неуместными они кажутся в комнате, полной элегантности, и я замечаю ледяную блондинку в красном платье, висящую на руке Хантера Миллера. Не удивлен видеть его здесь. Его семья — старые деньги и является крупным спонсором школы.

— Не знаю, зачем им трахаться с этим. Она полный ноль в спальне, лежала подо мной, как дохлая рыба. Я думал, что трах с девственницей будет более захватывающим, но, наверное, это больше связано с тем, что она такая неудачница, и поэтому все было так плохо.

Вот тот, кого я могу ударить. Этот склизкий убудок...

— Это ирония, исходящая от парня, ради которого она снизила свои стандарты, — говорит Бек, двигаясь, чтобы загородить мне обзор и вставая перед лицом Хантера. — Что она сказала? О да, я помню — она просто хотела покончить с этим, поэтому выбрала тебя из толпы, и ты дал ей четырехминутное вступление в... неэкстази. Наверное, это не то, чем ты

хочешь хвастаться, Миллер.

Хантер краснеет и выплевывает:

— Что ты вообще здесь делаешь, Харт? Насколько я знаю, ты больше не в команде. Ты просто выброшенный, мясной качок, который идет, о, точно... в никуда. Ты должен стараться, чтобы остаться на уровне.

Тейт толкает меня в бок и тащит Бека назад, как раз когда тот заносит руку, чтобы замахнуться на парня, и бормочет:

— Не то место, чувак. Остынь.

Группа игроков и их спутниц столпилась рядом, как стая гиен, готовых наброситься на обедаки, если начнется драка, и одна из девушек тикает высоким писклявым смехом, от которого я хочу использовать электродрель в ухе, чтобы извлечь этот звук. Боже, я ненавижу этих гребанных людей.

— Вы все действительно трахаетесь с ней? Она отчаянное ничтожество. В смысле, вы видели, как она одевается?

Хочу вмешаться и заткнуть эту суку, когда ярость скапливается в моем животе, но Тейт меня опережает.

— Какое тебе дело, Пейсли? Уверен, что в прошлом году ты отсосала у всех нас. Если мне не изменяет память, ты завалила половину защитной линии на той вечеринке в братстве во время весенних каникул, не так ли? Разве не было видео? Вернее, было трудно сказать, ты на нем или нет, так как твое лицо было покрыто таким количеством спермы, что я могу ошибаться.

Девушка бледнеет и отступает дальше в толпу, чтобы убраться с линии огня. Это первый раз в этом году, когда Тейт ведет себя как дикий ублюдок, которым может быть, и сейчас мне это не нравится. Я не из тех, кто позорит шлюх, но, если ты собираешься это сделать, тебе лучше быть готовым принять ответ.

Мы все трое поворачиваемся, когда слышим смех Джуда позади нас. Он держит Сави за руку, которая снова смотрит на нас троих, а затем на толпу позади нас. Когда она замечает Хантера и его спутницу, ее пальцы сжимаются на руке Джуда, и он шепчет ей что-то, что заставляет ее слегка расслабиться. Я не могу перестать смотреть на ее небесно-голубые глаза, которые стали намного ярче, когда их не скрывают толстые очки. Прочищаю горло и подхожу ближе к ним.

— Эй, я, гм, извиняюсь за тот день, — говорю я ей. — Я вел себя как задница. У меня было плохое настроение, и мне очень жаль. — Она держит мой взгляд, но ничего не отвечает, и меня раздражает, что я не могу ее прочитать. — Ты выглядишь сегодня невероятно, Сави.

Эти голубые глаза ускользают от меня, как будто она мне не верит, и Бек делает попытку.

— Дорогая, от тебя в этом платье у меня дух захватывает.

Это, наконец, вызывает у нее реакцию, но не ту, на которую, как мне кажется, он рассчитывал. Крошечная фальшивая улыбка растягивает ее губы, когда она наклоняет голову к нему.

— Хм, ну, тогда, думаю, я снова промахнулась. Я хотела, чтобы было достаточно горячо. Он пытается извиниться, но официант прерывает его, и она слегка отворачивается от нас.

— Шампанского, мисс?

Она берет бокал, наполненный розовыми пузырьками, и улыбается официанту искренней улыбкой, которая заставляет меня затаить дыхание от того, насколько она действительно прекрасна.

— Боже, да! Спасибо.

Она кладет свою руку на его, чтобы удержать его на месте, пока она опрокидывает бокал и осушает его за один долгий глоток, ставит его обратно на поднос с еще одной улыбкой и берет новый, кивая, что он может идти. Тот факт, что ей нужно пить алкоголь, чтобы пережить эту ночь, свидетельствует о том, какие мы засранцы.

— Мы должны найти наш столик, куколка. Резиновый цыпленок ждет! — Джуд дразнится, но улыбка сползает с его лица. — Эй! Ты в порядке? — спрашивает он с ноткой беспокойства, заставляя мои глаза вернуться к ее лицу.

По нему пробегает гамма эмоций, когда она начинает моргать быстрее, а затем втягивает рваный воздух. Ее глаза начинают расширяться от страха, и я уже тянусь к ее руке, когда бокал с розовым шампанским проскальзывает сквозь ее пальцы и разбивается об пол. Ее рука подносится к горлу, паника заполняет ее лицо, и она начинает задыхаться. Другой рукой она цепляется за мою руку, которая потянулась за ней. Ее глаза задерживаются на моих, когда она начинает раскачиваться, и я понимаю, что она падает, поэтому я подбегаю ближе и ловлю ее, осторожно опуская на пол.

Джуд падает на колени рядом с нами, Тейт и Бек начинают кричать, но я их не слышу. Я смотрю в небесно-голубые глаза, полные ужаса и паники, когда она вцепилась в горло и делает ужасающие маленькие вдохи, пытаюсь втянуть воздух.

— Аллергия на...

— Звоните 911...

— Блять, я сверну тебе шею, если...

— Ничего не делал...

— Ее сумочка...

— ЭпиПен...

Где-то на задворках сознания я впитываю слова, которые кричат вокруг нас, но я не могу разорвать зрительный контакт с этой девушкой, которую я отверг как ничтожество. Не могу, потому что теперь я знаю ее другой и скоро потеряю ее. Потому что я вижу это. Я вижу момент, когда она сдается, перестает бороться. Ужас и паника отступают, и на их место приходит покорность, а затем сожаление. Ее рука разжимает свою смертельную хватку на моей руке и дрожащей рукой поднимается к моему лицу, чтобы нежно провести холодными пальцами по моим губам, а затем отстраниться, когда последние силы покидают ее. Ее губы посинели от недостатка кислорода, и я уже собираюсь наклониться, чтобы попытаться вдохнуть воздух в ее изголодавшиеся легкие, когда мое зрение загораживает голубой атлас и кринолин, когда Джуд задирает юбку и грубо колет эпинефрин в ее бедро.

Убираю юбку, чтобы открыть ее лицо, но ее уже нет. Ее глаза закатились, она лежит на моих руках, и все, что я могу сделать — упрашивать, но это больше похоже на молитву.

— Дыши, Сави, пожалуйста. Дыши.

Опускаю голову ближе к ее губам. Она не делает драматический вдох, как в кино, но я слышу его, слышу этот первый небольшой глоток воздуха, потом еще и еще, и мне хочется плакать от облегчения. Ее дыхание учащается, и я отстраняюсь, чтобы осмотреть ее лицо. Ее глаза открыты, но она не видит ни меня, ни чего-либо еще, поэтому я прижимаю ее ближе, засовывая ее голову в ложбинку на моей шее, и держу до тех пор, пока парамедики не

забирают ее у меня.

Я хочу рвать, кромсать, колоть и окрасить всю эту гребаную комнату в красный цвет, пока врачи скорой помощи увозят мою куколку. Они позволили только одному из нас поехать с ней в машине скорой помощи, и Тейт ворвался вперед, утверждая, что он ее парень. Все в порядке. Мы поедем за ними в больницу, как только я получу гребаные ответы, потому что кто-то в этой комнате заплатит.

Это произошло так чертовски быстро. В одну минуту она пила шампанское, как чемпионка, а в другую — вцепилась в горло, пока Эш держал ее в смертельной хватке. Слыша, как эта ядовитая дрянь смеется и говорит, что моя куколка похожа на жирную чернику, когда ее лицо посинело, я чуть не совершил убийство в костюме. Лучше бы я этого не делал, пятна крови трудно вывести с тонкой ткани, я пытался достаточно часто. Рука, которой я обхватил ее горло, была в нескольких секундах от того, чтобы перерезать его, но Бек оттащил меня и крикнул, чтобы я нашел сумочку Сави. Драгоценные секунды были потеряны из-за того, что она уронила ее и какой-то человек пнул сумочку под стол, пытаюсь получше рассмотреть травму моей девочки.

Поворачиваю голову, чтобы осмотреть толпу, а затем пол, где я чуть не потерял ее, и вижу лужу розово-красной жидкости и разбитое стекло. Эш все еще стоит на коленях, и я вижу, как дрожит его рука, когда он поднимает осколок стекла, чтобы посмотреть на него. Так не пойдет, мальчики из Винтер Хилл не стоят на коленях и не показывают слабость кружащим акулам, поэтому я щелкаю пальцами Беку, чтобы привлечь его внимание, и он помогает мне поднять Ашера на ноги. Мой товарищ по детству встряхивается, и его глаза проясняются, когда он смотрит на меня. Он рычит на меня, и я улавливаю в нем намек на старый район, который появляется только тогда, когда он очень зол.

— Что за хрень только что произошла?

— Я не понимаю. У нее аллергия на клубнику, но я не видел, чтобы она что-то ела. А ты? — спрашивает Бек, проводя обеими руками по волосам.

Протягиваю руку, беру у Эша разбитый кусок стекла и подношу его к носу, чтобы понюхать, но ничего не чувствую. Смотрю на ближайший столик и вижу множество бокалов, наполненных золотистой шипучкой, но ни в одном нет розового. Сжимаю пальцы вокруг осколка стекла, пока кровь не проступает сквозь них и не капает на мраморный пол.

— Это было шампанское, и это не было гребаной случайностью.

Глаза Эша сужаются на лужу, но Бек ловит проходящего мимо официанта и тащит его к нам.

— Кто из вас подавал розовое шампанское?

Официант пытается отпрянуть, но Бек больно сжимает большую руку на его плече и оскаливает зубы.

— Отвечай на вопрос. Кто подавал розовое шампанское?

Парень качает головой, его глаза мечутся из стороны в сторону в поисках помощи, но никто не сможет ему помочь, если он не даст нужные нам ответы.

— Никто! Мы подаем только дешевое дерьмо. Розовое шампанское слишком дорого, чтобы подавать его на таком мероприятии.

Бек рычит и крепко сжимает свою хватку.

— Хорошо, но как можно сделать дешевое дерьмо розовым с помощью клубники?

Парень делает такое лицо, будто мы сошли с ума, но все равно отвечает.

— Ну, не знаю, наверное, можно подмешать в него сок клубники. Послушайте, все, что я делаю, это несу поднос, который уже заполнен стаканами. Я не отвечаю за то, чтобы их разливать.

Бек отпускает парня и начинает сканировать то, что осталось от толпы. После того, как вызвали скорую помощь, мероприятие быстро закончилось.

— Это должна была быть сестра. Кто еще мог знать о ее аллергии? Должно быть, она заплатила кому-то, чтобы тот поднос подали Сави, верно? — пыхтит Бек.

Эш смотрит на него в недоумении.

— Ты думаешь, ее сестра пыталась ее убить? Правда?

Отбрасываю стакан, покрытый кровью, и достаю свой карманный платок, чтобы обернуть вокруг руки.

— Нет, она сделала это, чтобы унижить ее. Она знала, что Сави носит с собой эпинефрин. Это она сказала проверить ее сумочку, когда я угрожал свернуть ей шею. — Окинув комнату последним взглядом, замечаю, что тренер направляется в нашу сторону, поэтому я дергаю подбородком в сторону дверей. — Пойдемте. Тренер хочет поговорить с нами, а я не в том состоянии, чтобы иметь с ним дело.

Как один, мы поворачиваемся и уходим. Моя кожа зудит от желания быть с моей куколкой, убедиться, что с ней все в порядке.

— Она будет вялой, усталой, и в течение следующих нескольких дней может быть головокружение. Ее нельзя оставлять одну, пока она не придет в себя. Мы оставим ее здесь для наблюдения до утра, но она должна полностью восстановиться. Обязательно зайдите в аптеку. Я уже выслал рецепт для нее.

Уверенность доктора помогает, и с моих плеч спадает тяжесть. С ней все будет в порядке. Подношу ее слабую руку ко рту и прижимаюсь губами, затем аккуратно кладу ее на кровать рядом с ней и достаю телефон. Ее голубое платье и туфли на каблуках засунуты в пластиковый пакет, висящий на краю кровати, и она выглядит такой маленькой в больничном халате, в который ее одели. Набираю сообщение мальчикам и прошу их заскочить домой, чтобы принести ей несколько моих свитеров, которые она сможет надеть утром, когда мы заберем ее домой.

Провожу руками по волосам и изучаю ее спящее лицо. Она все еще кажется мне слишком бледной, а ее лицо слегка опухшее то ли от аллергической реакции, то ли от лекарства, которое ей дали, но она все равно прекрасна для меня. Как я все так испортил?

Я понятия не имел, что происходит, и сначала подумал, что Эш напал на нее, когда повалил на пол. Я просто стоял там, застыв как осел, пока Бек кричал об аллергии на клубнику и звонил в 911. Джуд угрожал насильем, пока не получил информацию о ее сумочке и лекарстве в ней. Эш просто держал ее, как будто она была самым хрупким куском хрустала.

Я должен был быть ее парнем, фальшивым или нет. Почему они знают о ней больше, чем я? Почему они заботятся о ней лучше, чем я? Что, блять, со мной не так?

— Т-Тейт? Где...

Мои взгляд переходит на ее смущенные, затуманенные глаза, и я снова беру ее за руку, встаю и наклоняюсь, чтобы убрать ее волосы с лица.

— Все хорошо, малышка. Я здесь. Ты в порядке, теперь ты в безопасности.

Она пытается сглотнуть и гримасничает, поэтому я беру чашку с водой, стоящую рядом с кроватью, и подношу соломинку к ее губам. Когда она делает несколько глотков, ее брови нахмуриваются.

— Что случилось? Эш, Эш был... — Ее голубые глаза расширяются, когда до нее начинает доходить. — Эш... он испугался? За меня?

Выдыхаю и целую ее в лоб.

— Мы все испугались, малышка. Ты напугала нас до смерти. Но теперь с тобой все в порядке. Все хорошо.

Ее растерянные глаза смотрят в мои еще несколько мгновений, и она шепчет:

— Джуд, где Джуд? — невнятным голосом, прежде чем они начинают опускаться и наконец закрываются. Я сажусь обратно на свое место и опускаю голову на руки. Черт.

Сави не успевает проснуться до того, как появляются парни. Когда они входят, Джуд даже не удостоивает меня взглядом. Он идет прямо к кровати, опускает боковые перила и забирается на нее, ложась на бок, чтобы притянуть ее к себе. Веки Сави трепещут, но не открываются, когда она сворачивается калачиком и сжимает в кулак его футболку, словно она была создана для того, чтобы находиться именно там. Укол зависти быстро сменяется острыми когтями ревности, которую я не имею права чувствовать. Из всех нас Джуд —

единственный, кто принял Сави с самого начала и никогда не говорил и не делал ничего, чтобы заставить ее чувствовать себя хуже. Он был первым, кто бросился за ней, так что она сейчас именно там, где должна быть. Я могу только надеяться, что она позволит мне попытаться стать тем мужчиной, которого она заслуживает.

— Я хочу домой. Пожалуйста, отвезёте меня домой? — спрашиваю я Джуда, когда он помогает мне надеть одежду, которую мне принесли.

Мое бедное, красивое платье, которое я носила всего несколько часов, было смято и засунуто в пластиковый пакет, когда персонал больницы снял его с меня.

— Да, куколка. В любую минуту они придут с документами на выписку, и мы заберем тебя к себе.

Качаю головой, но стону, когда мир кренился и вращается. Джуд опускает меня обратно на кровать, но держит руку вокруг меня, когда я качаюсь влево.

— Я не хочу ехать к вам. Мне нужна моя кровать, мой дом.

Он садится рядом со мной и целует меня в макушку.

— Ты не можешь быть одна несколько ближайших дней, куколка. Кто-то должен присматривать за тобой, пока ты не станешь устойчивее на ногах.

Надуваю губы и понимаю, что веду себя по-детски, но мне нужна моя маленькая студия, где я буду чувствовать себя в безопасности.

— У меня есть подруга, которая может остаться со мной. Стелла присмотрит за мной. Пожалуйста, Джуд, я просто хочу домой.

Чувствую, как крупные жирные слезы начинают катиться по моему лицу, и я ненавижу их, но не могу их остановить. После того, как у меня случается приступ, я всегда в полном беспорядке, но эта реакция была намного хуже, чем все предыдущие. Раньше такое случалось только дважды, но доктор сказал мне, что каждый раз, когда у меня случается приступ, он может становиться все более тяжелым, но в этот раз реакция произошла так быстро, это очень потрясло меня.

Джуд хмуро вытирает мои слезы и целует обе мои щеки.

— Хорошо, ангел. Мы отвезем тебя домой, но только если ты позволишь мне остаться. Пожалуйста, Сави, ты должна позволить мне позаботиться о тебе. Я чуть не сошёл с ума, когда ты упала. Мне нужно побыть с тобой хотя бы еще несколько дней.

Я слишком устала, чтобы спорить, поэтому я позволяю своей голове прижаться к его груди, когда мир снова кружится вокруг меня и становится черным.

— Что, черт возьми, здесь произошло? Вся улица перекрыта.

Раздраженный тон Тейта заставляет меня открыть глаза на заднем сиденье его машины. Тянусь вверх, поправляя очки, чтобы видеть происходящее, и чуть не выкальваю себе глаз, когда обнаруживаю, что их нет на моем лице.

— Спокойно, дорогая. Они у меня, специально для тебя.

Поднимаю глаза на Бека, к которому прижалась, и вздыхаю. Кажется, я не могу оторваться от этих парней. Он надевает мне очки, но очередная волна головокружения заставляет меня снова закрыть глаза, чтобы остановить вращение.

— Как дела, малышка? Проснись на секунду. Мне нужно узнать номер твоей квартиры, чтобы я мог забежать и собрать для тебя сумку.

Хнычу.

— Нет, Джуд сказал, что я могу пойти домой. Пожалуйста, отвези меня домой.

Рука Джуда накрывает мое лицо, и я понимаю, что это его рука, хотя мои глаза все еще закрыты из-за теплых колец на его пальцах, которые трутся о мою кожу.

— Знаю, что обещал, милая, но прошлой ночью в твоём здании произошла утечка газа, которая разрушила пару этажей. Я только что говорил с полицией. Все перекрыто, и они пускают людей только для того, чтобы забрать вещи. Скажи номер своей квартиры, куколка.

Кажется, я пробормотала номер, потому что дверь машины захлопнулась. Беккет укутывает меня своим теплом с корицей, и я думаю, что злюсь на него, но все равно прижимаюсь ближе к его теплу, потому что здесь так хорошо, так безопасно.

— Знаю, что ты злишься, Персик, и ты должна злиться на меня, но я собираюсь загладить свою вину, — говорит он мне, и я думаю, что сказала что-то вслух.

Дверь машины снова хлопает, встряхивая меня, но потом заводится двигатель, и гул шин по асфальту возвращает меня в сон.

Приоткрываю тяжелые веки и пытаюсь сосредоточиться, но я снова не надела очки, поэтому все расплывается. Мой разум проясняется, когда я перебираю свои воспоминания, и последнее, что я помню, — это ожидание выписки из больницы. Джуд сказал, что отвезет меня домой, но простыни, на которых я лежу, не мои. Переворачиваюсь, прищуриваю глаза и вижу пятно, похожее на очки, поэтому я протягиваю руку, беру их и надеваю. Судя по обстановке, я нахожусь в спальне Джуда. Определенно НЕ дома.

Сажусь, чувствую невероятную боль и недомогание и вижу на тумбочке стакан воды с двумя таблетками. Узнаю антигистаминные таблетки и понимаю, что должна их принять. Это не первое мое родео, просто самое тяжелое. Выпиваю воду, проглотив таблетки, и она с бульканьем попадает в мой пустой желудок. Время на часах ничего не значит для меня, пока я не выглядываю в окно и не вижу темноту. Ладно, семь вечера, но какой сейчас день? Выяснить это можно только одним способом, поэтому поднимаюсь на ноги и натягиваю на себя шорты и толстовку, но вынуждена опереться рукой на кровать, так как комната слегка качается. Кто-то поменял на мне одежду, и я хотела бы сказать, что мне не все равно, но нет. Мои волосы падают мне на лицо, когда я смотрю на одежду, поэтому я закручиваю их в пучок и направляюсь к двери.

Внизу слышен звук телевизора, поэтому я направляюсь туда, держась за перила, когда наступает небольшое головокружение. Наверное, я подняла шум, потому что внизу лестницы показывается Эш с обеспокоенным выражением лица.

— Эй! Тебе пока не стоит вставать на ноги. Доктор сказал, никаких самостоятельных лестниц по крайней мере несколько дней.

Полностью игнорирую его, потому что... потому что он мудака, верно, и соскальзываю на следующую ступеньку.

— Черт возьми, Сави!

А потом он топает вверх по лестнице и сбивает меня с ног, подхватывая на руки, что совсем не помогает легкому головокружению.

— Ты могла упасть и сломать себе шею. Ты должна была позвать одного из нас.

Закатываю глаза в его сторону и смотрю на него поверх очков.

— Ну, это бы не решило твою проблему «она в моем пространстве», — саркастически бормочу я.

Он глубоко вздыхает, и это взъерошивает торчащие волосы, которые не успели собраться в мой небрежный пучок.

Эш поворачивается к дивану, но я качаю головой и стону:

— Нет. Еды, пожалуйста. Слишком много химии на пустой желудок. Меня подташнивает.

Он меняет направление и усаживает меня на один из табуретов с высокой спинкой у стойки. Его теплые руки ложатся на мои голые бедра и слегка потирают их, пока он с беспокойством смотрит мне в глаза. Моя кожа теплеет под его руками, и у меня перед глазами встают воспоминания о его испуганных глазах, смотрящих на меня, когда я задыхалась, и я ничего не могу с собой поделать, я должна спросить.

— Почему тебя это волновало? Я помню. Ты выглядел таким испуганным. Почему? Я тебе не нравлюсь, Эш, так почему?

Его руки все еще на моих ногах, а его изумрудные глаза на мгновение становятся напряженными, но потом он отстраняется.

— Как насчет тостов и яиц? Лучше начать с простой еды, пока мы не убедимся, что твой желудок справится с этим.

Поворачиваю табурет лицом к островку и опираюсь подбородком на руку, все еще слишком уставшая, чтобы долго сидеть прямо. Я никогда не смогу понять этого человека, поэтому я просто смотрю, как он делает яичницу и намазывает маслом тосты. Жду, пока он поставит передо мной тарелку и подаст мне вилку, прежде чем заговорить.

— Почему я здесь? Я помню, Джуд сказал, что отвезет меня домой. — Оглядываюсь на гостиную и хмурюсь. — Где он? Где все остальные?

Эш поворачивается ко мне спиной, чтобы помыть сковороду, которую только что использовал.

— У них сегодня игра. Это не то, что они могут пропустить, даже ради тебя, Сави.

Хмурюсь, откусывая кусочек тоста.

— Я никогда не просила их пропускать что-то ради меня, но это не отвечает на мой первый вопрос. Почему я здесь? Почему вы не отвезли меня домой?

Он снова вздыхает, откладывает сковороду в сторону и поворачивается ко мне лицом со взглядом, который я не могу расшифровать.

— Мы пытались. Была проблема с твоей квартирой, и мы не смогли отвезти тебя туда.

Проглатываю кусочек яичницы, нахмурившись.

— Что за проблема?

Он проводит пальцем по губам, нахмурился брови.

— В твоём здании произошла утечка газа. Это... это вызвало взрыв и разрушило несколько этажей... включая твой. Прости, Сави, от твоего дома ничего не осталось.

Все, что я могу сделать, это тупо моргать на него. Я даже не могу осознать, что это значит, поэтому я пытаюсь понять, спрашивая:

— Моя студия? Она... исчезла? Все мои... вещи исчезли?

Он медленно кивает, и я смотрю вниз, на себя, одетую в чужую одежду, потому что у меня больше нет своей. Я говорю себе, что это просто вещи, просто место, где я жила, и я легко смогу все это заменить, но... горячие слезы наполняют мои глаза и капают на яйца. Эта студия была первым местом, где я чувствовала себя как дома после смерти отца. Она была... моей. Мне не нужно было иметь дело с Селестой и Ванессой. Я могла просто быть собой, меня окружали мои вещи. Там я была... в безопасности, а теперь это исчезло.

— Чувак, тренер надерет задницу Джуда. Он написал мне четыре смс за первую половину... — Бек заходит в комнату из подвала и заикается, когда видит меня. Опускаю взгляд в свою тарелку, но чувствую, как его глаза прожигают мое лицо, а затем он двигается.

— А, черт. Ты сказал ей?

Он подходит ко мне и поворачивает табурет к себе, а затем приподнимает мой

подбородок, так что я вынуждена смотреть на него. В его серебристых глазах столько сострадания и... жалости, что у меня вырывается небольшой всхлип.

— Нет, нет, нет, не плачь, Персик. Все хорошо, все будет хорошо. — Говорит он и притягивает меня к себе, мое лицо оказывается у него на груди. Бек разговаривает с Эшем через мою голову.

— Ты должен был, блять, подождать, чтобы сказать ей. Ей сейчас не нужен такой стресс.

— А что я должен был сделать? Она спросила. Хотела знать, почему мы не отвезли ее домой. — Эш огрызается.

Отталкиваюсь от Бека и возвращаюсь к еде, но аппетит давно пропал. Отодвигаю тарелку и смахиваю слезы с лица рукавом.

— Спасибо, что приготовил для меня. Думаю, мне нужно ненадолго прилечь.

— Эй, да ладно, ты почти ничего не съела. Попробуй доесть хотя бы тост. Это поможет тебе почувствовать себя лучше. — приказывает Эш.

У меня нет сил не согласиться, поэтому я давлюсь половиной ломтика, но мой желудок теперь выворачивает, поэтому я качаю головой и сползаю с табурета.

Беккет уже рядом, кладет руку мне на спину, чтобы поддержать меня.

— Ты спала весь день. Почему бы тебе не полежать немного на диване? Постарайся не заснуть, а то будешь бодрствовать всю ночь.

Позволяю ему провести меня к дивану и устроить, но я дрожу, когда мои голые ноги приземляются на холодную кожу. Секунды спустя он натягивает на меня одеяло, а затем устраивается рядом со мной и достает пульт.

— Хочешь посмотреть, как Джуд и Тейт потерпят поражение?

Он задает этот вопрос с усмешкой, но я теряюсь в мыслях о том, что я бездомная. Ну, во всяком случае, местная бездомная. Мне нужно как можно скорее найти другое жилье. Не могу поверить, что моя квартира взорвалась. Эта мысль заставляет меня втянуть воздух с беспокойством и крепко схватить Бека за руку.

— Подожди, там был взрыв? Пожар? Кто-нибудь пострадал? Эш сказал, что два этажа были разрушены! Кто-нибудь пострадал?

Он морщится, говоря мне все, что мне нужно знать, но я все равно спрашиваю.

— Кто-нибудь... умер?

— Прости, милая, два человека на этаж ниже твоей квартиры погибли. Были и другие пострадавшие, но я не знаю всех подробностей. Тебе очень повезло, что тебя там не было, Сави.

Отдергиваю руку и борюсь со слезами скорби по этим бедным людям, когда Эш выкрикивает проклятие.

Перевожу взгляд на него, а затем на телевизор, в который он смотрит, когда куча футболистов распутывает себя, чтобы показать Джуда в самом низу. Камера приближается, и несмотря на то, что он в шлеме, я вижу безумный гнев в его глазах.

— Он беспокоится о тебе, Персик. Его голова не занята игрой, — объясняет Бек.

Опускаю глаза на счет в углу экрана и вздрагиваю от того, насколько серьезно проигрывает наша команда. Возможно, я не смогу помочь бедным жертвам из моего здания, но я могу немного помочь Джуду. Время подходит к перерыву, и я вижу, как он бросает шлем, чем вызывает рев тренерского штаба.

— Ты сказал, что он писал тебе? Во время игры?

Бек качает головой с гримасой.

— Да, за это он будет отстранен, если его поймают.

Откидываю голову назад на диван, когда усталость наваливается на меня.

— Могу я воспользоваться твоим телефоном, пожалуйста?

Небольшая ухмылка появляется на его губах, когда он открывает его и передает мне.

Открываю приложение для обмена сообщениями и поднимаю телефон, чтобы сделать селфи. Заставляю свои опущенные глаза раскрыться и поднимаю одну бровь в немного строгом выражении, хотя выгляжу просто катастрофой, а затем делаю снимок.

Привет, чудак.

Смотрю твою игру по телевизору.

Если ты собираешься играть в пользу другой команды, не стоит ли тебе сменить майку?

Нажимаю "отправить", возвращаю Беку его телефон и отворачиваюсь к телевизору. Один из тренеров хватается за майку Джуда и вытаскивает его из очереди игроков, направляющихся в раздевалку. Он заставляет его согнуться над чем-то, а затем Джуд поворачивается с привычной ухмылкой и осматривает поле, пока не находит камеру, направленную на него. Он делает рукой движение, напоминающее выстрел из пистолета, драматично хватается за сердце, а затем подмигивает. Смотрю, как он трусцой убегает с поля и теплое сияние наполняет меня.

Кроме моего отца, никто никогда не заботился обо мне настолько, чтобы это так на них влияло. Еще глубже закутываюсь в одеяло и в итоге скольжу по коже дивана, пока не прижимаюсь к Беку. Пытаюсь отстраниться, но он поднимает руку и прижимает меня к себе.

— Прости меня за то, что я сказал в тот день, Сави. Это было дерьмово, и, честно говоря, я не хотел этого. Иногда проще быть мудаком, чем признаться в чем-то, что заставляет тебя чувствовать себя... уязвимым. В чем-то, что может причинить тебе боль.

Прислоняюсь к нему и смотрю в сторону Ашера, сидящего в кресле. Его взгляд скользит от рекламы по телевизору ко мне. Я понимаю, о чем говорит Бек, на своем уровне. Мне проще одеть парик и спрятаться за маской. Отказываться показать Ашеру себя настоящую, потому что я также боюсь открыться и пострадать. Это вроде как одно и то же.

Взгляд Эша все еще прикован к моему, поэтому я вижу небольшой наклон его головы и понимаю, что он согласен с тем, что только что сказал Бек, и, возможно, может чувствовать то же самое.

Мой мозг все еще слишком устал и затуманен, чтобы осмыслить все это прямо сейчас, поэтому я просто киваю и прижимаюсь головой к его груди. Он заправляет за ухо клочок моих свисающих волос, которые я пропустила, когда завязывала резинку, а затем просто сидит со мной, держа меня за руку, пока игра не начинается снова.

Вторая половина игры лучше, чем первая, и наша команда вырывает победу с перевесом в три очка. Я готова вернуться в постель и с удовольствием приняла бы душ, но это напомнило мне, что у меня... ничего нет. Ни туалетных принадлежностей, ни одежды, ничего. Бек снова одалживает мне свой телефон, потому что я понятия не имею, где может быть мой, и я заказываю на Amazon доставку на следующий день, покупая самое необходимое на ближайшие несколько дней. Мне доставят их сюда, но мне нужно найти отель недалеко от кампуса, чтобы поселиться в нем, пока я не найду другую квартиру.

Знаю, что Стелла будет настаивать на том, чтобы я жила у нее, но это слишком далеко от университета с ее пробками. Кроме того, отель будет только на несколько дней.

Максимум на неделю. Бек смотрит вниз, видит, что я ищу отели рядом с кампусом, и выхватывает телефон из моих рук. Он нежно целует меня в волосы и шепчет,
— Не беспокойся об этом сейчас. Завтра мы все уладим.

Я никогда не чувствовал этого... зуда... раньше. Зуд быть с кем-то, с женщиной. Каким-то образом моя куколка залезла мне под кожу и подожгла ее, затопив мой разум, пока мысли о ней не поглотили меня. Это чертовски странно. Девушки — это весело, мне нравится играть с ними и трахать их, но как только мы заканчиваем, я рад, что они идут своей дорогой.

Просто в Сави есть что-то такое, что цепляет меня. Она самодостаточна. Как будто есть целая комната людей, но она стоит одна, посреди них и позволяет всем просто течь вокруг нее. Она не пытается зацепиться за толпу или вклиниться в нее. У Сави есть этот щит вокруг нее, за которым она стоит, наблюдая и наблюдая, и кажется, что она совершенно не против быть одна. Она как остров сама по себе. Это как бы манит меня. Я хочу быть островом вместе с ней.

Всю свою жизнь я был окружен людьми. Выходец из такой большой семьи с семью братьями и сестрами, бесчисленными тетями, дядями и кузенами, я всегда чувствовал, что должен бороться за любую кроху внимания или привязанности, которую кто-то бросит в мою сторону. И вот эта девушка смотрит на меня, сосредотачивается на мне и действительно видит меня. Думаю, она видит, что скрывается за маской, которую я напускаю на себя ради стольких людей, эту борьбу, которой я живу, за внимание и привязанность. Не знаю почему, но я хочу, чтобы она продолжала смотреть, чтобы она увидела глубже.

Я благодарен, что поездка домой была короткой и не была ночной, как после некоторых из наших выездных игр. Мне не хотелось оставлять ее так скоро после ее выхода из больницы. Из-за мыслей, что она ждет меня в моей постели, вся теплая и мягкая, мой член был твердым весь полет и дорогу домой. Знаю, что она не готова к этому, даже если бы она не была больна, но это не меняет того, как сильно я хочу вытряхнуть ее из этой убогой одежды, чтобы добраться до сочных изгибов, которые она прячет под ней.

Почти не обращаю внимания на пожелание Тейта спокойной ночи, когда взбегаю по лестнице, чтобы добраться до нее. Останавливаюсь, войдя в свою спальню, и с ухмылкой прислушиваюсь к ее тихому дыханию, а затем снимаю с себя одежду. Мои большие пальцы впиваются в боксеры, но я останавливаюсь и оставляю их на себе. Нет смысла пугать мою куколку... пока. Та игра в выпивку, которая потерпела крушение, дала мне понять, какая она невинная, и у меня будет много времени, чтобы испортить мою девочку, когда она встанет на ноги и будет чувствовать себя более комфортно со мной.

Скользю по прохладным простыням и прижимаюсь к ее теплой спине, переплетаю свои ноги с ее и утыкаюсь носом в густые волосы, слабо пахнущие персиками. Сави извивается, когда моя прохладная кожа встречается с ее теплом, и ее шепот еще сонный.

— Джуд? Ты вернулся?

— Скучал по тебе, куколка. Как ты себя чувствуешь?

Она тянется ко мне, потираясь круглой попкой, которую я отчаянно хочу укусить, о мой твердый член, и она замирает, когда чувствует его. Проникаю пальцами под ее футболку и провожу маленькие круги по ее животу.

— Л-лучше. Еда помогла мне немного проветрить голову.

Слышу нервозность в ее голосе от моих прикосновений и прикусываю губу, чтобы сдержать улыбку. Я знаю, что она провела ночь в постелях Тейта и Бека, но я почти уверен,

что ничего не произошло, а если и произошло, то это было что-то незначительное. Не думаю, что буду против того, чтобы поделиться своей куклой с остальными, если они согласятся, но я хочу быть тем, кто подарит ей все те первые ощущения, которые она упустила.

Стону ей в шею, думая обо всем, чему собираюсь научить ее, показать ей, и это заставляет меня хотеть, чтобы она была еще ближе, поэтому я переворачиваю ее и укладываю сверху на себя, ее ноги между моими. Ее длинные волосы падают на меня, как занавес, и я вижу ее глаза без очков, большие и широкие. Потираю ее нос своим.

— Мне нравится, что ты в моей постели, когда я прихожу домой, малышка.

Одна из ее рук поднимается и неуверенно приглаживает мои волосы назад, а ее голос едва слышно шепчет.

— Мне нравится быть в твоей постели, когда ты приходишь домой.

Стону от того, как чертовски совершенна эта девушка, блуждая руками по ее спине под футболкой. Ее кожа на ощупь как теплый шелк, и это заставляет меня задуматься, почему я никогда раньше не находил времени на такие прикосновения. Секс всегда был чем-то быстрым, жестким, продиктованным похотью. Мне никогда не хотелось просто медленно провести руками, ощутить все женские изгибы, но с моей куколкой я хочу всего этого. Касаюсь своими губами ее губ в медленном, сладком танце, когда чувствую, как по ней пробегает дрожь от моих рук на ее спине. Хочу гладить ее, наращивать ее возбуждение, пока она не начнет умолять от потребности во мне. А потом я хочу разрушить ее для любого другого мужчины, кроме меня.

Опускаю руки к впадине ее спины, скольжу под боксеры, которые она носит, и глажу ее попку, а затем прижимаю ее холмики ближе к себе, чтобы мой твердый член вонзился в нее. Сави вздыхает, и я пользуюсь этим, чтобы провести языком между ее губ и прижаться к ее губам. Она такая чертовски милая, что мне приходится заставлять себя не перевернуть ее на спину и не ворваться в нее. Я просто продолжаю гладить ее руками и языком, пока она не издаст маленькие кошачьи звуки, которые заставляют мою голову кружиться от животной потребности, поэтому я снимаю ее с себя и прижимаюсь сбоку.

— Тебе нужно отдохнуть, малышка. Ты еще не полностью восстановилась. Спи, куколка.

— Со мной все в порядке. Нам не нужно останавливаться, — говорит она с легким хныканьем в голосе, заставляя меня усмехнуться, прежде чем поцеловать ее волосы.

— Нет, я хочу, чтобы ты была в полном здравии, прежде чем я заставлю тебя выкрикивать мое имя. Спи, куколка. Я буду здесь, когда ты проснешься.

Проходит совсем немного времени, и ее дыхание выравнивается, давая мне понять, что ей действительно нужно отдохнуть. Она спит в моих объятиях, такая мягкая, такая сладкая то, чего я никогда не чувствовал раньше, вызывает теплое свечение в моей груди. Это яростная потребность держать, защищать, владеть ею, и мне требуется всего несколько мгновений, чтобы переварить это и обнять ее. Она, блять, моя. Я защищу ее.

Лежа здесь в темноте и слушая дыхание Сави, я начинаю думать о том, кто мог сделать это с моей девочкой и как я собираюсь испортить жизнь этой пизде, ее сестре, которая посмела обидеть того, кто принадлежит мне.

Солнце разбудило меня, и я застонал, разминая затекшие мышцы. Все болит от побоев после вчерашней игры. Первый тайм был жестоким и напомнил, почему не нужно, чтобы женщины, морочили мне голову. Когда Джуд показал мне сообщения Сави в перерыве, во мне словно щелкнул выключатель, и я снова смог делать свою гребаную работу на поле. Как бы я ни ненавидел этого ублюдка, мой отец был прав насчет отвлечения внимания.

Переворачиваюсь, беру свой телефон из зарядного устройства и стискиваю зубы от количества сообщений от отца. Я уже слышу, какое дерьмо он собирается вылить на меня за плохую игру. Закрываю все уведомления, не в настроении разбираться с ним, пока не проснусь, не выпью кофе и не позанимаюсь.

Нахожу Джуда на кухне, поющего "Wannabe" группы Spice Girls визгливым фальцетом, пока он наполняет две тарелки завтраком. Когда я пытаюсь обойти его, чтобы добраться до кофе, он увеличивает громкость и пытается пихнуть мое бедро, заставляя меня оттолкнуть его, но это немного разгоняет темные тучи над моей головой.

— Отвали, или я перегну тебя через стойку и заставлю правильно брать ноты.

Он возвращается к своим тарелкам с широкой ухмылкой и подмигиванием.

— Ты, блять, хотел бы поиметь мою задницу, Ти Дог. Жаль, что теперь она принадлежит Сави.

На меня снова накатывает темнота, и я швыряю кружку на стойку, наливая в нее кофе. Черт! Мне нужно выкинуть ее из головы, но зная, что Джуд претендует на то, что было моим, фальшивым или нет, мне хочется ударить его ухмыляющееся лицо. Отвлечение или нет, но мне нужно знать, как она себя чувствует.

— Как она? Эш сказал, что вчера вечером она спустилась, но все еще была слаба.

Он поворачивается и прислоняется к стойке с мечтательным выражением лица.

— Как теплое, шелковистое масло под моими пальцами, вот как.

Моя челюсть сжимается, он замечает это и смеется.

— Ага, значит, ты знаешь, как она ощущается. Я знаю, что ты не трахал ее, так что же ты делал с ней, когда она была в твоей постели?

Хочу стереть эту довольную ухмылку с его лица, поэтому я улыбаюсь и говорю.

— Скажем так, она заставит твой член плакать, когда ее тугая киска зажмет твои пальцы, пока она кончает.

Мои слова произвели эффект, обратный желаемому мной, потому что его ухмылка только увеличилась.

— Хорошо! Спасибо, буду знать, чего ожидать, когда она сделает это на моем языке.

С рычанием выливаю кофе в раковину и топаю мимо него обратно к лестнице, его смех преследует меня. Мне нужно поработать гантелями и очистить голову от всех мыслей о девушке, которая больше не моя. Иду прямо в свободную комнату, где у нас оборудован тренажерный зал, и ругаюсь, когда обнаруживаю, что он полностью вычищен. Черт! Черт, я забыл, что они собирались перенести все в подвал.

Когда мы пошли за сумкой Сави в ее квартиру и обнаружили, что ее больше нет, все решили, что мы должны присматривать за ней, а она должна пожить у нас, пока не найдет себе другое жилье. Даже Эш быстро согласился поселить ее в свободной комнате после всего, через что она прошла. Теперь, все, о чем я могу думать, это о том, как меня будет

задевать ее постоянное присутствие здесь, и это заставляет меня выйти из пустой комнаты и направиться к Джуду. Я не могу позволить какой-то девчонке спутать мои мысли. Мне нужно сосредоточиться. Мне нужно...

Ее волосы, эта шелковистая шоколадная масса, до которой я так и не дотянулся руками, разметались по подушке Джуда. Когда она спит, ее кожа нежно-розового цвета, и это заставляет меня вспомнить, какой бледной она лежала на больничной койке. Без разрешения мои ноги пересекают комнату, и все мысли о том, чтобы вытолкнуть ее из моей головы, исчезают, я оказываюсь рядом с кроватью, и моя рука тянется к ней, чтобы убрать волосы с ее лица. Ее мягкие розовые губы раздвигаются, когда она вздыхает во сне. Присаживаюсь на край кровати рядом с ней, и ее ресницы распахиваются, открывая сонные небесно-голубые глаза.

Мне приходится заставить свои руки не тянуться к ней, не брать ее на руки и не нести в свою кровать, где ей самое место, пока она моргает, глядя на меня. Вместо этого провожу костяшками пальцев по ее щеке.

— Доброе утро, малышка. Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я, мой голос низкий и мягкий, словно я боюсь спугнуть ее.

Она потягивается, и мой взгляд падает на то, как футболка обтягивает ее грудь, отчего у меня пересыхает во рту.

— Лучше. Где Джуд? — спрашивает она, и я отдергиваю руку от ее лица, напоминая себе — она не моя, чтобы прикасаться к ней вот так.

— Готовит тебе завтрак, вернется через минуту.

Она не сводит с меня глаз, и я вижу в них настороженность. В последний раз мы разговаривали до того, как у нее случилась аллергическая реакция, и я снова все испортил.

— Мне жаль, Сави. Мне жаль, что ты пострадала на вечеринке, и мне жаль, что я обидел тебя своим дерьмом. Похоже, я продолжаю все портить с тобой. Я больше не хочу этого делать.

Ее глаза смягчаются, и она тянется к моей руке, слегка сжимая ее.

— Я не хочу ссориться с тобой, Тейт, но я также не хочу больше устраивать шоу.

Поднимаю ее руку, разжимаю пальцы и целую ее ладонь.

— Я тоже этого не хочу. Это нечестно по отношению к тебе. Мне жаль, что я поставил тебя в такое положение. Я понимаю, что ты теперь с Джудом. Я просто хотел бы...

Она нахмуривает брови и отводит взгляд от меня.

— Я не знаю...

— Эй, соседка! Я принес тебе завтрак в постель! — восклицает Джуд, входя с двумя тарелками, наполненными едой. Сави вырывает свою руку из моей и поднимается на кровати, опираясь на подушки, а затем начинает оглядываться вокруг, словно пытаюсь что-то найти, с хмурым выражением лица.

Беру с тумбочки ее очки и протягиваю ей. Как только они скрывают ее великолепные глаза, ее руки поднимаются, собирая все эти волосы, и она начинает закручивать их в пучок, который она всегда носит. Наблюдая за ее действиями, догадываюсь, что это ее щит. Она прячет себя за очками и пучком, как будто это защищает ее от всего мира. Сави бросает на меня еще один настороженный взгляд, а затем с небольшой улыбкой обращает свое внимание на Джуда.

— Спасибо, тебе не нужно было этого делать. Я уйду, как только доставят мои посылки с одеждой. Рядом с кампусом есть приличный отель, в котором я планирую поселиться, пока

не найду другую квартиру.

Джуд ставит тарелки на тумбочку и запрыгивает на кровать, наполовину плюхаясь ей на колени.

— Нет, не поселишься! Ты останешься здесь с нами.

Сави напрягается и бросает взгляд в мою сторону.

— Эм, это невероятно щедро с вашей стороны, но... я... нам всем нужно личное пространство, Джуд. Отель — лучший выбор.

Кажется, не имеет значения, что всего несколько минут назад я хотел, чтобы она ушла, слова просто льются потоком.

— Мы освободили для тебя комнату, — говорю я.

— И уже заказали кровать, — вклинивается Джуд, — хотя мне нравится видеть тебя здесь, так что, возможно, она будет использоваться не так часто.

Она продолжает качать головой.

— Правда, спасибо, но Эш не хочет, чтобы я была здесь. Оставаться здесь круглосуточно нечестно по отношению к нему. Это его дом. Он не должен...

Джуд прерывает ее.

— Как ты думаешь, кто перетащил большую часть тренажеров в подвал? Они с Беком все убрали, пока мы с Тейтом были на игре. — Он ползет по ее телу, останавливаясь нос к носу, а я стою, чувствуя себя незваным гостем. — Оставайся со мной, с нами, куколка. Ты не пожалеешь об этом.

Начинаю отступать к двери.

— Правда, Сави, мы хотим, чтобы ты осталась. Для этого и нужны... друзья. Увидимся позже.

Вырываюсь оттуда, когда Джуд начинает целовать все возражения, и направляюсь в подвал, чтобы наказать свое тело. Это единственное, что я могу сейчас сделать, в очередной попытке выкинуть ее из головы.

— Вы не находили мой телефон? Он был в моей сумочке на ужине. — спрашиваю я Джуда, как только мы заканчиваем есть странный завтрак из тостов, бекона и остатков тайской лапши.

Он скатывается с кровати, забирая мою тарелку, а затем идет через всю комнату к своему шкафу и возвращается с маленькой синей сумочкой, которой я пользовалась той ночью.

— Надеюсь, ты не против. Телефон разрывался, когда ты была в отключке. Твоя подруга Стелла услышала в новостях о случившемся с квартирой, и была вне себя, поэтому я отправил ей сообщение с твоего телефона. Просто сообщил ей, что ты в порядке, и рассказал о том, что произошло. Она просила передать, чтобы ты не волновалась о своих сменах на этой неделе, она найдет кого-нибудь тебя подменить.

Моя рука замирает, когда я беру свою сумочку, но он не замечает моей нерешительности и продолжает.

— Я знаю, что ты работаешь в библиотеке, но какая вторая работа, куколка?

Уклоняюсь от его вопроса со стоном.

— О нет! Мне нужно заменить все для университета, а также все мои другие вещи. Нужно написать моим профессорам и сообщить им, что некоторые из моих работ будут сданы с опозданием. По крайней мере, большинство из них находится в облаке, так что мне не придется начинать все с нуля. Такой беспорядок.

Меня захлестывает чувство вины за то, что я солгала ему, даже если это было умолчание о работе в клубе. Все это слишком ново, что бы это ни было с ним, и я еще не готова поделиться своей другой жизнью бабочки. Джуд кладет голову мне на колени, пока я листаю свой телефон, просматривая все, что я пропустила за последние два дня, пока была в отключке.

— Я уверен, что страховка здания покроет это, но может потребоваться некоторое время, пока она поступит. А пока, я могу купить все, что тебе нужно, куколка.

Мой телефон опускается в сторону, чтобы я могла видеть его лицо, и я просто смотрю на этого милого, милого человека.

— Тебе нужно подвинуться, чтобы я могла поцеловать тебя, — говорю я ему мягким голосом.

Его брови взлетают вверх, на лице появляется ухмылка, а затем меня сдергивают с подушек, так что я лежу плашмя, а он устраивается надо мной. Боже, его золотые глаза... Мягко касаюсь его губ своими.

— Тебе не нужно ничего мне покупать, Джуд. У меня есть свои деньги, но спасибо тебе. Это очень мило с твоей стороны, и спасибо, что позволил мне остаться здесь.

Целую его снова, а потом еще раз, на этот раз глубже — пока не чувствую, как он прижимается к моей ноге. В животе начинает трепетать, а между ног зарождается слабая боль, поэтому я целую его еще глубже и позволяю нашим языкам переплестись. Когда Джуд отстраняется, разрывая поцелуй, на меня смотрит совсем другой мужчина. Он напряжен, и из его выражения исчезла вся веселость и слащавость.

Его пальцы впиваются в мою талию.

— Я хочу попробовать тебя на вкус, куколка. Отчаянно хочу увидеть тебя голой,

раскрытой для моих глаз и рта. Хочу знать, как каждая часть тебя ощущается на моем языке. Хочу ощутить твой вкус на моих губах. Хочу, чтобы ты потеряла сознание и извивалась подо мной, пока не попросишь остановиться. Куколка, отдайся мне.

Практически задыхаюсь от его эротических слов и знаю, что боксеры, которые на мне, стали влажными. Тяжело сглатываю, бросаю взгляд на дверь и, увидев, что Тейт закрыл ее, уходя, поворачиваюсь к Джуду и прижимаюсь губами к его губам, давая ему разрешение взять все в свои руки. Он снимает мои очки и бросает их на кровать, а затем щиплет, сосет и облизывает мой рот, пока его руки бегают вверх и вниз по моему телу. Ощущения от контакта захлестывают меня, и я хочу еще, мне нужно еще... Хватаю подол футболки и поднимаю ее над головой, обнажая себя перед ним, без слов прося его прикоснуться ко мне. Понятия не имею, где мой лифчик, поэтому он все видит, и мне все равно. Любые мысли о стеснении, которые у меня могли бы быть, смываются выражением желания на его лице, когда его горячие глаза фокусируются на моей груди, и почти животным стоном, который он издает.

— Черт, ты совершенна.

Затем мои глаза закатываются, когда его язык проводит по одному из моих напрягшихся сосков, а его губы цепляют и нежно тянут его. Его руки обхватывают мои сиськи и сжимают их, а он проводит ртом по моей груди, чтобы подразнить другой напрягшийся сосок. Я хнычу и задыхаюсь от нахлынувших на меня ощущений. Это что-то новое, то, чего со мной никогда раньше не делали. Хантер и Тейт почти не касались моей груди, поэтому я не знала, насколько чувствительными они будут, когда Джуд будет лакомиться ими. В моей душе все начинает сжиматься, и мои ногти впиваются в его плечи. Выгибаю спину, заставляя его сосать мой сосок еще сильнее, втягивать его глубже в рот, когда волна удовольствия, которого я не ожидала, обрушивается на меня. Мои бедра смыкаются на его ноге, пульс за пульсом прокатывается по мне. Джуд стонет и прижимается ко мне губами.

— Трахни меня, я только что заставил тебя кончить, не так ли? — Он спрашивает, но я не могу подобрать слова для ответа. Все, что я могу сделать, это задыхаться, поэтому он отстраняется и садится между моих ног. — Черт возьми! Фамилия Эвер, имя Величайший.

У меня все еще кружится голова от оргазма, пока он рассматривает каждый дюйм моей обнаженной груди. Он облизывает губы и качает головой с голодным выражением лица.

— Черт возьми, куколка. Первый оргазм, который я тебе подарил, должен был быть на моем языке.

Он ласкает ладонями мои голые бедра и медленно проводит ими вверх по моим ногам, пока не ухватывается за боксеры, его голос становится густым и хриплым.

— Мне нужно попробовать тебя на вкус, так что тебе придется сделать это еще раз.

Он срывает боксеры с моих ног и отбрасывает их в сторону, а затем раздвигает мои колени, полностью обнажая меня. Некоторые наряды, которые я ношу в клубе, довольно близко подходят к линии бикини, поэтому я делаю лазерную эпиляцию. Я нервничаю из-за того, что так открыта с ним, и часть меня хочет закрыть ноги, но то, как он прикусил губу, и взгляд поклонения, который я вижу, заставляет меня быть достаточно храброй, чтобы не бороться за то, чтобы закрыть их.

Его пальцы скользят по моей внутренней стороне бедра, пока он не проводит тыльной стороной по моему обнаженному бугорку, заставляя меня трепетать.

— Это самая красивая розовая киска, которую я когда-либо видел, детка. Я не могу дождаться, чтобы трахнуть ее.

Мои ноги напряглись под его руками, заставив его поднять взгляд, и его глаза смягчились.

— Нет, детка, мы еще не дошли до этого. Сначала мне нужно растянуть тебя. Не волнуйся, я знаю все чит-коды.

Он опускается ниже и проводит языком по моим влажным складочкам, вызывая такой сильный толчок похоти, что моя спина поднимается с кровати по дуге. Его язык делает такие вещи, заставляет меня чувствовать то, что я никогда не считала возможным. Он превращает меня в животное, и я бьюсь о его рот, желая большего. Мои пальцы проникают в его белокурые волосы и тянут за них, а стоны одобрения, которые он издает, только подбадривают меня. Его язык, как оружие массового поражения, переходит от кругов вокруг моего клитора к проникновению в меня, и он трахает меня им неглубоко, его руки под моей задницей поднимают и наклоняют меня, чтобы он мог войти как можно глубже.

Он отстраняется, но затем его пальцы проводят по моей влажной коже, прежде чем один погружается глубоко внутрь.

— Так чертовски туго, куколка. Такая горячая и мокрая. Твоя киска задушит мой член, детка. Но как же, блять, хорошо кончить, задохнувшись и утонув в меду.

Он трахает меня пальцем, потом добавляет еще один, и я чувствую жжение от растяжения, но его рот снова опускается на мою чувствительную плоть, и тогда я чувствую только экстаз. Это время похоже на изысканную пытку, я чувствую, как волна нарастает, готовясь обрушиться. Она нарастает и нарастает, и я впиваюсь ногтями в его плечи, выкрикивая его имя.

— Джуд, Джуд, ДЖУД!

А потом из моего рта вырывается только шум, а мое зрение затуманивается цветами и вспышками звезд. Я раскачиваюсь и прижимаюсь к его рту, пытаюсь продлить удовольствие, пока не приходит последний импульс и мое тело не растворяется в простынях.

Джуд целует мое тело, пока не ложится между моих ног. Я чувствую его твердость, прижатую прямо к моей киске, и это вызывает во мне афтершок.

— Сави, ты чертовски совершенна. Не могу дождаться, чтобы сделать это снова. Мы должны наверстать все, что ты пропустила. К черту разницу в зарплате, нам нужно исправить разницу в оргазме, с которой ты столкнулась.

Сдерживаю смех и утыкаюсь лицом в его шею. Он пахнет мной и цитрусовым ароматом, который я так люблю. Провожу губами по его горячей коже и, чувствуя себя смелее, провожу языком по впадине его горла. Его пальцы впиваются в мое бедро, и он отстраняется от меня.

— Не могу больше терпеть твой сладкий ротик на мне, куколка.

Хмуро смотрю на него.

— Что... что насчет... тебя? Разве ты не хочешь...?

Он проводит большим пальцем по моей нижней губе, а затем наклоняется, чтобы прикусить ее.

— У получил все, что мне нужно, детка. Сейчас мне больше ничего не нужно.

Он притягивает меня ближе и прижимает мою голову к своей груди, и я не могу сдержать улыбку. Думаю, что у меня проблемы, но... наверное... все в порядке.

Большую часть дня мы проводим в его постели. Джуд работает над домашним заданием, а я пишу электронные письма всем своим профессорам, сообщая им о своей ситуации. Переписываюсь со Стеллой, и мы составляем план, как завтра отправиться в торговый центр, чтобы пополнить запасы того, что я потеряла, насколько это возможно. Приходят сообщения от Марка, полные беспокойства и извинений за то, что он покинул мероприятие прямо перед тем, как у меня началась аллергия. Пишу ему ответные сообщения с заверениями, что со мной все в порядке и что врачи меня проверили.

Моя доставка с Amazon прибывает одновременно с кроватью, которую они заказали для моей комнаты, так что пока они ее затаскивают, принимаю душ и привожу себя в порядок с помощью туалетных принадлежностей. Я заказала основную одежду, чтобы хватило на несколько дней: пару пар леггинсов, толстые уютные свитера, одежду для сна, носки и нижнее белье. Брюкам и юбкам придется подождать, так как мне нужно примерить их, чтобы убедиться, что они подходят для моих больших бедер. Сапоги, зимняя куртка и сумка-почтальонка, которые я заказала, не самые мои любимые, но пока сойдут.

Когда Джуд возвращается в комнату, я уже чистая и одетая в свою новую одежду и накручиваю влажные волосы на макушку. Он дуется и бросается на кровать.

— Нечестно! Ты мне нравишься в МОЕЙ одежде, куколка. Раздевайся и иди сюда!

Качаю головой с улыбкой и иду к нему на кровать, но не снимаю одежду.

— Ну, сейчас там довольно скучно, но теперь у тебя есть спальня. Хорошая новость для меня — там нет ни простыней, ни одеял, ни подушек, так что тебе придется снова остаться здесь со мной.

Он притягивает меня к себе, переворачивает на живот, так что мой подбородок упирается ему в грудь, и осторожно снимает с меня очки.

— Мне нужно видеть эти голубые глаза, куколка. Я буду твоим прозревшим Джудом и просто поведу тебя.

Я не могу перестать прикасаться к этому мужчине, поэтому провожу кончиком пальца по его губам, затем по подбородку и челюсти.

— Расскажи мне что-нибудь о себе? Все, что я знаю, это то, что ты какое-то футбольное чудо, которое набирает все очки.

Он усмехается на это.

— Да, верно. Ты действительно ничего не знаешь о футболе?

— Не-а. Очень мало. Я была на двух матчах, а до этого даже не видела ни одного по телевизору. Тейт что-то говорил о драфте, но я не знаю, что это значит на самом деле. Но я хочу знать о тебе как о человеке, а не как о футболисте.

Задумчивый взгляд пересекает его золотые глаза, и он крепче сжимает меня одной рукой, обхватывая мою задницу.

— Знаешь, мне кажется, ты первая девушка, которая спросила меня об этом с тех пор, как я здесь. Думаю, что с тобой возможно что-то не так, куколка.

Закатываю на него глаза.

— Ну же, хватит тянуть время. Расскажи мне о себе, Джуд. Я действительно хочу знать.

— Ладно, ладно, прекрати придирааться, женщина. — Он хмыкает, а затем начинает быстро рассказывать свою биографию. — Вырос в дермовом районе Бостона. У меня шесть

братьев, четверо еще живы, двое в тюрьме. Мой отец всю жизнь то сидел, то выходил из тюрьмы, а моя мама — чертова святая, как-то справлялась со всеми нами. Эш был моим лучшим другом с шести лет, и я использовал свои футбольные навыки, чтобы вытащить нас обоих из этого места. Моя история не самая приятная, куколка, но я пытаюсь сделать ее вторую половину лучше.

Нахмуриваю брови, когда понимаю, что это все, что он собирается мне рассказать. Хочу попросить больше, но понимаю, как это нечестно с моей стороны, когда я хочу сохранить в тайне так много из своей собственной истории. Поэтому вместо того, чтобы просить больше, пытаюсь выразить свое понимание, свое сострадание глазами и приподнимаюсь, чтобы нежно провести губами по его.

— Я начинаю верить, что у нас может быть любая жизнь, которую мы хотим, если мы достаточно осмелимся, чтобы к ней стремиться. Я верю в тебя, Джуд. Верю, что ты можешь получить все, что захочешь.

Его пальцы сгибаются на моих бедрах, а глаза становятся темными и напряженными.

— Я начинаю верить, что смогу на жизнь, которую хочу.

Мое сердце делает медленное сальто в груди. Глядя в его глаза, понимаю, что он имеет в виду меня, поэтому медленно киваю головой, потому что, да, я думаю, что я тоже хочу этого.

Мы остаемся в постели до конца дня. Он рассказывает мне о том, как проходит призыв, и я потрясена возможными финансовыми суммами, которые могут быть получены благодаря драфту и его нынешнему одобрению. Рассказываю о двойной специализации, над которой я работаю, и о том, что хочу взять промежуточный год после окончания университета, чтобы путешествовать, прежде чем пойти на работу. Говорю об этом в общих чертах, не объясняя, что степень по бизнесу нужна для должности, которую я займу в компании моего отца... а скоро и в моей, и что специализация по английскому языку нужна мне из-за моей любви к нему. Он рассказывает мне о своих переживаниях по поводу разлуки с Эшем, Тейтом и Бекком, когда он уедет на работу, и я начинаю понимать, насколько глубока их связь.

Когда дневной свет уходит и в комнате становится тускло, мы наконец скатываемся с кровати в поисках еды. Джуд отправляет меня вниз впереди себя, чтобы я могла сходить в туалет, и когда я выхожу в коридор, Беккет тоже покидает свою комнату. Я задыхаюсь от восхищения тем, как он выглядит. На нем стильный черный костюм, подчеркивающий его широкие плечи, под ним темно-серая рубашка и черный галстук. Его волосы зачесаны назад, делающие его квадратную челюсть еще более острой. Он выглядит мрачным, возможно, немного опасным, и таким чертовски сексуальным, что я не могу не облизнуть губы.

Его ледяные голубые глаза останавливаются на мне, когда я неосознанно издаю звук, и проводят по моему телу, рассматривая леггинсы, длинный свитер и толстые носки, которые я надела. Почти задыхаюсь, когда эти глаза разгораются от желания.

— Ты... выглядишь... очень хорошо, Бек.

Его глаза сужаются, и он направляется ко мне, прижимая меня спиной к стене холла, обхватывая меня своими нахваленными руками по обе стороны от моей головы.

— Не делай этого. Я уже видел, как ты это делаешь, и мне это не нравится.

Тяжело сглатываю от внезапно нахлынувших на меня нервов, горячая пульсация возникает между ног от того, как близко он находится ко мне, и заставляю себя говорить.

— Что не делать? — пискнула я.

— Ты подвергаешь себя цензуре. Не говоришь то, что действительно думаешь, играешь в

безопасность, Персик. Ты прячешься.

Он совершенно прав, но никто никогда не видел этого раньше и не говорил мне об этом. Не знаю, придало ли мне смелости то, что произошло между Джудом, Тейтом и мной, но с его ртом так близко к моему и его теплым, пряным ароматом, окутывающим меня, я говорю именно то, что думаю, когда вижу его в таком виде.

— Я думаю, что, выглядя так, ты мог бы сделать меня беременной... только с помощью кончика.

Его голубые глаза загораются вожделением, с его пухлых губ срывается рык потребности, и он наклоняется ко мне еще ближе. Одна из его больших рук опускается со стены и хватает подол моего свитера, поднимает его и прижимает пылающую жаром ладонь к моему животу, слегка сжимая. Его голос срывается на глубокий рык.

— Не только кончик, весь я, глубоко внутри тебя, Персик, чтобы я мог залить тебя своей спермой.

Он опускает голову и проводит носом по боковой стороне моего лица, вдыхая меня, и влажное тепло заполняет мою кистку, когда мои глаза закрываются.

— Я бы заполнял тебя снова и снова, а когда моя сперма начнёт вытекать из тебя... я буду заталкивать ее обратно... своим языком.

Мое ядро пылает, а клитор пульсирует от его грязных слов. Мое лицо должно быть цвета помидора и слава Богу, что у меня есть стена, к которой я прислонилась, иначе я была бы сейчас на полу.

Бек отстраняется с легкой ухмылкой и проводит одним пальцем по моей нижней губе, следя за ним глазами.

— Перестань прятаться, Персик, и ты получишь все, что только сможешь пожелать, и даже намного больше. Спокойной ночи.

Он оставляет меня там, дрожащую, прижатую к стене, не оглядываясь. Я чуть не выпрыгиваю из кожи, когда плечо Джуда ударяется о стену рядом со мной. Быстро и сильно вспыхивает чувство вины за то, что я бесстыдно вожделею его друга. Джуд наклоняет мой подбородок и, должно быть, читает чувство вины в моих глазах, потому что он усмехается и прикусывает нижнюю губу.

— Помнишь, что я сделал с твоим телом сегодня утром, куколка? Как хорошо я заставил тебя чувствовать себя?

Тяжело сглатываю и киваю, думая, что он напоминает мне, что я его.

— А теперь представь, как бы ты себя чувствовала... с двумя ртами на тебе. А может быть, даже больше...

Мой рот открывается в шоке, когда он вскидывает бровь и смотрит на меня, словно ждет пока я осмелюсь ответить. Но это всего лишь мгновение, и не успеваю даже начать осмысливать эту сенсацию, как он оттаскивает меня от стены.

— Давай поедим. Я умираю с голоду!

Спотыкаясь, иду за ним, пытаюсь осознать тот факт, что Джуд только что сказал мне, что я могу заполнить всех его друзей. Блять.

— Как бы мне ни было жаль, что ты потеряла все во время пожара, ты должна видеть в этом положительные стороны, детка, — говорит мне Стелла, протягивая пару узких джинсов.

Бросаю на нее взгляд и жду развязки, которая, как я знаю, не за горами.

— О да, и какие же это?

Она подмигивает мне.

— Весь этот гребаный вельвет, должно быть, сторел быстро и горячо.

Глубоко вздыхаю, оплакивая все свои вельветовые юбки и брюки, которые составляли значительную часть моего гардероба, и ненадолго задумываюсь, не попросить ли Марту прислать мне посылку. Я даже не знаю, в какие магазины она ходила, чтобы найти все это. Жую губу, когда Стелла добавляет зауженные джинсы к куче одежды, которую она хочет, чтобы я примерила. Не думаю, что у меня вообще когда-либо была пара джинсов, не говоря уже о джинсах-скинни. Марта думала, что джинсы — это не стильно для леди. Это напомнило мне, что в последнее время я не отличаюсь элегантным поведением, и у меня в животе запорхали бабочки. Как будто зная, куда ушли мои мысли, Стелла возвращает нас ко всему, что, как я ей сказала, произошло в последнее время.

— Тебя это пугает? Быть с более чем одним из них, я имею в виду. Ты как бы перешла от нуля к сотне почти мгновенно. Сначала квотербек, потом его товарищ по команде, а теперь, возможно, еще и его сосед по комнате.

Гримасничаю, потому что это заставляет меня чувствовать себя шлюхой, а затем останавливаюсь, чтобы подумать, может быть, я и есть такая. У меня не было секса ни с кем из них... пока... но я была и с Джудом, и с Тейтом в других отношениях. Теперь я не могу выбросить из головы слова Беккета и легкое согласие Джуда тоже. Может, я теперь шлюха? Живу в доме с тремя... четырьмя... мужчинами, которые меня привлекают, и то, что они все трогают меня, трахают меня, не вызывает отвращения. Это заводит меня больше, чем я думала. Ворчу себе под нос, чертово фейри-порно полностью испортило меня!

— Эй, эй, Сави! Я не стыжу тебя, детка. Просто проверяю, удобно ли тебе все это.

Когда я не встречаюсь с ней взглядом, она отбрасывает в сторону блузку, которую рассматривала, и хватается за плечи, чтобы повернуть лицом к себе.

— Слушай, я переспала с таким количеством клоунов, что шарики и сахарная вата должны вылетать из моей вагины, когда я раздвигаю ноги. Seriously, у меня золото по количеству тел, и мне за это не стыдно. Нет абсолютно ничего плохого в том, что ты хочешь быть с несколькими парнями. Если они все на борту и хорошо к тебе относятся, тогда иди и возьми их, девочка!

Поджимаю губы и медленно киваю ей.

— Не уверена насчет Тейта. Что-то было между нами, но я больше не доверяю ему. Что касается Эша, ну, он не заинтересован во мне, по крайней мере, не в этой версии меня, так что там ничего не будет. Но Джуд, о боже, Стелла, он, он... да! — Она смеется, когда мое лицо становится ярко-красным. — Что касается Беккета, того, что он говорил, того, что он хотел сделать со мной? Ну, я думаю, если я позволю им, они полностью меня уничтожат.

Она вскидывает бровь и делает вид, что обмахивается веером, спрашивая:

— В самом лучшем смысле?

Встречаю ее взгляд и киваю.

— В самом лучшем смысле.

Другие покупатели подходят ближе, поэтому мы переходим в другую часть магазина и собираем еще несколько вещей, прежде чем направиться в раздевалку. Разбираю кучу и закатываю глаза на Стеллу, когда беру в руки розово-белую клетчатую юбку школьницы, которая едва прикрывает мою попу.

— Что? Это для бабочки! Я знаю, что у тебя есть несколько нарядов в шкафчике на работе, но тебе нужно больше, на замену того, что ты потеряла из-за пожара. Если только...

— Если только, что?

Она пожимает плечами.

— Если только ты не готова снять маску и объединить обе свои личности. Все в порядке, если ты хочешь прекратить танцевать, детка.

Не свожу глаз с юбки и хмурюсь. Это то, чего я хочу? Каждый день, проведенный с ними, каждое прикосновение, каждый поцелуй приносят мне больше уверенности и заставляют маску, которую я ношу, сползать все больше. Знаю, что в конце концов мне придется им все рассказать, но пока я не уверена, что доверяю им настолько, чтобы сделать это. Мне повезло со Стеллой. Ее никогда не волновала моя фамилия или состояние банковского счета, и она всегда поддерживала меня с бабочкой. Но я не понаслышке знаю, как люди могут смотреть на меня по-другому, когда узнают, кто я такая.

Зеленые глаза, наполненные желанием, мелькают в моей голове. Я знаю, что у меня никогда не будет Эша, но в течение двух лет он искал меня и смотрел на меня так, словно я была желанной, словно я чего-то стоила, когда мне казалось, что никто больше не видит меня. Его взгляд — это зависимость, от которой я не готова отказаться. Нет, я еще не готова отказаться от "Бабочки".

— Ты можешь отнести все наряды Бабочки в клуб для меня и положить их в мой шкафик? Не думаю, что мне стоит держать их в доме, их могут найти.

Она со вздохом берет у меня юбку.

— Ты уверена? Ты знаешь, что у меня есть стопка претендентов, которые ждут, чтобы заполнить твою клетку. Можно снять маску, Сави.

Одариваю ее натянутой улыбкой и тянусь к стопке одежды, чтобы отнести ее в раздевалку.

— Может быть, скоро, но... еще не совсем готова.

Задний борт внедорожника, который я наняла на день, загружен огромным количеством пакетов с покупками, когда водитель подъезжает к моему любимому магазину, и огромная ухмылка наполняет мое лицо, пока Стелла стонет.

— Клянусь, ты единственный миллиардер, который делает покупки в Target. Ты такая чудачка!

Игриво ударяю ее локтем по ребрам.

— Язык! Ты знаешь, что мне не нравится, когда ты используешь слово на букву "М". И что не так с Target? Это всегда было таким удовольствием, когда Марта приводила меня туда в детстве. Там так много... всякой всячины...

Стелла закатывает на меня глаза.

— Ты имеешь в виду так много флиса.

Бросаю на нее суровый взгляд, когда двери открываются перед нами.

— Не осуждай меня! Я люблю уютную, пушистую одежду для отдыха, а в этом магазине

самые лучшие вещи. Мне также нужно купить сковородки и принадлежности для выпечки. Джуд обещал сделать со мной грязные вещи, если я снова начну печь для него.

Это заставляет ее рассмеяться.

— Ну, тогда нам лучше взять две тележки, если на кону стоят грязные сексуальные обещания.

Полностью соглашаюсь и в кои-то веки даже не обращаю внимания на глубокий румянец, расплывающийся по моему лицу.

По дороге домой оставляю Стеллу у ее дома с ее сумками и моей рабочей одеждой. Я не готова к тому, что она познакомится с новыми мужчинами в моей жизни, хотя она знакома с ними уже два года, которые они ходили в клуб. Когда водитель подъезжает к дому, я с облегчением вижу, что все машины уехали с подъездной дорожки. Сегодня понедельник, поэтому все они должны быть либо на занятиях, либо на тренировке. Сегодня я пропустила занятия и попросила подменить меня в библиотеке, ради покупок в магазине. Когда водитель открывает багажник, мои нервы напрягаются от того, сколько всего я купила. Знаю, они предоставили мне комнату для проживания, но это количество очень похоже на официальный переезд, и я представляю себе гнев на лице Ашера, если он подумает, что я пытаюсь извернуться, чтобы остаться здесь навсегда.

Качаю головой и хватаю сумки, доставая ключ, который Тейт вернул мне сегодня утром. Это не навсегда. Мне нужно всего пару недель, чтобы найти новое место, а потом все эти вещи переедут со мной. Мы с водителем заносим все вещи в мою пустую комнату, я даю ему чаевые и благодарю за помощь. Это был долгий день покупок, но я все равно сразу же погружаюсь в дела, желая устроиться в собственном пространстве, чтобы завтра вернуться к своей обычной рутине занятий и работы.

Разрываю упаковки купленных комплектов постельного белья и срываю бирки с полотенец, а затем несу их и большую часть кухонных принадлежностей вниз, чтобы сложить их и включить стирку, а затем мчусь наверх, чтобы начать распаковывать все остальное. Через несколько часов моя кровать застелена свежими простынями и завалена подушками, а большая часть одежды уже развешана или убрана в пластиковые органайзеры, которые я купила.

Сажусь на полу в новых, только что выстиранных штанах для сна, на которых нарисованы дремлющие мультяшные ленивцы, и бормочу множество злостных проклятий, в окружении деревянных реек, металлических скоб и множества странных винтов и дюбелей, пытаюсь разобраться в инструкции по сборке дешевого студенческого стола, купленного в Target. Можно подумать, что это модель атомной электростанции, сделанная инженером-саdistом, настолько сложными они сделали инструкции. Изображение счастливой женщины на коробке, стоящей рядом с готовой партой, дразнит меня, утверждая, что я могу собрать эту вещь без каких-либо инструментов, кроме шестигранного ключа, входящего в комплект, но я уже думаю, что пила и отбойный молоток пригодились бы, когда глубокий голос заставляет меня практически подпрыгнуть.

— Какого черта ты делаешь?

Как только я вхожу в дом после занятий, я знаю, что она здесь. В доме уже пахнет по-другому. Чувствую запах ванили с персиковым оттенком. Стою в прихожей, вдыхая его несколько мгновений, а потом хмурюсь, когда понимаю, что делаю. Поверьте, я вообще не знаю, что, черт возьми, делаю. Эта девушка впилась мне в душу до такой степени, что она была первой, о ком я подумал, открыв глаза сегодня утром.

Не могу перестать видеть ее лицо, ее глаза, ее отказ от борьбы той ночью, когда у нее случился анафилактический шок. Сожаление, которое я увидел, когда она провела по моим губам своими холодными пальцами, преследует меня. Я хочу знать, о чем она сожалеет и почему мне кажется, что это было связано со мной. Я не знаю ее, а она, блядь, не знает меня, так о чем она может сожалеть? Черт, мне нужно выкинуть это дерьмо из головы.

Швыряю сумку на стойку в кухне и замечаю, что раковина заполнена посудой для выпечки, отчего мой хмурый взгляд становится еще глубже. Я даже не могу, блять, пожаловаться. Я был полностью согласен, чтобы она осталась с нами, когда мы узнали, что ее квартира взорвалась. Но что еще мне оставалось? Эта цыпочка чуть не умерла, черт возьми, и она была практически без сознания на заднем сиденье, когда мы узнали. Я же не мог сказать "нет" и бросить ее в отеле. Запускаю руку в волосы и злобно дергаю за черные пряди.

Мне нужно пойти в "Маску" и на несколько часов отдаться "Бабочке". В моей голове есть только одна девушка, которой разрешено там жить, и это не книжный червь наверху в моем доме. Я даже не видел Бабочку в эти выходные, так как мы с Бекком были няньками, пока Тейт и Джуд были на выездной игре.

— Ублюдочный кусок дерьма!

Слабо, но я уловил бессвязное ругательство в ее сладком... черт... ее голосе, доносящемся сверху. Еще несколько ругательств долетают до меня, и я не могу побороть глупую ухмылку, которая появляется на моем лице. Сави обычно такая сдержанная, почти закрытая, поэтому, услышав, как она ругается и проклиняет кого-то или что-то, я направляюсь к лестнице, чтобы посмотреть, что ее так взбесило. Хмурюсь, поднимаясь по ступенькам. В те первые несколько раз, когда она была здесь, я был единственным, кто раздражал ее, но потом, в ночь метели, в ней что-то изменилось, и она перестала бояться или пугаться меня, и я увидел, как она немного выпустила когти. Эта девушка так чертовски многослойна, и это бесит меня до предела, я хочу содрать каждый слой, чтобы увидеть, что она скрывает под ними.

Подхожу к ее открытой двери, прислоняюсь плечом к дверному косяку и смотрю, как она ругается и спорит с огромным листом инструкций. Мне приходится прикусить губу, чтобы не рассмеяться, когда она переворачивает лист вверх ногами, а потом набок, бормоча что-то про отбойный молоток сосущий член.

Пока она возится с инструкциями, я осматриваю то, что раньше было моим гребаным домашним спортзалом. На двуспальной кровати, которую Тейт настоял заказать для нее, уже не просто голый матрас. Она застелена толстым пуховым одеялом нежно-голубого цвета ее глаз, и на ней достаточно причудливых подушек, чтобы в них потеряться. У нее два пластиковых комода, и я вижу, что они заполнены одеждой, а в углу стоит дешевый студенческий стул. На одном из комодов стоит открытый MacBook, рядом с ним —

электронная книжка, а на другом — свеча в банке, от которой исходит ванильный аромат, который я почувствовал. Это еще не полностью обжитая комната, но уже близко к этому, и от вида ее вещей в моем пространстве у меня стягивает кожу. Наконец я сжалился над ней, но мои слова звучат скорее лающе, чем доброжелательно.

— Какого черта ты делаешь?

Она отшатывается и поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня, заставляя странный пучок своих длинных шелковистых темных волос подпрыгивать и раскачиваться. Вхожу в комнату и выхватываю у нее из рук инструкцию, складывая ее до удобного размера. Она издает разочарованный стон и резко падает на ковер. Стараюсь не обращать внимания на то, как футболка на ней, идеально обтягивает ее груди, когда они подпрыгивают.

— Твои родители водители грузовиков или работники доков?

Она приоткрывает один глаз и смотрит на меня с вопросом, что за хрень.

— Потому что ты ругаешься как один из них, — говорю ей с ухмылкой, а ее лицо искажается в демоническом оскале. — Что? Что означает этот взгляд? — спрашиваю, забавляясь тем, как грозно она пытается смотреть на меня, и из нее вырывается еще один разочарованный стон.

— Тебе не нравится, что я ругаюсь, поэтому вместо этого я смотрю на тебя ублюдочным взглядом.

Поднимаю инструкцию вверх, скрывая ухмылку, которую она вызывает. Не хочу признавать, но эта версия книжного червя мне нравится больше, чем та заикающаяся и краснолицая, которую я встретил.

— Давай, я помогу тебе все собрать. Совет — лучше читать английскую версию.

Сави натягивает очки на нос средним пальцем, когда садится, не разрывая зрительного контакта, и на этот раз я не могу не рассмеяться вслух. Мы начинаем собирать стол. Она держит доски, пока я прикрепляю кронштейны.

— Итак, похоже, тебе удалось заменить большую часть своих вещей сегодня.

Ее очки снова сползли на нос, и ее голубые глаза смотрят на меня с настороженным, защищающимся взглядом.

— Остынь, Эш. Я не останусь. Мне просто нужно пару недель, чтобы найти новый дом а потом все эти вещи исчезнут. Но я ценю то, что вы все позволили мне временно остаться здесь.

Затягиваю винт и заставляю себя не сказать ей, что она может оставаться столько, сколько нужно, когда она тянется мимо меня за другой частью, и я чувствую запах персиков. Ее запах, смешанный с ароматом ванильной свечи, заставляет мой рот захотеть попробовать персики и сливки, и мой член возбуждается. Черт, этого не будет.

— Ты и Джуд? Вы теперь вместе? А как насчет Тейта?

Она нахмуривает брови, выстраивая в линию следующую часть, чтобы я прикрепил ее.

— Честно говоря, сейчас я понятия не имею. Я просто живу день за днем и смотрю, как пойдут дела с Джудом. Что касается Тейта, мы никогда не были чем-то большим, чем шоу. Это все было фальшиво.

Вскидываю бровь, наклоняясь ближе к ней, чтобы вкрутить следующую скобку.

— Ты уверена в этом? Похоже, между вами было немного искры. Держи крепче, чтобы не было криво. Итак, сначала Тейт, теперь Джуд, собираешься ли ты перейти к Беку следующим? Пойдешь на хет-трик?

Наши лица находятся так близко, и это дает мне прекрасный обзор на розовый румянец,

который ползет по ее шее и заливаает щеки, а также на резкий гнев, который вспыхивает в ее глазах, прежде чем ее щиты возвращаются на место.

— Я не нападаю и не трахаю, как ты намекаешь, никого в этом доме. Но я обязательно дам тебе знать, если это изменится, раз уж ты так беспокоишься. — Она раздраженно вздыхает. — Я уже спрашивала тебя раньше, но ты не ответил, так что еще раз, Эш, почему тебя это волнует?

— Меня не волнует. — Рывкаю на нее в ответ. — Трахайся с кем хочешь. Я просто не хочу, чтобы за их деньгами гонялись и причиняли им боль. Есть история... — говорю я, пока она не прерывает меня.

— Я знаю, как другие женщины пытались использовать их для своего статуса. Мне все это безразлично, поверь мне. Деньги, слава, ничто из этого никогда не повлияет на то, что я чувствую к кому-то. Что касается пострадать? Почти уверена, что я единственная, кто больше всего беспокоится об этом. Я знаю, как вы, парни, прожигаете женщин, как будто они значат не больше, чем временное приятное времяпрепровождение.

В ее глазах появляется вызывающий взгляд, который удивляет меня, но даже близко не так, как ее следующие слова.

— Может быть, это все, чего я хочу, хорошо провести время. Может быть, я буду заниматься сексом со всеми ними, если они захотят меня. Чем это хуже того, что вы все делаете с женским населением кампуса?

Мой рот открывается, чтобы возразить, но затем снова закрывается. Я разрываю зрительный контакт и возвращаюсь к работе над столом, готовый уйти от нее и от этого разговора, потому что, черт возьми, она не ошибается. Мы вчетвером превратили перепихон в спорт. В последний год не так активно для меня, но было много ночей, когда мы все вместе были с одной и той же девушкой. Я мудака, но я отказываюсь быть лицемером. Если Сави решит трахнуть их всех, это не сделает ее хуже остальных, и, черт возьми, мысль о том, что она будет между всеми нами, возбуждает меня. Закручиваю последний винт и поднимаюсь на ноги, пока она отходит в сторону, а затем переворачиваю собранный стол в вертикальное положение.

— Вот так. Где ты хочешь его поставить?

Она указывает на место под окном, и я устанавливаю его, ставлю стул перед ним и машу рукой, чтобы она села на него. Она проскальзывает мимо меня и садится, я кладу руки ей на плечи и подталкиваю ее и кресло к столу. Мой большой палец проводит по нежной коже на ее шее, и я чувствую, как по ней пробегает легкая дрожь.

— Вот, идеально.

А потом я поворачиваюсь и практически бегу из ее комнаты.

Напеваю песню, которая застряла у меня в голове, пока раскладываю книги по полкам из своей тележки. Прошло несколько дней с тех пор, как я обустроила свою комнату в доме, и все шло довольно хорошо. Последние две ночи Джуд пробирается в мою постель, чтобы пообниматься, и это переходит в бурные сеансы поцелуев. Он изматывает мое тело и оставляет меня на грани, прежде чем отстраниться, чтобы обнять, а когда я засыпаю, ускользает к себе. Он называет это повышением моего уровня, и я уже готова к битве с боссом, которая переведет нас на следующий этап. Безумно готова.

Бек отстранился после того момента в коридоре. С тех пор у него странное настроение. Какое-то мрачное и грустное. Что-то тяготит его, но я не знаю его достаточно хорошо, чтобы догадаться, что именно.

Эш тоже держался от меня на расстоянии, но сегодня утром между нами произошел момент, который заставил меня еще больше запутаться в том, что у него на уме.

Я только закончила принимать душ в ванной комнате, которую теперь делю с ними. Я была полностью одета в свой пушистый розовый банный халат с единорогами и полотенцем, обернутым вокруг моей головы, когда я вышла и врезалась прямо в его твердую... голую... грудь. Если бы на мне были очки, они бы мгновенно запотели от тепла, исходящего от всех этих покрытых татуировками мышц. Его руки легли мне на талию и прижали меня к себе на несколько ударов. Когда эти пальцы сжались слишком сильно, мне пришлось сдержать стон. Ашер Джеймс слишком красив вблизи, и в моей голове пронеслись все те ночи, когда он наблюдал за мной в клетке, словно желая поглотить каждую частичку меня. Когда я наконец смогла оторвать взгляд от его груди и посмотреть вверх, мне пришлось прикусить губу от чистой похоти, которую я увидела в его глазах... ко мне... не к Бабочке, а ко мне.

Но это быстро прошло, а затем он отодвинул меня в сторону, пробормотав «Доброе утро», и закрыл дверь перед моим носом, оставив мою голову кружиться и сомневаться, действительно ли я видела это или мое недавно пробудившееся сексуальное влечение придумало это в порыве желания.

Прогоняю мысли об Эше, пока толкаю свою тележку вглубь стеллажей, и думаю о четвертом мужчине, с которым я живу. Тейт просто... пропал... с тех пор, как я переехала. Меня начинает беспокоить, что мое присутствие вытеснило его, и неприятно думать, что я виновата в этом. Это несправедливо по отношению к нему, если он держится подальше от своего дома только для того, чтобы избегать меня. Как будто мои мысли вызвали его, Тейт подходит к концу ряда, в котором я нахожусь. Его улыбка... я еще не видела такую, и она расширяется, когда он замечает меня.

— Сави, вот ты где. Я искал тебя.

— Ну, вот она я. Ты нашел меня, — улыбаюсь ему в ответ. Он подходит ко мне и протягивает свой телефон.

— Взгляни на это!

В его тоне столько гордости и волнения, что делает мою улыбку еще больше, беру телефон и смотрю, чему он радуется. Мои брови взлетают вверх, когда я вижу оценку его последнего задания. Я не помогала ему и не учила его после скандала на кухне, так что это все его собственная заслуга. Мои глаза наполняются восторгом.

— Боже мой, Тейт! Это невероятно. Я так горжусь тобой!

Пытаюсь обнять его, но он прижимает меня к своей груди, а затем его рот прижимается к моему. Яростная боль нужды мгновенно пронзает меня. Неважно, насколько фальшивыми были наши отношения, никогда не было сомнений в том, что между нами есть химия. Его горячий язык переплетается с моим, а мои руки проникают в его светлые волосы, чтобы притянуть его ближе и глубже. Он стонет мне в губы и отстраняется, чтобы прижаться лбом к моему лбу, и я вижу искренность в его глазах.

— Черт, я так скучаю по тебе, малышка. Скучаю по этому рту, скучаю по твоему вкусу. — Он опускает меня обратно на ноги так, что моя грудь скользит по его груди, заставляя мои соски болеть от прикосновений. — Но больше всего я скучаю по тому, что сижу и работаю с тобой за столом. Скучаю по тому, как ты подталкивала меня быть лучше и копать глубже. Скучаю по твоему присутствию на моих играх, по твоей руке...

Пытаюсь сделать шаг назад, чтобы избавиться от противоречивых чувств, вызванных его словами, но он просто следует за мной, пока я не оказываюсь зажатой между ним и книжной полкой.

— Можешь ли ты сказать мне, что не скучаешь поэтому тоже? Скажи мне, что ты все больше не думаешь, что я просто хочу использовать тебя. Черт, Сави, скажи мне, что ты хочешь меня так же сильно, как я хочу тебя.

Я пытаюсь отвести взгляд от его интенсивности, но зеленые и золотые искорки в его глазах завораживают меня. Его рука скользит вверх по моей шее и касается моей щеки.

— Скажи мне, что ты этого не чувствуешь, детка, и я отступлю.

Мне удается выдохнуть: «Джуд?», а мое тело сходит с ума желая, чтобы его руки были на мне, чтобы он снова прикоснулся ко мне, как это было уже дважды.

— Джуд будет чертовски рад, если мы снова будем вместе.

Отталкиваю его от себя, во мне вспыхивает острая боль. Я отстраняюсь, мне нужно пространство, чтобы разобраться в своих мыслях.

— Ты думаешь, я ему безразлична? Вы все просто хотите помыкать мной, как какой-то... игрушкой?

Его рука взлетает и снова притягивает меня к себе, а вторая слегка обхватывает мою шею сзади.

— Черт, нет! Это совсем не то, что я имел в виду. Он заботится о тебе, детка, так же, как и я, и, думаю, Бек тоже.

Он разочарованно вздыхает, словно пытаюсь найти слова, чтобы лучше объяснить, что он имел в виду. Он отпускает меня и проводит рукой по волосам.

— Джуд, блять, мы все очень близки. Можно сказать, что мы стали друг другу семьей, потому что наши собственные семьи нас подвели. Если женщина, если ты станешь частью этого, это только дополнит, завершит это. Детка, мы с радостью разделим тебя. Всю тебя.

Я снова отталкиваю от него, потому что... стоп! Это, блять, слишком много для восприятия. Поворачиваюсь к нему спиной и вожусь с книгами на тележке, чтобы дать моим дрожащим рукам занятие. Я вроде как смирилась с мыслью о сексе с Джудом и, возможно, Бекком. Быть еще и с Тейтом, не такая уж большая проблема, если я собираюсь нырнуть в это движение за свободу любви. Но то, о чем он говорит, это нечто совсем другое. Он говорит о четырехсторонних *отношениях*. Мои глаза закрываются, когда я борюсь с мгновенным желанием моего сердца. Быть частью... такой семьи... как эта, иметь не одного, а трех человек, которые так заботятся обо мне? Мое сердце сжимается от того, как сильно я этого хочу. Я так долго была одна, и, хотя я привыкла к этому, я всегда... желала... Тейт подходит

ко мне сзади и прижимается к моей спине.

— Я знаю, это много, чтобы принять. Просто подумай об этом. Хорошо? Ты заканчиваешь примерно через двадцать минут, так?

Киваю головой, но не поворачиваюсь, не желая, чтобы он увидел на моем лице обнаженное желание того, что он предлагает. Он целует бок моей головы и сжимает мое бедро.

— Я буду ждать тебя снаружи в своей машине и отвезу тебя домой, хорошо?

Снова киваю и опускаю голову, пока он уходит. Когда я вижу, как он выходит из ряда, я глубоко вдыхаю воздух и прижимаю руку ко рту, а затем выпрямляюсь и отбрасываю все свои проблемы маленькой девочки, которая хочет, чтобы ее любили, в сторону. Делаю шаг назад от эмоций и физических аспектов всего этого и мысленно все прокручиваю. Как бы они мне ни нравились, эти мужчины опасны. Каждый из них был небрежен и невнимателен ко мне в прошлом.

Они не из тех, кто любит отношения. Если я соглашусь на что-то подобное, что-то большее, чем просто физические отношения, я знаю себя достаточно хорошо, чтобы понять, что я влюблюсь в них по уши. К чему это приведет, когда один или все они устанут от меня? Сейчас я для них странная девушка, которая держит их на расстоянии и не предъявляет требований. Возможно, в этом часть моей привлекательности для них. Когда у тебя полно женщин, бросающихся к твоим ногам, та, которая говорит тебе "отвали", будет выглядеть как вызов, как запретный плод в некотором смысле. Когда они получают меня, всю меня, как я могу быть уверена, что блеск не сотрется, и они не пойдут дальше?

Заканчиваю опустошать свою тележку, погрузившись в раздумья. Могу ли я доверять им? Должна ли я им доверять? Стоит ли немного времени, когда я буду чувствовать себя желанной и окруженной заботой, той боли, которая придет, когда они закончат со мной? Черт возьми! Дело даже не только в этом. Если я соглашусь на отношения с ними, мне придется рассказать им, кто я на самом деле. Моя фамилия несет большой вес и багаж. Смогу ли я доверить им это? Я просто не знаю.

Ставлю последнюю книгу на полку и, когда начинаю толкать свою тележку обратно к стойке регистрации, слышу их.

— Шлюха.

— Шлюха.

— Отвратительная шлюха.

Медленно поворачиваю голову и вижу Ванессу и двух ее подруг за одним из учебных столов. Они смотрят на меня с мерзкими ухмылками на лицах. Не обращая внимания на двух других, нацеливаюсь на Ванессу, наши глаза сталкиваются и задерживаются. Просто смотрю на нее, не говоря ни слова. В прошлом я всегда пряталась, чтобы защититься от ее злобных, неприятных слов, но теперь что-то во мне изменилось.

Прошло более десяти лет с тех пор, как она стала моей сестрой. Все, чего я хотела за все это время, это быть принятой и любимой ею и ее матерью. Я дала им так много власти за эти годы. Власть причинять мне боль, принижать меня, наносить удары по моему хрупкому одинокому сердцу. Джуд думает, что это она положила клубнику в шампанское, которое вызвало мою аллергию, но я отмахнулась от этого, не в силах поверить, что она могла сделать что-то настолько опасное, независимо от того, насколько сильно она меня недолюбливает.

Чем дальше между нами длится переглядывание, тем больше тяжесть, которую я несу,

начинает подниматься. И когда она первой опускает глаза, тяжесть полностью покидает меня. Все обиды, боль и желание, чтобы она и ее мать стали для меня настоящей семьей, уходят. Она — ничто, они — ничто, и я наконец-то свободна. Может быть, Тейт прав. Может быть, мы должны создать свою собственную семью, если та, в которой мы родились, не работает.

Отворачиваюсь и толкаю свою тележку к столу, не давая Ванессе задеть меня. Мой мужчина... мужчины... ждут меня.

Собираю свою сумку и натягиваю пиджак, машу коллеге, говоря, что мне пора, и выхожу из здания. Ищу машину Тейта на огромной стоянке, но меня отвлекают, когда я слышу слабый звук чьих-то оскорбительных криков. Кутаюсь в куртку, нервно дергаю головой по сторонам, пытаюсь определить, кто это.

— Чертова бесполезность... пустая трата моего чертового времени и денег... никогда ничего не добьешься... такая чертова киска... делай, что я говорю...

Легкий ветер доносит до меня лишь обрывки сказанного, но этого достаточно, чтобы я в гневе сжала руки в кулаки в варежках. Как кто-то смеет так разговаривать с другим! Никто не заслуживает такого оскорбления. Наконец я замечаю красный свет стоп-сигналов Тейта и двигаюсь в том направлении, готовая попросить его выйти и поискать беднягу, которого оскорбляют словами, но как только моя рука касается ручки двери, я понимаю, что это он разговаривает по телефону в своей машине.

— Здесь кто-то есть, мне нужно идти, папа.

Я в шоке смотрю через окно на Тейта, когда он нажимает кнопку на приборной панели, завершая звонок, который шел из динамиков машины. Папа? Это его отец говорил такие вещи? Резко открываю дверь и почти запрыгиваю на пассажирское сиденье.

— Тейт...

— Не надо! Сави, пожалуйста, просто не надо. Я... это не твое дело. Я не хочу об этом говорить.

Заставляю себя проглотить гневные слова, которые хотят выплеснуться из меня, и вместо этого снимаю варежку и тянусь к его руке с хрупкой улыбкой.

— Поехали домой. Сегодня моя очередь готовить ужин.

От облегчения, которое омывает его смущение, мне хочется заплакать, но я молчу, пока он кивает и берется за руль. Мы едем в тишине, только радио играет на низкой громкости, пока он не проезжает мимо поворота к нашему дому.

— Куда мы едем?

Он бросает на меня взгляд, но выражение его лица по-прежнему не читается.

— Я веду тебя на свидание. На настоящее свидание, не для показухи.

Нервно глажу руками свою простую юбку. Не знаю, почему после того, как этот мужчина побывал руками в моей самой интимной зоне, реальное свидание с ним заставляет меня нервничать.

— Я не совсем одета для таких вещей. Если ты отвезёшь нас домой, я могла бы...

Он снова бросают взгляд в мою сторону, но на этот раз я вижу, что он хмурится.

— Нет, ты идеальна такой, какая есть. По-моему, ты прекрасна, детка.

Изумленно и слегка иронично вздыхаю. Приятные слова, но это говорит человек, который сказал мне пойти переодеться в первый раз, когда он хотел, чтобы я пошла на его игру. Он протягивает руку, и проводит большим пальцем по моей щеке.

— Я знаю, что ты мне не веришь, Сави. Но я серьезно, и собираюсь сделать все

возможное, чтобы показать тебе, что с тобой я настоящий.

Отворачиваю голову и смотрю в окно, желая каждой частичкой себя, чтобы он говорил правду.

Он ведет меня в хороший итальянский ресторан и просит занять место в задней части, где освещение приглушенное, а столики вокруг пустые. Когда я пытаюсь сесть напротив него, он садится рядом, заставляя меня подвинуться, чтобы освободить для него место. Официантка улыбается мне со знающим видом, отчего мой румянец пробирается на щеки, и я наклоняю голову, чтобы изучить меню, которое она мне принесла.

Как только мы сделали заказ, и она принесла наши напитки и корзину с хлебом, он обнимает меня за плечи и притягивает ближе, пока мы не оказываемся бедро к бедру. Я не знаю, почему нервничаю. Мы достаточно часто бывали вместе на людях, и я не должна нервничать, но это просто... другое ощущение. Я все еще чувствую тяжесть от подслушанного ранее разговора, поэтому пытаюсь изменить это на что-то позитивное.

— Я горжусь тобой, Тейт. Оценка за задание была полностью твоей заслугой. Ты так сильно улучшил свою учебу.

Он берет мою руку и проводит большим пальцем по моим костяшкам с мягкой улыбкой.

— Это благодаря тебе. Ты заставила меня перестать делать самый минимум и копнуть глубже. Спасибо тебе за всю ту помощь, которую ты мне оказала. Мне кажется, я никогда не говорил этого раньше, и мне жаль.

Отмахиваюсь от его слов с улыбкой, но это не останавливает теплое свечение в моем животе, из-за слов, что он ценит меня.

— Могу я узнать, почему ты выбрал английский язык в качестве своей специализации?

Он пожимает одним большим плечом, отрывает кусок хлеба из корзины и намазывает его маслом, прежде чем протянуть мне.

— На самом деле, это не было моей страстью. Просто в то время мне нужно было что-то выбрать, и я подумал, что если с футболом не сложится, если я получу травму, то, по крайней мере, я смогу что-то сделать с этой степенью. Может быть, продолжу учебу и стану учителем или кем-то еще. Я мог бы тренировать футбольную команду любой школы, в которой окажусь.

Понимающе хмыкаю и проглатываю кусочек хлеба во рту.

— Значит, футбол твоя страсть?

Он гримасничает и снова пожимает плечами.

— Я не знаю, подходит ли слово "страсть". Это просто то, в чем я хорош. С той минуты, как отец надел на меня щитки, когда мне было восемь лет, мой курс был определен.

Знаю, что он не хочет говорить о своем отце и о том, что я случайно подслушала, поэтому я ухожу от этой темы.

— Джуд рассказал мне о драфте и о том, как он важен для вас. Он сказал, что вы надеетесь играть в одной команде. Как это вообще возможно при том, как проходит драфт?

Он издает плоский смешок.

— Это не совсем так. У нас есть представители, которые работают за кулисами с некоторыми профессиональными командами, пытаюсь заключить несколько сделок. Это сложный танец возможных сделок и обменов. Мы не узнаем итог, до самого конца драфта.

Думаю о том, как они все близки и как трудно им было бы разъехаться по разным концам страны.

— Что вы будете делать, если не сможете получить то, что хотите?

— Это включает в себя очень опасную игру в салочки, если мы оба откажемся подписывать контракт, сыграем последний год здесь и будем надеяться, что получим еще один шанс на драфте в следующем году. Или же мы заключим сделки и просто уйдем в разные команды.

Откидываюсь на спинку кресла и делаю глоток воды. От той суммы денег, о которой говорил Джуд, было бы очень трудно отказаться.

— Ты бы действительно так поступил? Отказался бы от всех этих денег только для того, чтобы продолжать играть с Джудом?

Он намазывает маслом еще один кусок хлеба, пытается протянуть его мне, но я качаю головой, и он кладет его на свою тарелку. Его пальцы на моей руке проводят вверх-вниз мягкими движениями, от которых у меня по спине бегут мурашки.

— Я бы хотел сказать, что так и сделаю, но... есть внешние силы, осложнения и последствия, которые я должен учесть в своем решении. У Джуда тоже будут свои причины, если он подпишет контракт с тем, кто его выберет. Нам остается только надеяться, что наши представители смогут заключить несколько сделок.

Официантка приносит нашу еду, прерывая разговор, и аромат острого соуса аррабиата на моих пенне долетает до моего носа. Некоторое время мы едим в комфортной тишине, и это дает мне возможность подумать о том, что будет означать для меня переход Джуда и Тейта в разные команды, если я позволю себе завязать отношения со всеми ними. Меньше чем через год они уедут, и все, что мы могли бы начать, закончится.

Теперь, когда я знаю это, мне придется быть очень осторожной, чтобы не позволить чему-то между нами зайти слишком далеко. Не думаю, что мое маленькое грустное сердце выдержит, если еще больше людей покинут меня. Я больше ковыряюсь в тарелке, чем ем, так как смирилась с тем, что не буду частью их семьи. Это отстойно, но я справлялась все эти годы самостоятельно, так что... да.

— Эй, что у тебя на уме? О чем ты думаешь, что заставляет тебя выглядеть такой грустной? — спрашивает Тейт, отрывая меня от моих грустных мыслей. Я качаю головой и наклеиваю улыбку.

— Мне не грустно. Я просто думала о том, что скоро выпускной, а потом каникулы. Ты едешь домой на каникулы? Где твой дом?

Тейт отодвигает свою пустую тарелку и опускает руку на мое бедро под столом, прочерчивая маленькие круги по колготкам.

— Моя семья живет в Вирджинии, и в лучшем случае я приеду домой на несколько дней. Все зависит от того, какое место мы займем в рейтинге и как я буду играть. А что насчет тебя, откуда ты?

Я не собираюсь рассказывать ему, что мы с папой делим наше время между особняком в Нью-Йорке и поместьем в Коннектикуте, поэтому просто говорю: «Гринвич» и оставляю все как есть. Я не хочу говорить о жалкой одинокой жизни, которую веду во время каникул и праздников. Ему не нужно слышать, что единственные подарки, которые я получаю под елкой, — это вязаные сокровища от Марты и, как правило, первое издание какой-нибудь книги от дяди Марка. Закатываю глаза от жалости к своей бедной маленькой богатой девочке и напоминаю себе быть благодарной за то, что последние пять лет Селеста и Ванесса уезжали в какое-нибудь экзотическое место.

— Могу я предложить вам что-нибудь еще, сэр, мадам? — спрашивает официантка, убирая наши тарелки.

Я качаю головой, и Тейт просит чек. Для первого свидания, все было не так уж плохо, но мы оба так много скрываем, что кажется, будто чего-то не хватает.

Он поворачивает свое большое тело ко мне и скользит одной рукой по моей спине, небрежно обхватывая мою шею. Другая скользит дальше по моему бедру под юбку. Он заключает меня в клетку, и я должна чувствовать себя скованно, но он смотрит на меня сверху вниз обжигающим взглядом, заставляя чувствовать себя в безопасности и желанной.

— Детка, прости меня. Я принимал тебя как должное и был небрежен с тобой. Когда я поцеловал тебя в тот день, чтобы заткнуть рот твоей маме и сестре, я и подумать не мог, что в итоге буду испытывать к тебе такие чувства.

Его рука на моей шее скользит, чтобы наклонить мою голову вверх, так что мне приходится смотреть в его глаза, когда он говорит.

— Ты знаешь, что я не могу вспомнить, когда в последний раз кто-то говорил, что гордится мной? Когда кто-то в последний раз называл меня козлом? И никогда еще женщина не занимала так много моих осознанных мыслей.

Рука под юбкой сжимает мое бедро, заставляя мое ядро пульсировать.

— Блять, малышка. Ты — первое, о чем я думаю, когда просыпаюсь, а ночью... ночью я лежу в своей постели и думаю о том, чтобы мои руки снова были на твоём теле, заставляли тебя стонать, умолять, кричать мое имя, когда ты кончаешь на мой член. Сави, ты как наркотик, которым я не могу насытиться, и я так благодарен, что ты даешь мне еще один шанс доказать, насколько я хочу быть с тобой настоящим.

Его рот опускается на мой, мягко и с наплывом чувств, которые сжимают мое сердце. Он целует меня, как будто я ему не безразлична, а не как будто он просто хочет заняться со мной сексом, и в моей голове проплывают все чувства, от которых, как я знаю, мне нужно защищаться. Он отстраняется, прижимаясь своим лбом к моему.

— Я хочу знать о тебе больше, детка. Ненавижу, что другие знают о тебе то, чего не знаю я. Я так чертовски завидую, потому что нашел тебя первым, а они увидели то, что было прямо у меня под носом, и украли тебя. Хочу, чтобы твои волосы разметались по *моей* подушке, чтобы мы потратили целый день, просто обнимаясь и проводя время вместе. Хочу знать, какой твой любимый цвет, какая твоя любимая еда, какие цветы ты любишь, чтобы принести их тебе и увидеть, как ты улыбаешься только для меня. Хочу держать тебя за руку, когда мы идем через кампус, чтобы все эти ублюдки видели, как мне чертовски повезло, что ты выбрала меня. Сави... я хочу всего с тобой. Дай мне шанс показать тебе это. Дай мне шанс быть с тобой настоящим, малышка.

Опускаю глаза, не в силах выдержать желание в его глазах, которое отражает мои чувства. Боже, было бы так чертовски легко просто влюбиться в него прямо сейчас. Я не могу заставить себя перечислить все причины, по которым это плохая идея, когда он так искренен со мной, и как бы я ни отговаривала себя, я хочу всего, что он предлагает, так сильно и так глубоко, что отбрасываю свой список и просто выдыхаю:

— Да.

Его губы снова скользят по моим, прежде чем он отстраняется и протягивает мне руку.

— Детка, я обещаю, ты не пожалеешь об этом.

Когда мы выходим из ресторана, холодный воздух, как пощечина. Он очищает от романтики момента, который мы только что пережили, и помогает мне восстановить часть стены, которую я только что позволила разрушить. Пока он везет нас домой, я откидываюсь на спинку сиденья и смотрю на проплывающие мимо заснеженные пейзажи.

Любому из нас мешает слишком много багажа, чтобы построить настоящие отношения. Мы все сдерживаемся, может быть, я больше всех. До того, как они разъедутся, осталось меньше года, и мне нужно запереть свое сердце и сохранить с ними светлые воспоминания. Я могу заниматься сексом, наверное, но чувства нужно оберегать, иначе я окажусь в худшем положении, еще более одинокой и разбитой, чем до того, как все началось.

Тейт провожает меня до моей комнаты, когда мы возвращаемся домой, но он разворачивает меня, прежде чем я успеваю войти, и притягивает к себе. Одна его рука обхватывает мой затылок, а другая лицо, когда его губы прижимаются к моим. Это мягкий, медленный поцелуй, заставляет мою голову кружиться так же сильно, как и страстные поцелуи, которыми мы делились, потому что этот поцелуй полон тех чувств, которые я только что поклялась запереть... снова.

Когда он отстраняется, его глаза мягкие и наполнены тем, что сжимает мое сердце, и это как удар по нутру, поэтому я отступаю назад за дверь в свою комнату.

— Спасибо за ужин. Спокойной ночи. — произношу, а затем с размаху закрываю дверь и прижимаюсь к ней лбом.

— Это было чертовски горячо, куколка.

Сави резко оборачивается на мои слова. Она вся красивая и розовая, ее кожа покраснелась от поцелуя Тейта. В ее глазах удивление и настороженность, они перескакивают с меня на Бека, когда она понимает, что он сидит на ее офисном стуле, она моргает, и ее лицо становится гладким и пустым, но не раньше, чем я успеваю заметить, как она окидывает взглядом мою голую грудь вплоть до серых треников. Моя куколка любит прятаться за маской безразличия, но она не понимает, как мне нравится, что я могу заставить ее треснуть.

— Что вы, ребята, делаете в моей комнате? — спокойно спрашивает она, проходя и бросая сумку на стол.

— Здесь приятнее пахнет, и все твои подушки мне нравятся больше, чем мои. Почему бы тебе не подойти и не поздороваться со мной как следует?

Ее холодные голубые глаза переходят на Бека, и я вижу, как она сглатывает, прежде чем повернуться и сесть рядом со мной на кровать. Ловлю ее прежде, чем она успевает это сделать, и сажаю к себе на колени, впиваясь в ее шею несколькими горячими поцелуями.

— Ты хорошо провела время с Тейтом? Он сказал, что пригласит тебя на ужин.

Она наклоняет голову, чтобы видеть меня.

— Ты не возражаешь? Ты не расстроен?

Покусываю мочку ее уха.

— Ты же знаешь, что нет. Я уже говорил тебе, что больше — значит лучше, не так ли?

Она вздыхает и позволяет себе расслабиться на мне, и я вознаграждаю ее рукой, скользящей по ее бедру, по шелковистым колготкам, чтобы поиграть с подолом юбки, и она переключает свое внимание на Бека.

— Как ты? Ты выглядишь... не в себе... с тех пор, как я видела тебя той ночью в костюме. Куда ты ходил в тот вечер, весь такой нарядный?

Бек сидит откинувшись на своем офисном стуле, скрестив руки на груди и расставив ноги. Это его защитная поза, и я гадаю, скажет ли он ей, откроется ли. Пока он решает, я передвигаю свою куколку на коленях так, чтобы она лежала спиной на моей груди, а ее ноги на моих коленях, раздвинулись. У меня есть планы поиграть с ней сегодня вечером, и я хочу, чтобы она согрелась. Стягиваю с нее свитер, заставляя ее поднять руки, чтобы я мог снять его через голову, оставив ее только в тонкой белой блузке. Мне нравится, как она позволяет мне двигать ею, словно она действительно кукла.

— Давай, Бек, расскажи нашей девочке, что тебя так взволновало. Возможно, тебе станет легче.

Он качает головой с горьким смехом, но его глаза снова смотрят на мои пальцы, ползущие по бедрам Сави.

— Ты не должен мне говорить, все в порядке. Я не хотела лезть не в свое дело, — говорит она ему своим сладким голосом.

Поднимаюсь немного выше по ее ноге и начинаю выводить круги на внутренней стороне бедра под юбкой. Она прижимается ко мне, и я знаю, что она чувствует мой твердый член около своей задницы, но она не сводит глаз с Бека, и он, наконец, говорит.

— Я встречался с отцом за ужином. Он был в городе на совещании и хотел поговорить со мной о моем будущем теперь, когда, по его словам, моя детская одержимость футболом

закончилась. Он уже все для меня расписал. После окончания университета я пойду работать в его компанию и буду маленькой занятой пчелкой. Вступлю в его загородный клуб, найду себе подходящую жену и буду пропивать свои страдания до пенсии, а потом умру. Короче говоря, я в жопе.

Я практически чувствую сострадание и сочувствие Сави к нему, когда она лежит в моих объятиях. У моей куколки доброе сердце, и я планирую воспользоваться этим сегодня вечером, чтобы подтолкнуть ее в том направлении, куда я хочу, чтобы мы двигались. Скольжу пальцами выше, чтобы провести по ее прикрытому бугорку, и хочу разорвать эти чертовы колготки, чтобы добраться до ее тепла.

— Джуд! Сейчас действительно самое время? — произносит она, заставляя меня хихикать и тереть чуть сильнее.

— Детка, сейчас самое подходящее время. Бек грустит. Разве ты не хочешь, чтобы ему стало лучше?

Мужчина, о котором идет речь, не выглядит очень грустным, поскольку он следит за моей рукой под ее юбкой, и проводит тыльной стороной большого пальца по своей нижней губе. Нет, он не выглядит грустным, он выглядит чертовски голодным. Вцепляюсь пальцами в ее колготки и тяну, пока они не рвутся. Сави стонет, и я просовываю пальцы под клочок шелка, который все еще прикрывает ее, и проникаю пальцами в складки. Она уже горячая и влажная, и когда я нахожу ее клитор и начинаю кружить вокруг него, ее голова падает назад на меня.

Провожу языком по раковине ее уха и шепчу:

— Разве ты не хочешь, чтобы ему стало лучше? Отвлечь его от проблем?

Ее бедра слегка приподнимаются, пытаюсь сильнее прижаться тем местом, где она больше всего этого хочет, но я скольжу пальцами вниз, чтобы обвести ее вход, пока она не даст мне то, чего я хочу.

— Он выглядит так, будто изголодался по тебе, куколка. Ты собираешься дать ему... нам... то, что мы хотим, чтобы мы могли дать тебе то, что ты хочешь в ответ?

Низкий скулеж нужды покидает ее, и ее голова дергается в знак согласия, но мне нужно услышать, как она это скажет. Проникаю в нее на глубину костяшек и делаю маленькие, мягкие толчки, и ее тело просит большего, ее ноги раздвигаются шире.

— Ты когда-нибудь держала член во рту, ангел? Ты когда-нибудь ставила мужчину на колени просто своим языком и губами?

Я вижу, как ее маленький язычок выныривает и проводит по нижней губе, когда она качает головой.

— Хочешь научиться делать это, пока я заставляю тебя кончить? Мне нужно, чтобы ты сказала это.

Ее голос — это придыхательный стон, когда она отвечает.

— Да. Я хочу этого. Я хочу кончить с членом во рту.

Киваю Беку и снимаю с нее очки, бросая их на другую сторону кровати. Он поднимается на ноги и медленно подходит к нам, его глаза горячие и напряженные, когда он смотрит на нее. Одной рукой он тянется через плечо, чтобы стянуть с себя через голову голубую кофту, и отбрасывает ее в сторону. Он встает между нашими ногами, берет одну из рук Сави и кладет ее себе на грудь, а затем медленно спускает ее по рельефному прессу к поясу джинсов с низкой посадкой.

Он наклоняется, приподнимает ее подбородок и целует. Сначала мягко, а потом все

глубже, и я добавляю второй палец, чтобы погладить ее горячий, капающий центр. Она так чертовски готова взять нас, но я заставляю ее подождать. Эта киска... Хантер, украл то, что должно было стать для нее удивительным опытом, поэтому никто не будет трахать мою куколку, пока мы не дадим ей все то удовольствие, которое она упустила, а она так отчаянно хочет, чтобы ей дали член, что умоляет об этом.

Мой рот скользит по ее шее, пока я не добираюсь до ключицы, а затем я провожу зубами по ней, пока свободной рукой расстегиваю ее блузку.

— Сними с него штаны, куколка. Посмотрим, что ты с ним сделаешь. — приказываю я.

Ее маленькие пальчики расстегивают пуговицу на его джинсах и тянут молнию вниз, а мои губы прижимаются к ее коже. Ее киска пульсирует вокруг моих пальцев, когда она видит, что под джинсами Бека нет нижнего белья.

Толстый член Бека подается вперед, и он берет ее руку и обхватывает ей свою твердую длину, заставляя медленно поглаживать вверх и вниз. Влага из ее киски стекает по моим пальцам, но я не хочу, чтобы она кончила слишком быстро, поэтому вытаскиваю их из нее и подношу к Беку.

— Хочешь попробовать, какая она на вкус, брат?

Он низко рычит в горле и обхватывает рукой мое запястье, чтобы поднести мои блестящие пальцы ко рту. Он всасывает их и стонет от вкуса ее меда.

— Блять, Персик, ты такая охуенно вкусная. — говорит он, и Сави удивляет нас обоих, когда сама делает движение.

Ее голова опускается вниз, и ее язык выныривает, чтобы слизать бисеринку спермы с головки его члена, движение заставляет ее задницу прижаться к моему пульсирующему члену. Мы с Беком резко выдыхаем от того, как чертовски горяча наша девушка, когда пробует его на вкус. Вытаскиваю ее блузку из юбки и стаскиваю ее с плеч, затем расстегиваю лифчик и снимаю его тоже. Она не сопротивляется, когда я наклоняю ее назад, чтобы выставить ее идеальные, обнаженные сиськи на обозрение Бека. Теплая кожа ее спины, прижатая к моей груди, кажется восхитительной, и я киваю Беку.

— Сними с нее колготки и трусики, но оставь юбку.

Он опускается на колени между нашими ногами и тянется под юбку, чтобы снять с нее темно-синие колготки, а затем и розовое атласное белье. Его большие руки лежат на ее раздвинутых бедрах, а мои руки поднимаются вверх, чтобы помассировать ее груди и нежно подразнить ее твердеющие соски.

— Давай, попробуй еще раз, — говорю ему.

Его взгляд устремляется на нее, но ее голова откинута назад к моему плечу, так как она извивается на моем члене. Ее бедра двигаются маленькими кругами, а с губ вырываются крошечные вздохи. Не могу дождаться, когда эти вздохи превратятся в крики.

— Ты хочешь, чтобы Бек попробовал тебя на вкус, не так ли, детка? Хочешь почувствовать, как его язык погружается в твою мокрую киску? Дать тебе то, что тебе нужно?

Она тянется к его шее и притягивает его ближе, вниз, туда, где он нужен ей больше всего. Это все разрешение, которое ему нужно, чтобы опуститься ниже, задрать ее юбку и провести языком между губами ее киски. Я кручу ее соски, дергая и натягивая их, пока она поднимает бедра навстречу его рту, и крошечные вздохи, вырывающиеся из рта, превращаются в настоящие стоны. Я позволяю Беку лизать и сосать ее киску в течение нескольких минут, а затем запускаю пальцы в его волосы и отрываю его голову от нее. Глаза

моего брата широко раскрываются от вожделения, когда он слизывает ее соки со своих губ.

— На сегодня хватит. Куколка хочет отсосать тебе. Она обещала, что тебе станет лучше. Правда, куколка?

Руки Сави поднимаются, обвивая мою шею позади нее, но как только Бек встает на ноги, она сразу же тянется к нему. Я опережаю ее и беру его тяжелый член в руку. Мне нравится, как мои покрытые чернилами пальцы обхватывают его, беру его за член, чтобы притянуть ближе, и наклоняюсь вперед вместе с Сави так, что пульсирующая красная головка его члена оказывается прямо перед нашими лицами.

— Смотри, куколка. Я собираюсь показать тебе, как сосать мужской член.

Она задыхается от моих слов, а затем снова стонет, когда я опускаю свободную руку в ее киску и поглаживаю ее клитор. Мой язык кружит вокруг налитой головки Бека, а затем я полностью беру его член в рот и сосу, проводя языком по нему. Он дико стонет, шепчет «Блять, Джуд» и тянется к сиськам Сави, чтобы сжать и помять их. Она не отрывает своих полных желания глаз от того, что мой рот делает с ним, и когда она сильнее прижимает свою задницу к моему члену, я вытаскиваю его изо рта.

— Открой рот, куколка. Высунь язык. — говорю я ей, мой тон делает это скорее приказом, чем просьбой.

Она немедленно делает то, что я говорю, и мой член пульсирует около ее попки от того, как хорошо она это делает, я так сильно хочу, чтобы ее рот был на мне тоже. Руки Бека оставляют ее грудь и тянутся к ее волосам, распуская весь этот шелк, пока он не рассыпается по мне. Он проводит по ним пальцами, а затем мягко обхватывает ее голову с обеих сторон и погружается в ее рот. Сначала он делает это легко, и мне нравится смотреть, как он медленно трахает ее. Она слегка хмыкает от удовольствия. Моей малышке нравится сосать член, и это доставляет мне еще большее удовольствие. Его следующий толчок становится глубже, она слегка задыхается и напрягается в моих руках.

— Шшш, все хорошо. Ты должна открыть ему горло. Когда почувствуешь давление, глотай.

Бек делает это неглубоко, давая ей привыкнуть к его толщине, а затем снова углубляется. Моя девочка принимает его как в гребаном сне, и он задыхается: «Да!», когда она заглатывает его. Я слизываю слезинку, которая стекает из уголка ее глаза, и она на вкус такая чертовски сладкая. Мои пальцы погружаются в ее трепещущую киску и изгибаются, когда я трахаю ее сильно и быстро.

— Посмотри на себя, детка. Ты наша хорошая девочка, так хорошо принимаешь его член. Он будет трахать твой маленький грязный ротик, пока ты не перестанешь чувствовать свое горло, а я заставлю тебя кончить на мои пальцы. — Вхожу в нее сильнее, и она воем от удовольствия, обхватив член Бека. — Вот так, ангел, кончи для меня. Сожми мои пальцы, дай мне свои сливки, детка!

Она взрывается вокруг меня, когда Бек сильно вбивается в ее рот. Ее стенки сжимаются и пульсируют, засасывая мои пальцы, и это так чертовски горячо, что я не могу остановить себя от желания укусить ее за шею, а затем слизать жжение, обозначив ее как мою, чтобы весь мир видел. Бек отстраняется от ее рта со стоном, сжимает в кулак свой член и сильно водит по нему, кончая на ее грудь и сиськи. Его руки тянутся к ее лицу и наклоняют его вверх, чтобы он мог прижаться губами к ее губам в кровопролитном поцелуе.

Я осторожно вытаскиваю свои пальцы из нее и веду руками вверх по ее телу, а затем массирую ее кожу его спермой, так что и он отметил ее. Эта женщина наша, на сто

процентов наша, и теперь, когда она у нас, мы только начинаем.

Моя грудь вздымается от оргазма, который только что подарил мне Джуд. Пытаюсь перевести дыхание от нехватки воздуха, из-за толстого члена Бека в моем горле. Это был мой первый минет, и я удивлена тем, насколько мне понравилось. Я понятия не имела, что они с Джудом были вместе таким образом, но, увидев член Бека у себя во рту, я стала немного дикой для них обоих.

Я испытала сильное возбуждение, видя, как меняется выражение лица Бека, как на его лице появляется нескрываемое желание и потребность в том, что я делала с ним своим ртом. Хочу сделать это снова. Несмотря на то, что я только что спустилась с того кайфа, который подарил мне Джуд, мне кажется, что этого недостаточно. Я хочу большего. Отталкиваю Бека, встаю, поворачиваюсь лицом к Джуду и толкаю его на спину. Тянусь к поясу его треников, но он перехватывает мои руки своими татуированными пальцами, чтобы остановить их.

— Чувствуешь себя жадной, куколка? — спрашивает он меня с блеском в глазах и наглой ухмылкой на лице.

— Больше. Мне нужно больше, Джуд. Хочу попробовать тебя тоже на вкус. — Говорю ему, и его взгляд становится горячим и интенсивным, а ухмылка на его сладких губах становится свирепой. Он отпускает мое запястье и пихает свое большое тело дальше на кровать, а затем затаскивает меня на нее между своих ног.

— Ты была хорошей девочкой, так что да, ты можешь получить еще немного. Встань на руки и колени, детка. Ты можешь отсосать мне, но Бек будет есть твою сладкую киску, пока ты это делаешь.

Все внутри меня становится жидким и податливым, и я мгновенно поднимаюсь на руки и колени с задницей в воздухе. Смотрю через плечо на Бека, и он перебирается на кровать позади меня, задирая мою юбку и лаская мою задницу со стоном.

— Трахни меня, эта задница... Персик, я собираюсь съесть каждый сочный кусочек тебя, дорогая.

Его рот приземляется на одну из моих ягодиц, и он нежно прикусывает ее, посылая вспышку жара к моему клитору и заставляя его жаждать внимания. Джуд запускает руку в мои волосы и тянет, пока я не смотрю на него. Другой рукой он стягивает штаны, и я задыхаюсь от удивления, когда вижу ряд металлических пирсингов на его твердом стволе. Прикусываю губу, наполовину возбужденная, наполовину напуганная тем, как это будет ощущаться внутри меня. Словно прочитав мои мысли, он усмехается.

— Как в раю. Скоро, когда я буду жестко и глубоко трахать твою киску своим членом, ты будешь думать, что умерла и попала в рай, куколка. — Он притягивает мою голову за волосы и проводит кончиком члена по моим губам. — А до тех пор следи за зубами, детка.

Вытягиваю язык и облизываю каждый из этих пирсингов, удивляясь, что они слегка прохладные на фоне его горячего ствола. Как только я полностью вбираю его в рот, Бек просовывает свой язык глубоко внутрь меня сзади, заставляя меня вскрикнуть вокруг ствола Джуда. Вместе они находят ритм, который превращает меня в дрожащий беспорядок, язык Бека давит на мою киску, чередуясь с толчками Джуда, трахающего мой рот. Это чертовски невероятное ощущение, и я пытаюсь представить, каково это, если бы член Бека был глубоко внутри меня. Он отстраняется, чтобы провести пальцем по моей влаге, а затем проводит им

между ягодицами моей задницы, заставляя меня дергаться и хныкать, требуя чего-то большего.

— Сделай это еще раз, ей чертовски понравилось, — говорит ему Джуд, и он делает это, но на этот раз он обводит мою дырочку кончиком своего влажного пальца и немного надавливает.

— Боже, я так хочу трахнуть тебя, дорогая, — ворчит Бек, а затем снова начинает трахать меня языком. Он добавляет вторую руку, чтобы погладить мой набухший клитор, и я почти задыхаюсь на члене Джуда, когда на меня обрушивается очередной оргазм. Руки Джуда сжимают мои волосы в кулак, а его толчки становятся все сильнее и быстрее. Его член все глубже входит в мой рот, пока мое горло не начинает саднить, и от этого я еще больше увлажняюсь, когда меня используют таким образом.

Чувствую, как он еще больше утолщается во рту, и Джуд почти задыхается, когда произносит:

— Я собираюсь кончить тебе в рот. Глотай, детка. Выпей каждую каплю меня своим маленьким узким горлом.

Я чувствую, как горячая соленая жидкость заполняет мой рот и скользит по моему языку, глотаю снова и снова, и мой клитор спазмируется, когда я кончаю в рот Бека.

Падаю рядом с Джудом на кровать, пытаюсь снова и снова перевести дыхание. Он поворачивается ко мне лицом, а Бек приподнимается и прижимается к моей спине. Его большая рука проводит вверх и вниз по моему боку, по бедру и спине, как будто успокаивая меня, а Джуд целует следы слез с моего лица.

— Ты богиня, куколка. Ты так хорошо справилась. Думаю, ты была создана для нас, детка.

Глотаю вкус освобождения Джуда и спрашиваю:

— Вы двое... вы вместе...?

Бек хихикает позади меня, но это Джуд отвечает мне с наглой ухмылкой.

— Это не совсем то, о чем ты подумала. Мы не добиваемся цели только вдвоем, но мы достаточно гибкие, чтобы наслаждаться помощью, когда между нами есть женщина. Это... усиливает эффект, тебе не кажется?

Киваю и зачесываю его волосы назад, протягивая свободную руку за спину, чтобы провести по шее Бека и запустить ее в его волосы, чтобы притянуть его ближе к моей спине.

Он зарывается лицом в мои волосы и шепчет:

— Так чертовски идеально, Персик. Так прекрасно, спасибо, что ты наша.

От этих слов последняя дымка оргазма рассеивается, напоминая мне, что это не так. Я не их, не совсем так, как хотела бы. Это просто секс, это все, чем мы можем быть, и мне нужно помнить об этом, потому что чем больше они гладят меня, чем больше они шепчут мне приятные вещи, тем больше раздувается мое сердце, и именно так оно и разобьется, когда все закончится.

+++++

Прислоняюсь к стойке на кухне, ожидая, пока закипит чайник для отчаянно необходимой чашки чая и бутылки с горячей водой, ожидающей наполнения. Это была напряженная неделя после свидания с Тейтом и встречи с Джудом и Бекком. Я чувствую себя усталой и разбитой, сегодня утром я проснулась с месячными, поэтому меня мучают спазмы и плохое настроение. В доме тихо, все в постели, а мои гормоны мучают меня.

Я почти не спала прошлой ночью после возвращения из клуба. Металась и ворочалась, а

меня преследовали видения острых зеленых глаз Эша, наблюдавшего за мной, пока я танцевала для него всю смену. Ненавижу, что он не знает, что это я танцую для него. Ненавижу, что это какая-то воображаемая женщина, которую он хочет, и что он возненавидит меня, если когда-нибудь узнает правду.

На этой неделе все были заняты финальными экзаменами, и я чувствую, что те два, которые я написала сегодня, надрали мне задницу. После той ночи, когда я была с Джудом и Беком, они, кажется, немного отступили, словно хотели, чтобы у меня было пространство и время, чтобы убедиться, что я в порядке с тем, что мы сделали вместе. Это мило, но теперь, когда они показали мне, как они могут заставить мое тело петь и танцевать под их ласками, я хочу большего. Я очень хочу секса, и месячные этому никак не способствуют.

— Ты собираешься выключить его или хочешь убедиться, что он действительно вскипел, книжный червь?

Раздраженные слова Эша выбивают меня из мыслей, и я рывком выключаю плиту, отодвигая чайник и бормоча извинения. Чувствуя себя немного взбешенной, добавляю:

— Не называй меня так.

Он усмехается:

— Ну ладно, гусеница. Ты носишь все эти пушистые вещи, так что это все равно больше подходит.

Отхожу от плиты и на цыпочках тянусь к верхнему шкафу, чтобы достать банку с чаем. Как раз когда я нащупываю ее пальцами, чувствую, что мои штаны стягиваются с одной стороны, отчего я удивленно вскрикиваю, а банка задвигается обратно в шкаф.

— Вау, никогда не подумал бы, что у тебя есть тату, гусеница. — Эш размышляет, находясь слишком близко ко мне, когда его теплые пальцы скользят по маленькой фиолетово-синей бабочке на верхней части моего правого бедра.

Тяжело сплываю, понимая, что мое растяжение, должно быть, обнажило часть бабочки. Отстраняюсь от него и снова натягиваю свои ворсистые штаны для сна обратно, пока он ухмыляется и тянется за чаем для меня.

— Если такая девушка, как ты, клеймит свою кожу, это должно что-то значить, верно?

Мне хочется бросить его слова обратно в него. Сказать ему: это значит, что я была слишком пьяна однажды ночью и никто не остановил меня, но мои гормоны вышли из-под контроля, поэтому вместо этого я опасно говорю настоящую причину.

— Это... это должно было напомнить мне, что я могу быть кем-то... кем-то, кем я не являюсь. Это должно было означать, что, если я буду достаточно храброй... я смогу летать.

Горячие слезы наполняют мои глаза, я отворачиваюсь от него и вожусь с крышкой банки с чаем, пока она не отрывается, и я достаю пакетик.

— Эй, эй, не плачь, Сави. Почему ты плачешь?

Шмыгаю носом и опускаю голову.

— Я не плачу, ничего не случилось. Дурацкие гормоны. — Шепчу последнюю часть, но он все равно меня слышит.

— А... спазмы?

Мое лицо краснеет от смущения, но я виню в этом пар, наливая кипяток в свою кружку. Эш забирает у меня чайник, берет с прилавка пузатую бутылку для воды, наполняет ее для меня и ставит рядом с моей кружкой.

— Мне жаль, что ты плохо себя чувствуешь. Иди сюда и позволь мне помочь?

Бросаю на него настороженный взгляд, не понимая, почему и как он может помочь мне

с чем-то подобным.

— У меня есть две сестры, которые обучили меня секретным способам борьбы с ПМС, чтобы я смог пережить неделю, когда они сходят с ума в тандеме. Доверишься мне? Позволишь помочь?

Пожимаю плечами, все еще не в состоянии смотреть ему в глаза, поэтому он осторожно поворачивает меня спиной к себе и поднимает мою объемную флисовую толстовку. Я вдыхаю, когда его теплые руки ложатся на мою поясницу и начинают растирать ее. Он использует свои сильные большие пальцы, чтобы надавить на меня. Моя глупая матка пульсирует, и я разрываюсь. Рыдания вырываются из меня, и я совершенно не контролирую себя, горячие слезы текут по моему лицу.

Руки Эша покидают мою спину, одна рука обхватывает мою грудь чуть выше сисек, чтобы притянуть меня к себе, а другая пробирается под кофту и скользит под брюки, чтобы раздвинуть и обхватить низ живота.

— Эй, эй, тише, все в порядке. Ты просто едешь на красной волне, милая. Ты умная и красивая и можешь быть кем угодно. Это просто гормоны издеваются над тобой. Ты можешь сделать все, Сав. Ты смелая. Подумай об этом, ты живешь в доме с четырьмя придурковатыми чуваками. Просто расправь свои крылья и лети.

Он даже не представляет, что его слова являются для меня обоюдоострым мечом, и только заставляют мои слезы падать быстрее. Эш прижимает меня к себе, нежно сгибая пальцы на моем животе, как будто он может массировать спазмы, пока я, наконец, не выплачу все и не проведу по лицу. Когда он отпускает меня, я никак не могу посмотреть на него, боясь, что он увидит ложь, которую я так долго от него скрывала.

— Давай, иди в постель. Я принесу тебе бутылку с чаем и водой. Обещаю, ты хорошо выспишься и завтра будешь чувствовать себя лучше.

Делаю то, что мне говорят, не в силах спорить, боясь, что все секреты, застрявшие в моем горле, вырвутся наружу, и поднимаюсь по лестнице, а он следует за мной. Скольжу в постель, пока он ставит мой чай на табурет, который я использую в качестве тумбочки, а затем укладывает бутылку с горячей водой под одеяло напротив моего живота. Это совсем другая сторона Эша, которую я не видела раньше, и это заставляет меня жалеть обо всем, чего у меня с ним нет. Когда он убирает мои волосы с лица и снимает очки, чтобы положить их на табурет, я хватаю его за запястье.

— Э-эш... мне... мне так жаль.

Его брови хмурятся, и он слегка покачивает головой.

— За что?

Заставляю себя проглотить правду, которую хочу выплеснуть, и вместо этого говорю,

— За то, что я здесь. За то, что нахожусь в твоём пространстве. Мне жаль.

Его рука тянется к моей щеке, но в последнюю секунду он отдергивает ее, и одна сторона его рта приподнимается в полуулыбке.

— Не стоит. Оказывается, в конце концов, не так уж плохо, что ты здесь. Спи, гусеница.

Сижу на полу в своей комнате, прислонившись спиной к кровати, и бросаю резиновый мяч в стену. Финал прошел, и мне нужно решить, приму ли я предложение о полете домой на каникулы, которое сегодня утром пришло в мой почтовый ящик от отца. Я даже не знаю, зачем он мне это прислал. Прошли годы с тех пор, как мы вместе встречали Рождество. Это должно быть как-то связано с тем, что он рассказал мне за ужином, когда был в городе.

Бросаю мяч сильнее и ловлю его на отскоке, а затем делаю это снова. Он хочет, блять, сделать из меня жениха, чтобы однажды я заменил его, и мысль о том, что я буду погребен под грузом бездумного будущего в корпоративной Америке, выматывает мою душу. Я сильнее сжимаю мяч при мысли о том, что Джуд и Тейт уйдут в профессионалы, а Эш последует за ними и станет тренером — без меня — и я буду видеть их только по телевизору, а не ежедневно. Они моя настоящая семья, не могу поверить, что через несколько месяцев все закончится, и я останусь один.

С тех пор как умерла моя мама, я чувствовал себя одиноким, пока Тейт, Джуд и Эш не оказались со мной. Мой отец всегда отсутствовал, даже до того, как она оставила меня. Он всегда был слишком занят работой, чтобы появляться на моих школьных мероприятиях и футбольных матчах, но мама компенсировала это тем, что всегда была рядом, всегда поддерживала меня. А потом ее не стало, и какая-то часть меня всегда задавалась вопросом, не ушла ли она из-за меня. Не слишком ли я много делаю? Был ли я недостаточно хорош для неё?

Самое трудное, что я никогда не узнаю, почему она выбрала смерть вместо того, чтобы остаться рядом со своим единственным ребенком. Она оставила меня с мужчиной, который едва появился в моей жизни до ее смерти, и у него не было желания разбираться со сложностями горюющего ребенка и его проблемой одиночества.

Когда он отправил меня в школу-интернат, я возненавидел его. Я встретил Тейта, у которого тоже были проблемы с отцом, и он заполнил зияющую дыру в моей жизни, и вместе мы создали систему поддержки друг для друга. Позже, когда появились Эш и Джуд, все просто встало на свои места и мы построили нашу семью. Как, блять, мне теперь уйти от них? Как мне жить жизнью, которую я знаю, что буду ненавидеть, и даже не видеть их в своей повседневной жизни? Блять! Какой в этом, блять, смысл?

Сави проходит мимо двери, когда я снова бросаю мяч, а затем отступает назад и хмуро смотрит на меня. Она качает головой и заходит в мою комнату.

— Плохой день? — мягко спрашивает она, подходя и садясь на кровать надо мной.

Позволяю мячу укатиться и скольжу рукой по ее ноге, вспоминая, как ее кожа ощущалась под моими руками той ночью. Это успокаивает, я прислоняюсь головой к ее ноге, а ее маленькие, теплые пальцы скользят по моим волосам и массируют голову. Мы с Сави только начинаем то, что развивается между нами, но она еще одна вещь, от которой мне придется отказаться, когда мы все пойдем разными путями. Отбрасываю эту мысль в сторону, не находя решения.

— Лучше, когда ты здесь, дорогая, — вздыхаю я и поворачиваю голову, чтобы потереться лицом о ее тельце, а потом решаю, что этого недостаточно. Мне нужна она в моих объятиях, прижатая ко мне, чтобы заглушить все мрачные мысли, переполняющие меня. Стягиваю ее с кровати и располагаю так, чтобы она лежала на мне.

Одна из моих любимых вещей в Сави то, как она позволяет нам двигать ее тело, чтобы приспособиться к тому, чего мы хотим, без протеста. Это заставляет меня чувствовать, что она принадлежит мне на совершенно другом уровне.

Скольжу руками вверх по ее бедрам, чтобы упереться и потянуть ее, чтобы она плотно прилегала к растущей выпуклости в моих джинсах. Ее глаза за стеклами очков спокойно и пристально смотрят на меня, когда она поднимает руку, чтобы провести по моей челюсти, а затем вверх по губам. Она так... спокойна, так близко. Она смотрит в мои глаза, как будто ничто не имеет значения, кроме меня в этот момент. Мы не произносим ни слова, но кажется, что мы ведем целый разговор, просто глядя друг на друга. Что-то тугое разворачивается в моей груди, и я испытываю острую потребность прижать ее ближе к себе. Не ради секса, а чтобы иметь с ней что-то большее, что-то более глубокое.

Словно прочитав мои мысли, она прижимается ко мне, обхватывает руками мою талию, прижимается лицом к моей шее и просто остается там. Чем дольше я держу ее так, тем сильнее чувствую связь с ней и тем сильнее мне не хочется ее отпускать. На мгновение все встает на свои места, и я чувствую себя... дома..

Я жду, когда смогу попасть в "Маску" с Тейтом и Бекком, но тут группа пьяных первокурсников смешивается с ними на входе, а вышибалы пытаются их вытащить. Я даже не хочу здесь находиться. Финал наконец-то закончился, и у нас есть свободная ночь, прежде чем мы снова закроемся для следующей игры. Я хочу праздновать со своей куколкой, но у нее смена на работе, и меня бесит, что я до сих пор не знаю, где она. Если бы я знал, я мог бы тайком передать ей несколько лакомств и составить ей компанию, пока она не закончит, а потом... потом я мог бы снять ее напряжение... ртом или пальцами, или и тем, и другим. Она как гребаная зависимость, и я так близок к тому, чтобы сказать "да пошло оно все" и погрузить в ее сладкую, тугую киску свой ноющий член. Тянусь вниз и настраиваю себя, так как я становлюсь твердым от одной мысли об этом.

— Я хочу поговорить с менеджером! — пронзительно кричит какая-то девчонка, срывая с себя пропитанное напитками платье.

Один из вышибал подносит микрофон ко рту и кричит в него, перекрывая шум драки и музыки.

— Эй, Стелла, ты нужна нам у главного входа.

Я хмурюсь, услышав это, но...

— Кто-нибудь из вас знает, что случилось с Сави на этой неделе? — спрашивает Тейт, отвлекая меня от драмы перед нами. — Она выглядела немного угрюмой.

— Ты пробовал сделать ей куни? — спрашиваю я.

Бек смеется и дает мне пять, но Тейт только хмурится.

— Отвали, это не только секс, ты же знаешь, — выплевывает он, заставляя меня смеяться.

— Ты должен знать, когда держать, когда складывать. Так что согни ее ноги до плеч и подними ей настроение.

Бек не может перестать смеяться, а Тейт смотрит на нас обоих.

— И это все для вас, парни? Вы просто хотите потрахаться с ней? Потому что я хочу чего-то большего, чем просто это.

Это стирает улыбку с моего лица, и я подхожу к нему вплотную.

— Следи за своим гребаным тоном, сынок. Ты говоришь о моей девушке. Сави для меня — конечная цель, так что не надо снова вбивать ей в голову дурацкие сомнения, как в прошлый раз. Ты действительно хочешь ее? Тогда, блять, делай свой ход. Я уже сказал вам всем, что я за нее. С остальными или без них.

Тейт вскидывает руки, чтобы я отступил, но, прежде чем он успевает привести свои доводы, вышибалы тащат дебоширов мимо нас, освобождая нам дорогу в клуб. Мы поднимаемся по лестнице на второй уровень и видим Эша за нашим столиком. Его взгляд, как всегда, устремлен на Бабочку. Как только мы усаживаемся, на нас налетает обычная стайка барби из бара, и я не могу не усмехнуться, когда каждый из моих братьев отмахивается от них и посылает их всех. Я, блять, имел в виду то, что сказал о Сави. Может, прошло всего два месяца, как я ее встретил, и еще меньше мы были вместе, но она чертовски подлая маленькая воровка. Моя куколка вырвала мое сердце прямо из груди. Когда-нибудь я сделаю ее миссис Джуд.

Мне приносят напитки, и я окидываю взглядом клуб, желая оказаться дома, в пахнущей

персиками и сливками комнате Сави. Я тайком брал ее Kindle и читал некоторые из ее пикантных книг, и умираю от желания разыграть с ней несколько сцен. Через десять минут мне уже стало скучно, я поворачиваюсь к Тейту и Беку, но они разбирают игры против нашей предстоящей команды, поэтому я обращаюсь к Эшу.

— Эй! Как прошел твой сегодняшний финал? Это ведь был твой последний, да? — громко зову я через стол, чтобы меня было слышно поверх нагнетающей музыки.

Ублюдок даже не моргнул, он так зациклен на своей девчонке, поэтому я поворачиваю свой стул, чтобы осмотреть ее. Бабочка сегодня выглядит чертовски хорошо. На ней маленькая розово-белая клетчатая юбка школьницы, которая едва прикрывает ее зад, когда она танцует, и обрезанная белая блузка, из-под которой виден ярко-розовый бюстгальтер. Белые чулки с розовыми бантиками на бедрах спускаются к розовым туфлям Mary Jane на высоком каблуке, завершая образ распутной школьницы. Ее длинный неоноворозовый парик развевается над ее крыльями бабочки, когда она вращается в такт.

Когда она наклоняется к нам спиной и проводит руками по ноге, я вижу сочную задницу и пик белого атласа между ее ног, и мой член встает как вкопанный. Я дергаюсь в своем кресле и в ужасе смотрю на свои колени. Что за хуйня? Теперь я возбуждаюсь только для своей куколки, в чем дело. Да, Бабочка горячая штучка нового уровня, но также как и многие другие девушки, которые не являются моей девочкой, они меня не интересуют.

Смотрю на нее, глубоко нахмурившись, и случайно ловлю ее взгляд. Голубые глаза, подведенные черными тенями и ресницами, притягивают меня, и все мое тело замирает на месте, когда мои глаза расширяются. Соблазнительный взгляд в ее глазах, который она всегда имела, сменяется шоком, а затем в них проскальзывает страх, как раз перед тем, как она поворачивается спиной к нам. Я вскакиваю со стула, мои глаза сканируют каждый дюйм "Бабочки", потому что теперь, когда я это увидел, я не могу этого не увидеть, и ГОСПОДИ... ЧЕРТ... ЧЕРТ... ЭТО... ЭПИЧНО!

Мои руки взлетают вверх, как будто я объявляю о голе, и я кричу:

— РЕЖИМ ГАНГСТЕРА АКТИВИРОВАН!

А потом я откидываю голову назад и завываю от смеха. Это чертовски идеально. Девушка, которую мой лучший друг любил и воцелел последние два года, та самая девушка, которой он так старался противостоять. Я опускаюсь на свое место, не обращая внимания на взгляды и вопросы, которые мне задают парни, и наклоняю голову в сторону Сави Бабочки. Наблюдаю за ее танцем, зная, что она не сможет удержаться и не оглянуться в нашу сторону, и когда она наконец встречает мой взгляд, я незаметно провожу пальцем по губам в жесте "шшиш", подмигивая ей. Некоторое напряжение в ее плечах ослабевает, но она танцует уже не так плавно, как раньше.

Бросаю взгляд на Эша, вижу, как он слегка хмурится, наблюдая за ней, и снова разражаюсь смехом. Он так чертовски хорошо понимает эту девушку, что уловил, что ее что-то расстроило. Он смотрит в мою сторону, хмурится, когда я смеюсь, но я просто посылаю ему поцелуй и ухмыляюсь еще сильнее. Я ничего не говорю. Это слишком восхитительно, чтобы болтать об этом. Я хочу услышать все от моей куколки.

Откидываясь в кресле, поворачиваю голову, чтобы посмотреть на нее, и поглаживаю свой член, радуясь, что он сделал правильный выбор, как хороший мальчик. Теперь, когда все улеглось, я уже не так шокирован, как раньше. Сави многое скрывает от мира. То, что она прячется за маской и надежно спрятанной за клеткой, не так уж и удивительно. Сижу и смотрю, как танцует моя куколка Бабочка, и знаю, что очень, очень скоро мы все поможем

ей перестать прятаться и навсегда выйти из клетки...

Вынимаю вторую контактную линзу из глаза, опускаю ее в футляр с раствором, а затем роняю голову на руки и стараюсь не задохнуться. *Черт, черт, черт!* Это катастрофа. Издаю стон в страхе от того, насколько я глупа. Мне нужно было сказать им самой. Я должна была признаться. Это взорвется мне в лицо, я просто знаю это.

— Детка! Что случилось? Ты в порядке? Тебя там какой-то ублюдок домогался?

Стелла бросается ко мне, опускается на сиденье рядом со мной, поворачивая кресло лицом к себе и хватая меня за голову, чтобы заставить ее подняться. Она в уличной одежде, а не в костюме. Стелла не часто танцует теперь, когда ее повысили до менеджера. Выдыхаю пропитанный страданием вздох и качаю головой, слезы застилают мне глаза.

— Все, все гораздо хуже, Стелл. Джуд... Джуд узнал меня! Он знает, что я Бабочка!

Через ее прекрасное лицо проходит ряд эмоций, прежде чем остается осторожное размышление.

— Ну... он испугался?

Сердито смахиваю слезу, которая вытекает наружу, и качаю головой.

— Н-не совсем? Он вроде как что-то крикнул, а потом рассмеялся и подмигнул мне.

Ее брови взлетают вверх, и небольшая улыбка искривляет ее губы.

— Значит, он не выглядел злым? А что насчет остальных? Как они это восприняли?

Опускаюсь обратно в кресло и прикусываю губу, слегка пожав плечами.

— Я не думаю... что он им сказал. Вообще-то, я знаю, что не сказал, потому что Эш в ярости бросился бы на мою клетку, если бы узнал. Он, наверное, ждет, пока они вернутся домой. — Я достаю свои очки и надеваю их с очередным стоном. — Черт, я не хочу идти домой и столкнуться с этим! — Мое сердце замирает при слове "дом". Я живу у них уже несколько недель, и это уже кажется мне домом. Я такая чертовски жалкая.

— Думаю, это может хорошо закончиться, детка. Ты всегда знала, что тебе придется признаться им, если все станет серьезнее. Знаю, что ты боялась показать им, рассказать, кто ты на самом деле, но Джуд может стать катализатором, который поможет тебе выложить все начистоту. Я уже вижу, что у тебя есть чувства к этим парням, так что рассказать им сейчас и посмотреть на их реакцию, возможно, будет лучше. Если все пойдет не очень хорошо, это будет не так больно, как когда ты полностью влюбишься в них, верно?

Проглатываю мысль о том, что я действительно могу позволить себе влюбиться во всех них.

— Я... я должна сказать им, но Стелла, у нас с ними нет будущего. Я могу позволить себе влюбиться, потому что в конце этого года они все разъедутся в разные стороны. Тейт и Джуд, скорее всего, будут выступать за разные команды, а Эшу и Беку предстоит закончить еще один год университета. Начать отношения, что-то настоящее и значимое со всеми ними просто невозможно. Иметь это впервые в жизни, а потом потерять так скоро, полностью раздавит меня. Я... я не могу. Это должно остаться тем, что есть, сексом и, возможно, дружбой. Любовь не может быть частью этого.

Руки Стеллы опускаются на мои плечи и сжимают их.

— О, Сави, милая... я думаю, что, возможно, уже слишком поздно для этого.

Моя рука дрожит от волнения, пытаюсь вставить ключ в замок входной двери, когда я возвращаюсь домой. Глубоко вздохнув, я вгоняю его и поворачиваю ручку... в темный и

тихий дом. Адреналин, захлестнувший мое тело, немного ослабевает, и меня начинает трясти еще сильнее, когда я вешаю куртку и убираю ботинки в шкаф. Минуту я стою у подножия лестницы и прислушиваюсь. Здесь тихо, но я улавливаю слабые звуки музыки, прежде чем начать медленно подниматься по лестнице на второй этаж.

Когда я дохожу до закрытой двери своей спальни, я вижу слабую полоску света под ней и знаю, что он ждет меня там. Мне требуется смехотворное количество времени, чтобы набраться смелости, открыть дверь и войти. Я закрываю ее за собой, позволяю своей сумке соскользнуть с плеча на пол и прислоняюсь спиной к двери, встречаясь с его золотыми глазами. Белокурые волосы Джуда — сексуальный беспорядок, когда он непринужденно сидит на моей горе подушек. Задержав взгляд на несколько секунд, он вскидывает бровь, и из меня вырывается шепот.

— Я... я... могу объяснить.

С ухмылкой на лице он поднимает руку и укоризненно показывает мне палец в знак того, чтобы я подошла. Перетаскиваю ноги через всю комнату, чтобы встать у кровати рядом с ним, и одним плавным движением он хватает меня за бедра и затаскивает к себе на колени, так что у меня не остается выбора, кроме как облокотиться на него и положить руки ему на плечи.

— Расскажи мне, — говорит он, проводя по моим губам татуированным, покрытым кольцами пальцем.

Он больше ничего не говорит, просто смотрит на меня и держит меня, ожидая, пока я заговорю, поэтому я пытаюсь остановить дрожь и тяжело сглатываю.

— Всю свою жизнь я чувствовала себя... невидимой. Я всегда была одна, ждала, что кто-то меня заметит, ждала, что папа вернется домой и увидит меня. Все стало еще хуже, когда мой папа женился на маме Ванессы. Моя новая сестра была идеальной во всех отношениях. Красивая, популярная, стильная... она была тем, кем я не была, и ее тень на меня становилась все больше по мере того, как мы становились старше. Когда я приехала в Пенуортский университет, я думала, что все изменится. Думала, что это будет мой шанс наконец-то засиять, быть замеченной. Но... этого не произошло. Это было новое место, но я оставалась все той же маленькой, одинокой девочкой.

Делаю неровный вдох и заставляю себя продолжать смотреть в его ободряющие глаза.

— Когда была маленькой, я брала много частных уроков танцев, и когда однажды в кампусе я увидела флешмоб "Маски", была потрясена. Танцоры раздавали листовки с объявлениями о наборе новых танцоров. Я... я впервые в жизни позволила себе быть смелой и прошла прослушивание. Наконец-то меня увидели как женщину, которой я всегда хотела быть, но что еще лучше, я все еще могла прятаться за маской, чтобы меня не обидели. — Мои пальцы дрожат, когда я прижимаюсь к его лицу. — Мне так жаль, что я не сказала тебе, Джуд. Я была...

— Ты была напугана. — Он заканчивает за меня, и я киваю. — А Эш? — спрашивает он, заставляя меня закрыть глаза и застонать, прежде чем попытаться объяснить.

— Он... никто никогда не смотрел на меня так раньше. Тейт мог быть моим первым парнем, фальшивым или нет, но Эш... он был первым мужчиной, который увидел меня, захотел меня таким образом, и это было как наркотик. Он никогда не узнает, что он дал мне, наблюдая за мной так ночь за ночью. Потом я встретила вас всех в реальной жизни и ужасно боялась, что он возненавидит меня. Джуд... — Мой голос задыхается: — Это был первый раз в моей жизни, когда я почувствовала себя... достойной.

— Ах, черт, куколка. Не говори так. Ты гораздо больше, чем ты себе позволяешь, детка. Ты чертовски совершенна во всех отношениях, и теперь, когда я вижу то, что ты пыталась скрыть от нас... ты стала еще лучше.

Он притягивает мою голову вниз, так что наши лбы встречаются, и я шепчу:

— Ты не злишься на меня?

Его губы скользят по моим, как обещание.

— Я никогда не смогу на тебя злиться. Ты моя куколка. Я чертовски обожаю тебя. — Он покусывает мою нижнюю губу, а затем ухмыляется. — Но мне придется наказать тебя. Все это время я мог бы вожделеть тебя и в той клетке. Тебе придется загладить свою вину. Детка, ты возьмешь мой член так глубоко и сильно в свою сладкую киску, что каждая мышца и вена будут заклеены внутри твоей киски.

Мое ядро пылает жаром, и я чувствую мгновенную влажность между ног. Было бы так просто оставить все как есть, позволить ему смыть вину за то, что я скрывала от него, от них, но теперь, когда я открыла ему дверь, будет справедливо, если я расскажу все остальное. Прижимаюсь к его груди, чтобы хоть немного отстраниться от его опасных губ.

— Джуд, подожди... есть еще кое-что. Есть еще кое-что, чего ты обо мне не знаешь.

Его пальцы впиваются в мои бедра, и он приподнимается и упирается твердым членом в мой центр, заставляя мои ресницы трепетать от удовольствия.

— Нет, детка. Послушай меня. Я хочу прочитать каждую главу, каждую страницу твоей истории, когда она будет разворачиваться естественным образом. Я не хочу, чтобы ты заставляла себя рассказывать мне из-за какого-то неуместного чувства вины. Ты не должна ни мне, ни кому-либо из нас отвечать на вопросы о себе, пока не захочешь поделиться этим сама. Я не хочу выбирать страницы твоей истории тут и там. Я хочу прочитать всю твою гребаную книгу, куколка. Скажи мне, когда будешь готова, и я сделаю то же самое, хорошо? И не беспокойся о других. Тебе решать, когда делиться с ними собой, своей историей.

И вот так, все мои стены, все мои щиты рушатся, и я полностью влюбляюсь в Джуда Диксона, и показываю ему это единственным способом, на который у меня хватает смелости. Целую его так, словно он — воздух, которым мне нужно дышать. Тяну за его футболку, пока он не срывает ее через голову, а я прижимаюсь к его твердому телу. Он чувствует это, чувствует срочность, потребность во мне и переворачивает меня на спину, снимая одежду с моего тела. Его треники падают на пол, и он смотрит на меня горячими напряженными глазами, сжимая в кулаке свой красивый, толстый, пронзенный пирсингом член. Я снова хочу его в рот, но еще больше хочу его внутри себя, поэтому тянусь к нему и тяну его вниз, пока он не становится на колени между моих раздвинутых ног. Тянусь вниз и провожу двумя пальцами по своей киске, а затем подношу их, блестящие от моей потребности, к его рту. Он посасывает их с животным стоном, а затем хватается за колени и раздвигает мои ноги еще шире.

— Я собираюсь трахать тебя без презерватива, детка. Мне нужно почувствовать каждый гребаный дюйм этой красивой розовой киски. — Он проводит своей налитой головкой по моим складочкам, и я приподнимаю бедра, уже готовая к тому, чтобы он был внутри меня. — Ты будешь смотреть, детка. Ты будешь смотреть, как хорошо твоя киска принимает мой член. Как она всасывает и захватывает его.

Ожидаю, что он ворвется в меня сильно, но он удивляет и дразнит меня по одному дюйму за раз. Входит в меня медленно, сводя меня с ума, постепенно растягивая меня. Каждый из его пирсингов трется о мои нежные стенки, вызывая ощущения, которые

заставляют меня выгибать спину и хныкать, требуя большего, пока он, наконец, не погружается по самые яйца. Мои глаза открываются, когда он замирает внутри меня, и когда мой взгляд встречается с его, я вижу, как сильно он сдерживает зверя. Он оскаливает зубы.

— Моя... эта киска моя... эти сиськи мои... каждая часть тебя, все, что ты есть, блять, мое, и тебе лучше не забывать об этом.

А потом он уничтожает меня. Он выходит, не до конца, а затем входит в меня мощным толчком. Снова и снова, все быстрее, пока это не превращается в устойчивый ритм, и мы оба не покрываемся блестками пота. Мои бедра качаются, встречая каждый его толчок, а когда он переводит руки с моих бедер на задницу и приподнимает меня, его член и пирсинг попадают в волшебное место внутри меня, заставляя меня кричать о нем.

— Джуд! Сильнее, сильнее, не останавливайся!

Он трахает меня так, будто собирается разломить на две части, и я просто умоляю о большем, когда мой канал пульсирует и сжимает его толщину.

— Скажи это, куколка. Скажи мне, блять, кому ты принадлежишь!

Мой голос звучит грубо и надломлено, когда оргазм настигает меня.

— Тебе! Я твоя!

Он не перестает трахать меня на волнах, и это продолжается до тех пор, пока я едва могу дышать. Я лежу лужицей на кровати, когда он вытаскивает из меня свой член.

— Мне нужно вылизать тебя, детка. Мне нужен твой медовый крем на языке. — Он говорит, двигаясь вниз, чтобы лизать и сосать мой пульсирующий клитор, отправляя меня снова в полет.

Я едва в сознании, когда он отстраняется, мои соки покрывают его губы и подбородок. Он переворачивает меня, как куклу, которой он меня называет, и приказывает:

— Вверх! Руки на изголовье.

Заставляю свои дрожащие конечности двигаться, пока не ухватываюсь за изголовье спиной к нему и задницей в воздухе. Поворачиваю голову, чтобы посмотреть через плечо на его сверкающее тело: его мышцы пульсируют, а член истекает спермой. Его пальцы скользят по моей спине, взгляд следует за ними, пока он не добирается до моей задницы, а затем он... шлепает меня! Мой клитор наполняется еще большим влажным жаром, он сильно сжимается, и я потрясена тем, что хочу, чтобы он сделал это снова. Отталкиваюсь от его руки, которая успокаивает боль, и он вознаграждает меня, шлепая по другой ягодице. Я стону в агонии от того, как чертовски хорошо эта боль сочетается с удовольствием, которое прокатывается по моему телу.

— Это моя гребаная задница, куколка, и однажды, скоро, я буду трахать эту твою тугую дырочку, пока один из моих братьев будет трахать твою киску, и ты будешь умолять нас никогда не останавливаться.

Его грудь ударяется о мою спину, его колени еще больше раздвигают мои, он наматывает мои волосы на кулак и оттягивает мою голову назад, чтобы добраться до моего рта.

— Ты чувствуешь, как сильно ты хочешь этот член на своих губах, детка?

Его рот врезается в мой, и мой вкус только усиливает все, когда он выпрямляется и снова врезается в меня. Запустив одну руку в мои волосы, а другой крепко обхватив мою шею, Джуд использует мое тело, мою киску, как животное. Он входит в меня так сильно и так глубоко, что я чувствую его в своем лоне. Все во мне напрягается, сжимается, пульсирует, когда влага пропитывает мои бедра.

— Правильно, детка, кончай на мой член, пропитай меня своим удовольствием. Будь моей маленькой грязной куколкой и высасывай из меня сперму, — ворчит он мне в уши и кусает за шею.

Боль, смешанная с удовольствием, заставляет меня взрываться и выкрикивать его имя, я сильно толкаюсь бедрами назад, чтобы принять его еще глубже, желая ощутить каждый дюйм его тела и как он разрушает меня. С последним сильным ударом он дергается и утолщается внутри меня и с криком "*МОЯ!*" кончает.

Моя голова прижата к изголовью, и я пытаюсь пропустить воздух через горло, но он оттягивает меня назад за волосы, пока я не буду вынуждена встретиться с ним взглядом. То, что я там вижу, крадет у меня те крохи воздуха, которые мне удалось глотнуть, и он снова шепчет, но на этот раз от всего сердца:

— *МОЯ.*

Перекрываю кран, когда пузырьки в глубокой ванне с гидромассажем грозят перелиться на пол. Осматриваю комнату и киваю на зажженные свечи и дымящуюся чашку чая, стоящую на маленьком столике рядом с ванной. Все идеально, теперь нужно только, чтобы Сави пришла и насладилась этим.

Она была свободна большую часть недели. Финал тяжело прошел для всех нас, но теперь, когда все закончилось, я хотел сделать для нее что-то особенное. Для меня важно показать ей — я не зря сказал, что мы настоящие. Я вижу, что она строит с Джудом, а теперь и с Бекком, и я хочу, чтобы у нас тоже так было. Я ломал голову над тем, что могу сделать для нее, чтобы она увидела, что я стараюсь, и придумал идеальный подарок. Заказал полный комплект всех ее любимых классических книг, которые она потеряла во время пожара, и не могу дождаться, когда они приедут. Но я хотел сделать что-то более интимное, поэтому ванна с пеной все, что я смог придумать.

Выхожу из своей комнаты и иду к ее. Дверь открыта, и я стою и смотрю ей в спину, пока она несколько минут печатает на ноутбуке за своим столом, прежде чем прочистить горло. Она оглядывается через плечо и улыбается мне самой милой улыбкой.

— Привет, как дела?

Мои ноги несут меня через всю комнату, я поворачиваю ее стул так, чтобы она оказалась лицом ко мне, и беру ее лицо в свои руки.

— Как ты себя чувствуешь? Ты казалась немного не в себе последнюю неделю.

Розовый румянец окрашивает ее щеки, когда она отводит глаза от моих, и прикусывает губу.

— Да, это как бы приходит с женщиной. Прости.

Провожу большим пальцем по ее скуле и чувствую себя идиотом. Я даже не думал о том, что у нее могут быть месячные. Это что-то, о чем я должен помнить в будущем. Я не знаю многого о том, через что проходят женщины в течение недели, но, кажется, слышал, что шоколад необходим, так что не забуду запастись чем-нибудь вкусненьким в следующем месяце для нее.

— У тебя... закончились...

Она тихонько смеется и смотрит на меня.

— Да, все чисто.

— Круто, так у тебя сейчас есть немного свободного времени? Я... эм, я хотел... я сделал тебе... черт, почему это так трудно?

Сави с небольшой улыбкой поднимается на ноги и берет меня за руку.

— Я сейчас свободна. Что ты хочешь сделать?

Беру ее за руку и вытаскиваю из ее комнаты в свою, закрываю дверь и веду ее в ванную. Ее брови удивленно вскидываются, когда она видит полную ванну с пеной и свечами.

— Ты... ты приготовил мне ванну?

Пожимаю плечами.

— Ну, я просто подумал... ты работаешь на двух работах, у тебя выпускной год и все такое, а у меня есть эта большая ванна, и... я подумал, что ты захочешь немного расслабиться.

Сави придвигается ко мне, приподнимается на носочки и нежно целует меня. Ее глаза

мягкие и полные чего-то такого, что заставляет мою грудь сжиматься.

— Тейт, это самое приятное, что кто-либо когда-либо делал для меня. Спасибо тебе.

Выдыхаю облегчение и опускаю свой лоб на ее.

— Хорошо, отлично, я просто хотел показать тебе, то есть... — Качаю головой от того, что превратился в неуклюжего подростка, и отступаю к двери. — Я просто хотел сделать для тебя что-нибудь приятное. Наслаждайся купанием, малышка.

Едва успеваю пройти половину пути через свою комнату, когда Сави окликает меня. Я поворачиваюсь и спешу назад, чтобы посмотреть, что ей нужно, и вижу, как она проводит пальцами по пузырькам.

Ее голос низкий и нерешительный, когда она спрашивает:

— Ты... ты мог бы... остаться?

Все внутри меня взрывается, как фейерверк. Качаю головой в сторону и стараюсь не ухмыляться.

— Да? Ты хочешь, чтобы я остался?

Она смотрит на меня через плечо и вскидывает бровь.

— Ну, это действительно большая ванна, а я не лучший пловец, так что... ради безопасности?

Не могу больше сдерживать ухмылку от ее милого поддразнивание, поэтому тянусь за голову и снимаю футболку, бросая ее на пол.

— Ради безопасности.

Ее щеки становятся розовыми, когда она видит мою обнаженную грудь, но она покручивает пальцем.

— Ты должен отвернуться, пока я не войду первой, пожалуйста.

Серьезно киваю и поворачиваюсь к ней спиной. Думаю, это чертовски очаровательно, что она стесняется того, что я увижу, как она раздевается, когда мы собираемся вместе лежать раздетыми в ванне. Чувствую себя так, будто только что забил победный тачдаун на национальном чемпионате. Я просто хотел сделать для нее что-то приятное, так что это огромная гребаная победа для меня, для нас.

— Хорошо, теперь ты можешь повернуться.

Медленно поворачиваюсь вокруг себя и сильно прикусываю губу, глядя на то, что предстает передо мной. Моя девочка вся розовая и покрасневшая от парной воды, пена едва прикрывает ее идеальные груди. Мой член уже становится твердым, когда я представляю, как ее гладкая теплая кожа будет ощущаться на моей. На моих губах появляется ухмылка, и я кручу пальцем так же, как это делала она.

— Ты должна повернуть голову, пока я вхожу. Никаких подглядываний!

Она хихикает, когда отворачивается, и это самый приятный звук, который я слышал сегодня. Мои джинсы и боксеры падают на пол, я вхожу в горячую воду на противоположном конце ванны и опускаюсь в нее со стоном удовольствия.

Сави смотрит на меня с маленькой улыбкой, и я опускаюсь под воду, берусь за ее икры и начинаю поглаживать. Прижимаю ее ноги к своему прессу и погружаюсь глубже, так что мои ноги оказываются по обе стороны от нее. Она выпускает глубокий удовлетворенный вздох.

— Это очень приятно, Тейт. Я и не знала, насколько была напряжена. Уже чувствую себя более расслабленной. Спасибо.

Глажу ладонями ее ноги, беру одну из них в обе руки и начинаю растирать ее ступни. Ее

голова откидывается назад, и тихий стон вырывается из ее идеальных розовых губ.

— Думаю, ты можешь быть еще более расслабленной, чем сейчас.

Она приоткрывает один глаз и опускает свободную ногу на мой живот, пока она не упирается в мой твердый член.

— Возможно, но что насчет тебя? Ты выглядишь... напряженным.

Улавливаю блеск в ее глазах, и мне чертовски нравится, что она флиртует со мной прямо сейчас. Приподнимаю бедра настолько, чтобы потереться о бок ее ноги, и флиртую в ответ.

— Хм, похоже, некоторые части меня немного напряжены. Может быть, мне тоже нужно, чтобы меня погладили.

Она не может сдержать улыбку, откидывая голову от меня на бортик ванны.

— Даже не знаю, я думала, что это мне нужно было расслабиться.

Отпускаю ее ступню и провожу руками вверх по ее ногам, а затем снова вниз. При следующем проходе я позволяю своим пальцам подняться выше по ее бедрам.

— Да, это правда. Тогда я, наверное, должен продолжать гладить тебя, но не могу дотянуться до тебя полностью. Ты должна подползти немного ближе.

Она смотрит на меня сквозь опущенные ресницы несколько секунд, а затем поднимает руку из воды ко мне. Тяну ее на себя, чтобы она могла проскользнуть ближе, не провалившись под воду. Притягиваю ее выше, пока ее ноги не оказываются над моими и не обхватывают мою талию. Ее киска упирается в основание моего члена, и я не могу сдержать стон, который вырывается, а мои глаза ненадолго закрываются. Блять, она такая чертовски мягкая и теплая, прижатая ко мне скользкой, влажной кожей. Я отчаянно хочу оказаться внутри нее, но для этого прошло еще достаточно времени, поэтому я провожу руками по внешней стороне ее бедер и обхватываю ее задницу.

Наши лица так близко друг к другу, и мне нравится, что я могу смотреть в ее великолепные глаза без помех от очков. Мне нравится ощущать ее попку в своих руках, но я хочу продолжать исследования. Те два раза, когда мои руки были на ее теле, были быстрыми и страстными. Я хочу прикасаться и наслаждаться каждым мгновением. Хочу изучить каждый ее сантиметр. Что заставляет ее стонать, что заставляет ее дыхание задерживаться в горле. Хочу запечатлеть каждую ее частичку, каждую реакцию на мои прикосновения, чтобы это навсегда запечатлелось в моем мозгу.

Провожу руками по ее спине, вниз по рукам и обратно к бедрам, сохраняя зрительный контакт. Это ощущение намного глубже, чем все, что у меня когда-либо было с ней, но я хочу большего, поэтому наклоняюсь, стирая последний дюйм и медленно целую ее. Я не тороплюсь, мои руки возвращаются к ее попке и прижимают ее немного плотнее ко мне. Я исследую ее рот своим языком и покусываю ее нижнюю губу, делаю это медленно и мягко, ожидая, пока она покажет мне, чего она хочет и в чем нуждается. Когда она прижимается к моему члену сильнее, слегка поскуливая, я даю ей это.

Раздвигаю ее ноги немного шире, достаточно широко, чтобы мой ствол оказался зажат между ее влажных складочек, а затем плавно двигаю ее бедра вверх и вниз. Медленно, с каждым проходом член трется о клитор, создавая нужное ей давление, и она впивается пальцами в мои плечи. Наклоняю ее голову в сторону и целую горячую дорожку по шее, проводя зубами по ключицам до груди. Держу одну руку на заднице, чтобы прижать ее к моим движущимся бедрам, а другой рукой подношу ее тяжелую грудь к своему рту.

Боже, я так долго мечтал о том, чтобы мои губы коснулись этих сисек. Не торопясь,

смакую каждый их дюйм. Посасываю внешнюю сторону груди, облизывая и целуя, не переходя к твердому, малинового цвета соску, который просто умоляет меня пососать его. Сави издает горловой стон, от которого член дергается, и я не могу больше ждать, блять, поэтому я беру ее сосок в рот и сильно сосу. Она выгибает спину, еще сильнее прижимается к члену и стонет.

— Блять, Тейт, пожалуйста, пожалуйста!

Ласкаю ее сосок языком, а затем перехожу к другой груди.

— Мне чертовски нравится, как ты так произносишь мое имя. Боже, Сави, я так хочу тебя. Я хочу тебя всю, малышка.

Провожу зубами по верхушке ее груди, а обжигающий жар от прикосновения моего члена сводит меня с ума. Она собирается заставить меня кончить, а этого не произойдет, пока я не заставлю ее кричать, поэтому я хватаю ее за бедра, поднимаю с члена и вытаскиваю из воды.

— Держись за стену, детка. Поставь колено на выступ. Я изголодался по тебе. Мне нужна твоя сладость на языке, заполняющая рот. Мне нужно, чтобы ты кончила на мой язык, чтобы я мог слизать все это.

— О, Боже! Тейт!

Она умоляет, когда я втягиваю ее губы в свой рот, а затем провожу языком по ее жару. Ее киска лучшее, что я когда-либо пробовал, и я хочу еще, пока она бьется бедрами о мое лицо. Скольжу рукой по ее влажному бедру и просовываю палец в дырочку, и она такая же чертовски тугая, как я помню. Медленно и уверенно трахаю пальцем, добавляя второй, а язык начинает работать над ее клитором. Сосу его, облизываю и кружусь вокруг, пока она не начинает всхлипывать от облегчения. Я не могу насытиться ее вкусом, ее криками, и мне приходится сжимать основание своего члена, чтобы не кончить под водой.

Стенки Сави начинают дрожать и трепетать вокруг пальцев, и я знаю, что она близка к этому, но, прежде чем могу перевести ее через край, дать ей удовольствие, которого она заслуживает, она отстраняется от меня и снова опускается в воду.

Она хватает мой член и направляет его вверх, насаживаясь на него до такой глубины, что я кричу:

— Блять, да!

Она выгибает спину, запрокинув голову назад, и дважды сильно и быстро вращает бедрами, а затем ее киска сжимает мой член так крепко, что я взрываюсь. Она высасывает из меня мой оргазм, и все, что я могу сделать, это крепко держаться за ее бедра и дрожать вместе с ней. Когда она возвращает голову вперед, хватаю ее за шею и сталкиваю наши лбы вместе. Ее зрачки расширены, когда она смотрит в глаза.

— Малышка, ты выглядишь так чертовски красиво, кончая на мой член.

Она издает еще один стон.

— Мы можем сделать это снова? Только давай сделаем это на кровати?

С плеском воды я поднимаю нас и вытаскиваю из ванны, потому что, да, моя малышка может иметь все, что захочет.

Забираю страницы из принтера, складываю их аккуратной стопкой и надеюсь, что он не подумает, что я переборщила. Последний выпускной позади, и у меня появилось немного времени, чтобы провести небольшое исследование. Мне не нравится, как Беккет в последнее время подавлен мыслью о том, что после окончания университета он пойдет работать к отцу. Футбол был такой большой частью его жизни, и это то, чего он хотел для своего будущего. После травмы у него больше нет шансов стать профессионалом, но это не означает, что он должен покончить со спортом. Мысли о том, что Тейт и Джуд будут играть в высшей лиге, а Эш присоединится к ним в качестве спортивного медика, заставили меня задуматься о том, какие еще пути может выбрать Беккет, чтобы быть частью этого.

Отсюда и исследования. У него уже есть много зачетов по курсам, которые ему нужны, чтобы легко перейти на спортивную стезю. Смотрю на бумаги и жую губу. В конечном итоге Бек сам решит, какое направление ему выбрать. Я просто хочу показать ему несколько вариантов, которые он, возможно, не рассматривал.

Беру свою сумку и наполняю ее всем необходимым. Через час у меня смена в библиотеке, потом последняя смена в клубе сегодня вечером, и я уйду на каникулы. Обычно я еду в тот дом, где не будет Селесты и Ванессы, но поскольку все четверо ребят остаются здесь или едут на игры кубка, я подумала, что могла бы тоже остаться, может быть, съездить туда, где они играют и посмотреть. Это было бы гораздо приятнее, чем бродить по пустому дому, где только персонал составляет мне компанию.

Выхожу из своей комнаты и подхожу к открытой двери Бека, но его комната пуста. Я слышу, как работает душ в главной ванной, поэтому предполагаю, что он там. Не хочу опоздать на работу, поэтому захожу и кладу стопку бумаг на его кровать, где он не сможет их пропустить, а затем выхожу из его комнаты. По пути к лестнице я замечаю нечто такое, от чего моя кровь мгновенно закипает.

— Гребаный неудачник... отвратительно, что ты носишь мою фамилию... лучше бы, блять, выступал... деньги на этой игре...

Это не мое дело. Я не имею права вмешиваться, но мой мало привычный характер приходит в ярость от таких нецензурных оскорблений, и я толкаю дверь спальни Тейта, даже не успев опомниться. Он сидит на краю кровати, уронив голову на руки. Рядом с ним лежит его мобильный телефон, включенный на громкую связь, и отец изрыгает из него оскорбления. Топаю к нему, пока он не заметил, что я вошла, выхватываю его, поворачиваюсь и топаю из комнаты обратно в свою, хлопая дверью и щелкая замком, как раз в тот момент, когда Тейт начинает кричать.

— Сави! Черт! Сави! Что ты делаешь?

Бросаюсь через комнату, забегаю в свою гардеробную и закрываю за собой дверь в надежде, что то, что я хочу сказать этому человеку, будет достаточно приглушенным, чтобы Тейт не смог его услышать.

— Мистер Вэлор! — кричу я, прерывая человека на другом конце линии на полуслове. — Меня зовут Савана Севан, возможно, вы узнаете мою фамилию. Эта фамилия написана на боковой стороне стадиона, на котором ваш сын играет в футбол. Я уже второй раз слышу, как вы оскорбляете его, и это закончится сейчас, или я использую свое значительное богатство и ресурсы, чтобы положить конец вашей жизни, какой вы ее знаете.

Я развалю вашу жалкую маленькую компанию до основания и куплю ее за арахис, а затем распродам ее по частям и сделаю все, что в моих силах, чтобы обанкротить лично вас. Спущу на вас своих собак юристов и уничтожу каждую крупницу вашей репутации, пока вы не станете изгоем и отверженным. Люди будут издеваться, смеяться и сторониться вас. Вы верите, что имя и состояние Севана способны сделать все, что я только что описала?

Когда в трубке раздается лишь тяжелое молчание, я киваю, как будто он может меня видеть.

— Не отвечаете? Хорошо. Это значит, что вы воспринимаете меня всерьез. Теперь позвольте мне прояснить ситуацию, чтобы между нами не было недопонимания. Вы НЕ будете больше звонить своему сыну до дня драфта. Он находится под огромным стрессом и давлением, которые ваша версия "ободряющей беседы" только усугубляет. Вам не рады на моем стадионе, и я обязательно внесу ваше имя в список безопасности, чтобы вам было запрещено посещать любые выездные игры. Когда я положу трубку, вы не будете звонить Тейту и не будете делиться с ним этим разговором, иначе это повлечет за собой последствия. Вы напишете текстовое сообщение, в котором извинитесь за свое поведение, скажете ему, как вы гордитесь им и всей той тяжелой работой, которую он проделал, чтобы зайти так далеко, и что вы верите, что у него будет потрясающее будущее. Мистер Вэлор, мне нужно, чтобы вы сказали мне, что понимаете и согласны с моими условиями, или я сделаю первый из многих телефонных звонков создавая ваше не такое уж удивительное будущее.

Мои пальцы больно впиваются в бока телефона Тейта, пока я жду, примет ли его отец мой блеф. Я чертовски ненавижу, что мне пришлось отказаться от своей настоящей фамилии, это то, что я всегда отказывалась использовать, но Тейт не заслуживает оскорблений этого засранца. Когда он наконец заговаривает, я задерживаю дыхание, чтобы он не услышал, как оно вырывается из меня с облегчением.

— Мисс Севан, я согласен на ваши условия. Я... я прошу прощения за то, что вы подслушали. Я просто под своим...

— Это все, мистер Вэлор. Нет оправдания тому, что вы сделали со своим ребенком. Извиняйтесь перед ним... не передо мной!

Нажимаю на красную кнопку так сильно, что телефон вылетает из моей руки и падает на ковер экраном вверх, показывая, что звонок был завершен. Дыхание, которое я сдерживала, вырывается из меня, я опускаю руки на колени и задыхаюсь. Все мое тело дрожит от адреналина. Я никогда ни с кем так не разговаривала, и мой желудок крутит от тошноты. Протягиваю дрожащую руку, чтобы взять телефон Тейта. Я никогда никому не угрожала раньше, никогда. Возможно, я блефовала, но знаю, что если бы на меня сильно надавили, то я могла бы воплотить все эти угрозы в реальность, чтобы защитить того, кого я люблю... о ком забочусь.

Еще несколько глубоких вдохов, и я чувствую себя достаточно уверенно, чтобы открыть гардеробную и подойти к двери своей спальни. Встряхиваю руки, расправляю плечи и поднимаю голову, а затем отпираю и открываю дверь. Тейт стоит прямо там, опершись руками на раму, с выражением больного беспокойства. В его красивых лесных глазах есть намек на страх, когда он смотрит вниз на телефон в моей руке. Делаю шаг прямо к нему и поднимаю подбородок, чтобы прикоснуться губами к его губам.

— Ты чертова звезда, Тейт Вэлор. Я горжусь всем, что ты есть.

Его брови падают вниз, и он опускает руку, чтобы обхватить мою шею сзади.

— Детка, что ты наделала? — спрашивает он побежденным тоном как раз в тот момент, когда его телефон звонит в моей руке.

Отступаю назад, опускаю взгляд на дисплей, чтобы убедиться, что его отец действительно сделал то, что я сказала, а затем протягиваю ему телефон.

— Вот, это тебя. Мне нужно идти. Я опаздываю на работу.

Вкладываю телефон в его руку, нежно целую его в щеку и проскакиваю мимо него вниз по лестнице. Позже будут вопросы, но я думаю, что наконец-то готова рассказать им все.

Поднимаюсь по деревянной лестнице на главный этаж, вытираю пот с лица и накидываю полотенце на шею. Хорошо, что у меня нет занятий на каникулах, и я могу тренироваться дольше, чем обычно. Все мои дела на сегодня, это сделать заказ на Amazon, чтобы отправить сестрам рождественские подарки, а потом просто провалиться до вечера, в ожидании, когда я смогу пойти к своей Бабочке. Это последний шанс увидеть ее до нового года. «Маска» в основном рассчитана на университетскую аудиторию, поэтому, когда закрывается университет, закрывается и клуб.

Думаю о браслете с нежными золотыми бабочками, который лежит в моем комод. У меня возникла идея засунуть его в ее клетку сегодня вечером в надежде, что это откроет дверь между нами. Проблема в том, что второй браслет, который я купил, идентичен, за исключением того, что брелоки — это маленькие золотые книжечки. Даже не знаю, какого хрена я купил его для гусеницы. Когда я увидел его рядом с бабочкой, все, о чем я мог думать, это о Сави, теплой и мягкой в моих объятиях, когда она плакала, и о том, как она все время извинялась передо мной.

Качаю головой, зная, что не буду дарить подарки ни одной из этих разочаровывающих женщин в моей жизни, и иду на кухню, чтобы сделать протеиновый коктейль. Там я застаю Джуда, который, облокотившись на стойку, копается в кокосовых десертных батончиках, которые приготовила для него Сави. С каждым кусочком он стонет так, будто вот-вот кончит.

— Серьезно, мужик? Имей хоть немного достоинства. — Я смеюсь, но это только заставляет его взять кастрюлю скрюченными руками и фальшиво зыркнуть на меня.

— Моя прелесть!

Он запихивает в рот еще один кусочек, снова стонет и бормочет что-то прямо в еду.

— Это почти так же хорошо, как крем из ее вагины. Идите сюда, кокосовые, грязные, маленькие шлюшки. Буду есть вас весь день, пока моя куколка не вернется и я не смогу получить настоящую вкусняшку.

Услышав это, я, возможно, хлопнул большим контейнером с протеиновым питанием о прилавок чуть сильнее, чем нужно. Не думаю, что кто-то в этом доме спал, когда она кричала той ночью, наслаждаясь тем, что он делал с ней в ее комнате. Я заснул с твердым членом и проснулся таким же, черт возьми.

Достаю блендер и начинаю закидывать в него фрукты и овощи, когда Тейт и Бек спускаются по лестнице, чтобы присоединиться к нам. У Тейта потрясенное выражение лица, а Бек держит в руках пачку бумаг и смотрит на них так, будто это карта к гребаному Святому Граалю. Киваю головой на Тейта, пока закидываю в блендер ложку протеинового порошка.

— Что с тобой? Ты выглядишь так, будто увидел призрака.

Он просто качает головой, открывает свой телефон и передает его мне через остров.

— Прочти это.

Опускаю ложку обратно в контейнер и беру его у него, мои брови удивленно поднимаются.

— Это от твоего отца? Какого черта? Его похитили или что?

Передаю телефон Джуду, чтобы он прочитал, пока Тейт объясняет.

— Я включил громкую связь, положив телефон на кровать. Он читал мне свою обычную предматчевую тираду о том, какой я пиздатый неудачник, когда в мою комнату ворвалась Сави. Она выхватила у меня телефон, выскочила обратно и заперлась с ним в своей комнате. Думаю, она даже спряталась в гардеробной, потому что я прижался ухом к ее двери и не слышал ни слова из того, что она говорила. Через несколько минут она открывает дверь, говорит мне, что я чертова звезда, и что она гордится мной. Потом приходит смс, она отдает мне телефон, целует меня на прощание и говорит, что ей пора идти, потому что она опаздывает на работу.

Мы все недоуменно переглядываемся, когда Бек берет телефон, чтобы тоже прочитать сообщение, а Джуд разражается смехом.

— Ковабанга, чертова гангста-девчонка!

— Но что она, блять, сказала ему для такого поворота? — спрашиваю я, и Тейт вскидывает руки вверх, такой же недоумевающий, как и все мы.

Бек начинает качать головой, а по его лицу расплзается ухмылка. Он поднимает бумаги, которые изучал.

— Вы знаете, что это такое? Это три разных пути к карьере спортивного менеджера. Все, что потребуется, это несколько курсов и стажировка в агентстве, и я смогу стать агентом. Мне не придется работать на отца. Я мог бы попытаться остаться с вами, ребята. Не в качестве игрока, а в качестве менеджера!

Джуд ворчит вокруг очередного кусочка десерта.

— Хорошо, ты можешь стать моим. Мой менеджер гребаный проныра. Терпеть не могу этого урода.

Тейт хватается Бека за плечо и сжимает.

— Это чертовски круто, чувак. Я рад, что ты додумался до этого.

Бек оглядывает каждого из нас широко раскрытыми глазами.

— Только, блять, это не я додумался... а Сави. — Он поднимает бумаги и встряхивает их. — Я нашел эти бумаги на своей кровати вместе с запиской.

Он поднимает первую страницу и начинает читать с нее.

— *«Надеюсь, я не переборщила. Пожалуйста, не сердись. Мне просто неприятно видеть тебя таким подавленным и удрученным своим будущим. Я знаю, как много футбол значил для тебя, и просто хотела помочь тебе понять, что это все еще может быть твоей жизнью, если ты этого хочешь.»*

— Эта девушка... она наш гребаный единорог. Думаю, я хочу на ней жениться.

Закатываю глаза и насмехаюсь над этим. Достаточно драматично, блядь?

— Флаг в игру! — кричит Джуд. — Слишком поздно! Я уже сделал ставку на то, что она станет миссис Джуд Диксон.

Хватит с меня этого дерьма.

— Что, блять, с вами не так? Вы знаете эту цыпочку всего несколько месяцев, а уже ходите с сердечками и птичками, парящими вокруг вашей психованной головы. Это слишком даже для тебя, Джуд.

Он бросает свою вилку в раковину с такой силой, что она отскакивает и почти задевает меня. Его глаза немного дикие, когда он кричит мне в ответ.

— Нет, что, блять, с тобой не так, Эш? Позволь спросить, ты любишь Бабочку?

Отступаю назад и качаю головой.

— Я даже никогда с ней не разговаривал!

— Ладно, допустим, ты говорил, разговаривал с ней, я имею в виду. Допустим, ты узнал, кто она такая, и все хорошо. Насколько трудно было бы сразу полюбить ее после того, как ты был одержим ею последние два года?

— Какое отношение это имеет к тому, что вы все хотите жениться на книжном черве?

— Просто ответь на гребаный вопрос. Ты бы быстро влюбился в нее?

Я закрываю рот рукой и пытаюсь представить ее, но единственное, что приходит на ум, это большие голубые глаза, но не за маской, а за толстыми очками. Черт, черт!

Джуд удовлетворенно хмыкает.

— Ты не можешь ее увидеть. Что-то еще мешает. Или это кто-то другой? Эй, Эш, может быть, если ты будешь очень сильно смотреть и видеть достаточно ясно, ты получишь все, что захочешь.

Рычу: «Да пошел ты!», — но он только смеется надо мной и поворачивается к остальным.

— Я забыл спросить ее. Кто-нибудь знает, останется ли она здесь на каникулы или поедет домой к родителям?

Выражение лица Бека опускается.

— У нее нет родителей.

Это заставляет всех нас уставиться на него. Он проводит рукой по своему оскаленному рту, прежде чем продолжить.

— Она рассказала мне об этом в ту ночь, когда ее буря выбила ее из колеи. Мы немного поговорили, когда я остался с ней после кошмара. Ее мама умерла, рожая ее, а отец погиб в автокатастрофе на ее двенадцатый день рождения. Вот почему метель так сильно повлияла на нее. Она была заперта в машине с его телом более двух дней в бурю. Все, что у нее есть, это дерьмовая мачеха и эта стерва сводная сестра.

Тейт проводит рукой по волосам с раздражением на лице.

— Черт, мы должны убедить ее остаться здесь с нами. Она не может провести каникулы одна или, что еще хуже, с ними.

Джуд начинает подпрыгивать на месте.

— Хорошо, хорошо, хорошо! Мы должны стать Санта-папами для малышки. Нам нужна елка и все, что к ней прилагается. У меня уже есть для нее рождественский подарок в комод. — Его лицо становится серьезным, когда он смотрит на каждого из нас. — Она моя до конца, но мы семья, поэтому я не против, чтобы она была и вашей. Вы согласны?

Бек первым вступает в разговор.

— Я хочу ее больше, чем когда-либо хотел любую женщину, так что, да, я в деле.

Тейт начинает кивать.

— Все, что я сделал, это испортил с ней отношения, но я делаю успехи, чтобы все это исправить, так что если она примет меня, то я тоже за.

Они все поворачиваются и выжидающе смотрят на меня, поэтому делаю единственное, что могу сейчас сделать, хватаю блендер, выливаю его в раковину и ухожу.

Запираюсь в своей комнате на весь день и вечер, слишком злой, чтобы иметь дело с братьями. Два браслета лежат рядом на моей кровати, а я расхаживаю взад-вперед, пытаюсь разобраться в своей беспорядочной голове. Обе эти гребаные женщины заковали меня в цепи.

Я знаю все, что мне нужно знать о моей Бабочке. Знаю, когда у нее плохой день, знаю, когда она грустит и злится. Я могу прочесть каждую линию ее тела, когда она двигается

для меня, и она может читать меня так же хорошо. Она знает, когда у меня дерьмовый день, потому что она тратит больше времени на меня. Ее тело двигается для меня с обещанием, что все будет хорошо. Но я жажду от нее гораздо большего. Хочу, чтобы она отдалась мне и отдала мне всю себя без всяких барьеров между нами.

А еще есть Сави. Она раздражает меня до смерти, но только потому, что меня тянет к ней. Я знаю, что она носит маску другого типа. Она скрывает настоящую себя, позволяя нам лишь время от времени видеть проблески за маской. И каждая чертова вещь, которую мне удалось увидеть до сих пор, притягивает меня ближе к ней. Она такая чертовски... чистая. Она не играет в игры, насколько я могу судить. Она настолько реальна, насколько может быть реальной со всеми нами, и я хочу сорвать с нее маску, чтобы увидеть всю ее, так же сильно, как я хочу заглянуть за маску Бабочки.

Смотрю на будильник и рычу. Я потерял целый чертов день на этой ненормальной карусели "еenie теenie mineu mo". Иду в душ, переодеваюсь в джинсы и темно-синий худи, надеваю на запястье кожаный браслет и поворачиваюсь к кровати, чтобы посмотреть на браслеты-шармы.

Время вышло, ублюдок... выбирай.

Моя рука выхватывает выбранный браслет, и я засовываю его в передний карман. Черт.

В клубе безумно много народу, ведь это последняя ночь перед тем, как большинство этих ублюдков улетят домой на каникулы. Меня бесит, что Тейт, Бек и Джуд отказались пойти со мной, поэтому я пью рюмку за рюмкой виски за своим пустым столиком и смотрю на свою Бабочку грустными глазами. Достая из кармана браслет, кручу его на пальце, посылая крошечные брелки в полет и заставляя их сверкать под мигающими огнями. Я здесь, чтобы закрепить решение, к которому пришел.

Сегодня она в красном. Красные крылья, красные волосы, красные каблуки, черное кожаное мини с красными стрингами и обрезанная красная прозрачная рубашка с черным бюстгалтером, обтягивающим ее великолепные сиськи. Мне кажется, она знает, что со мной что-то не так, потому что она все время поворачивается в мою сторону. Знает ли она, что я решил? Знает ли она, как тяжело мне это дается? Как сильно я хочу чего-то настоящего, чего-то большего?

Кто-то загораживает мне вид на нее, но вместо того, чтобы пройти мимо, женщина забирается ко мне на колени и усаживается на меня. Прежде чем я успеваю сбросить ее на задницу, она хватается за голову и придвигается ко мне вплотную, пока ее губы не оказываются напротив моего уха. Теперь я вижу, что Бабочка застыла в глубоком приседании, вцепившись пальцами в прутья. Ее электрически-голубые глаза смотрят на меня, полные боли, и ее идеальные губы приоткрываются. Нет! Я не могу позволить ей так думать. Не могу причинить ей такую боль, поэтому я упираюсь в бедра женщины, чтобы столкнуть ее со своих колен, но, прежде чем я успеваю это сделать, она шепчет мне на ухо.

— Моя сестра обманывала всех вас. Она играла в игру и превратила вас всех в дураков.

Я слышу ее слова, но я так сосредоточен на своей Бабочке, что сбрасываю с себя на пол сестру Сави и перешагиваю через нее, чтобы добраться до клетки моей девочки, оставив браслет с книжными шармами на столе.

Бабочка ударяет рукой о прутья и поворачивается ко мне спиной как раз в тот момент, когда какой-то пьяный ублюдок проникает между прутьями, хватается за юбку и дергает.

Два шага все, что мне нужно, чтобы добраться до клетки, и я бью кулаком по его лицу за то, что он посмел прикоснуться к тому, что еще несколько часов принадлежит мне.

Поворачиваю голову обратно к ней, но она смотрит через плечо на свою юбку, поэтому я отслеживаю ее взгляд, и в этот момент все внутри меня взрывается от ярости, когда я смотрю на фиолетово-голубую бабочку, которую в последний раз видел на гребаном бедре Сави.

С Эшем что-то не так. Меня не удивляет, видеть его здесь в последнюю ночь работы клуба, но удивляет то, что он здесь один и пьёт рюмку за рюмкой. Он выглядит... грустным. Как будто он о чем-то задумался, но его глаза не перестают следить за мной, и я делаю то, что всегда делаю, когда он приходит сюда в плохом настроении, танцую для него и только для него. Каждым движением, поворотом и выпадом своего тела я говорю ему, что вижу его и что он не один.

Блондинка делает шаг между нами, но потом падает к нему на колени, его руки обхватывают ее, и она прижимается губами к его губам. Боль жестокая и мгновенная, как будто часть меня только что оторвали. Все мое тело застывает на месте, когда я смотрю на предательство. За все время, что он приходил наблюдать за мной, он ни разу не брал девушку на колени, как это делали другие. Видеть, что это моя сестра, та, кто ненавидит меня больше всех, кто заставил меня пройти через столько всего, опустошает меня.

Ударяю рукой по прутьям, а затем отворачиваюсь и сжимаю руки на талии, как будто могу удержать ущерб, который он нанес. Я собираюсь покинуть клетку, это место, но какой-то мудака проникает сквозь прутья и хватает меня за подол юбки, притягивая назад. Ткань тянется вниз, обнажая изрядную часть моей задницы с той самой стороны, и я наполовину поворачиваюсь, чтобы зарычать, но звук застревает у меня в горле, когда я вижу, как Эш подбегает к моей клетке и бьет парня прямо в лицо. Смотрю вниз, чтобы проверить, не порвалась ли юбка, но встречаю его шокированный взгляд, устремленный прямо на мою задницу.

Поворачиваюсь, чтобы посмотреть, на что он смотрит, и замечаю свою татуировку в виде бабочки.

Воспоминания о той ночи на кухне пронзают меня. В тот вечер он впервые положил горячие, грубые пальцы на мою кожу, проводя ими по татуировке, и это заставляет меня задохнуться от отчаяния. Дергаю юбку обратно, но уже слишком поздно. Ущерб уже нанесен. Он врезается в решетку в нескольких сантиметрах от меня. От ярости и гнева, которые я вижу в его нефритовых глазах, в животе образуется твердый клубок. Челюсть Эша становится жесткой, когда он рычит сквозь стиснутые зубы.

— Гусеница все это время была бабочкой. Сними свою маску и покажи мне свои крылья, детка, потому что я собираюсь оторвать их...

Смотрю на него, не в силах вымолвить ни слова, а затем делаю единственное, что может сделать бабочка, когда опасность близка, я поворачиваюсь и улетаю. Мчусь по подиуму так быстро, как только могу, на своих шпильках, прямо в примерную. Я не могу удержаться, чтобы не оглянуться еще раз, и то, что я вижу, заставляет меня остановиться и схватиться за перила. Эш поднимает мою сестру на ноги, а затем тащит ее к лестнице, ведущей к выходу.

Нет, нет, нет, нет! Достаточно того, что он узнал таким образом о Бабочке, я не могу позволить им всем узнать мой самый большой секрет от Ванессы. Это должна быть я. Я должна быть той, кто расскажет им! Врываюсь в примерную, срываю маску и крылья и бросаю их на стойку с косметикой. Нет времени переодеваться, мне нужно успеть добежать до дома, пока она не начала свою кровавую бойню по всей моей жизни. Хватаю куртку и сумочку из шкафчика, оставляя все остальное, бегу к черному выходу, хлопаю дверь в

гараж и, пошатываясь, останавливаюсь.

Нет никакой гребаной очереди из Ubers, ожидающих меня. Конечно, нет! До закрытия еще два часа. Нет никаких причин, чтобы машины еще были здесь. Кричу от досады, и она эхом отдается во мне, когда я хватаюсь за телефон и заказываю машину. Ближайшая из них через восемь минут. Думаю о том, чтобы добежать до входа в клуб, где, как я знаю, будет очередь из такси, но к тому времени, как я это сделаю, ближайший Uber будет уже почти здесь, поэтому я просто заказываю его и шагаю взад-вперед. Мои каблуки звонко стучат по бетону, и эхо кажется усиленным, пока я медленно схожу с ума от тревоги и страха.

Я собиралась, блять, сказать им! Я уже решила, что сделаю это завтра, до того, как ребята уйдут на свою игру. Я пытаюсь запустить руку в волосы, но синтетические пряди цепляются за пальцы, поэтому я срываю парик и бросаю его вниз, а затем выдергиваю все шпильки из волос, чтобы освободить их. Мне кажется, что меня сейчас стошнит от всепоглощающего стресса. Вместо этого я кричу: "Черт!", и парик насмешливо отскакивает назад.

Этого не должно было случиться. Они не должны так сильно заботить меня. Стены. У меня не просто так были эти гребаные стены!

В этот момент я понимаю, что я жила за своими масками каждый чертов день, в клубе и вне его. Не только потому, что я боялась быть той женщиной, которой, как мне казалось, я хотела бы быть, но и потому, что я была в ужасе от того, что кто-то меня увидит. Боялась, что кто-то полюбит меня, а потом оставит. Каждый человек, который когда-либо любил меня, бросил меня. Я сделала все, чтобы быть одинокой и сломленной, боялась жить, чтобы это никогда не повторилось. И теперь это случится снова. Они будут ненавидеть меня за ложь, за все секреты, которые я скрывала, и тоже покинут меня.

К тому времени, когда появляется машина, я в полном беспорядке, но в то же время уже смирилась. Это моя жизнь. Не знаю, почему я думала, что может быть по-другому. Я игнорирую попытки водителя поболтать со мной, пока он не сдастся, и сосредотачиваюсь на снеге, который начал падать, когда мы поворачиваем на мою... их улицу. Прошу водителя подождать, зная, что я не задержусь здесь надолго.

Входная дверь распахнута настежь, как будто Эш не мог дождаться, когда доберется до остальных, чтобы рассказать им, какая я гребаная лгунья. Иду прямо на кухню, не потрудившись снять пиджак и туфли на шпильках. Они все там выстроились, скрестив руки, пока моя сестра выкладывает все мои секреты, стоя ко мне спиной.

— ...может купить и продать каждого из вас. Ее имя буквально написано на стадионе, на котором вы играете в футбол! Она делала из вас дураков все это время!

Джуд замечает меня первым, и его руки опускаются, когда он качает головой в мою сторону. В его глазах обида, но это не ярость, которая, как я вижу, все еще бушует в глазах Эша, так что, возможно, еще не все потеряно. Эта мысль улетучивается, как снежинки, падающие снаружи, когда Ванесса поворачивается и видит меня. Она рассматривает мой наряд широкими глазами и начинает злобно смеяться.

— Вот ты где, сестренка! Я как раз посвящала твоих мальчиков-трахарей в твою маленькую аферу. Подумала, будет справедливо рассказать, что ты наследница миллиардов и что ты играла с ними все это время.

Пытаюсь покачать головой, когда мой рот открывается, чтобы отрицать это, но она поворачивается к ним и продолжает свою ложь.

— Она нета, за кого себя выдает! Для нее это все игра. Сави притворяется одинокой

ботаничкой, чтобы завлечь парней и поиграть с ними в свои большие извращенные игры. Она уже делала это раньше с другими парнями. Ей даже удалось убедить Хантера, что она девственница! Она развратная шлюха, которая трахнет кого угодно, лишь бы удовлетворить свой больной разум.

— Нет! Я никогда...

— Она позор для нашей семьи. У нее проблемы с психикой. Поэтому мы заставляем ее пользоваться девичьей фамилией матери. Ходили даже слухи, что она как-то связана с несчастным случаем произошедшем с ее отцом!

Я потрясенно вдыхаю, что она так низко опустилась, так ненавидит меня, что сказала такую ужасную ложь.

— Нет, нет, нет, ничего подобного... — шепчу я.

— Она чертова фальшивка! Все, что связано с моей сестрой фальшивка, а вы все дураки, что повелись на это! — Ванесса кричит, и это нарушает контроль Эша. Он рычит и делает угрожающий шаг ко мне.

— Да, это так! Ты гребаная фальшивка. Два долбанных года ты меня обманывала! Все, что выходит из твоих уст — ложь.

Яростно трясу головой и отрываю взгляд от его лица, чтобы посмотреть на Тейта, но он только качает головой с выражением отвращения. Бек смотрит на меня мертвым взглядом, словно осмеливаясь опровергнуть ее слова, но именно Джуд вырывает то, что осталось от моего сердца, из моей груди.

Он сужает глаза, бросает на меня опасный взгляд, качает головой и говорит:

— Ты играла со мной, куколка?

И с его потерей веры в меня, щелкает переключатель, и я становлюсь пустой. Боль уходит, дрожь проходит, и все чувства — любовь, которую я испытывала к ним, потому что я... я признаю это сейчас... я любила их, исчезает. Мои руки, которые я держала поднятыми, как будто могла как-то остановить это, опускаются к бокам, и, бросив последний взгляд на каждого из них, поворачиваюсь и иду к двери. Ванесса громко смеется, а затем наносит последний удар мне в спину.

— О, Саванна, чуть не забыла... С Днем Рождения, мать твою!

Это почти ломает меня. Этот день... этот проклятый день. Этот день, который я отказываюсь признавать. Этот день, который я пытаюсь игнорировать каждый год. В этот день умерла моя мать. В этот день умер мой отец, когда я прижималась к нему своим маленьким телом на холоде. Спотыкаюсь на каблуках, но прижимаю руку к стене, чтобы удержаться в вертикальном положении, и скольжу по ней остаток пути, пока не выхожу через парадную дверь. Крики и драка, происходящие позади меня, стихают, даже когда я слышу, как Джуд выкрикивает мое имя, продолжаю идти по дорожке к ожидающей меня машине. Снежинки падают на мое бледное лицо и тают, стекая по щекам, как слезы, которым я отказываюсь дать упасть.

И только когда машина высаживает меня на подземной парковке клуба, я наконец ломаюсь. Падаю на колени на немилосердный бетон, когда буря боли, страданий и предательства кружится вокруг меня, избивая меня, разбивая на части. Когда больше не могу выдержать ни секунды, я открываюсь всему этому, всасываю и позволяю реформировать меня.

Разбитые части собираются во что-то другое, что-то новое, и когда я открываю глаза... я и есть буря. Они хотят верить Ванессе? Поверить, что я фальшивка, что я обманула их, что я

игрок? Она хочет играть со мной, трахаться со мной?

Встаю прямо, расправляю плечи и сдерживаю слезы. Ладно, я могу это сделать, могу играть. Я достаточно долго плясала под их дудку. Теперь их очередь плясать, гореть, под мою. Я надену новую маску для всего мира, и на этот раз никто никогда не сорвет ее с меня.

Открываю телефон и нажимаю на кнопку, чтобы сделать звонок.

— Дядя Марк? Я готова... готова подписать бумаги. Мне сегодня двадцать один год, и я достаточно долго откладывала это. Пришли самолет, пожалуйста. Я прилечу в Нью-Йорк.

Продолжение следует в книге «Гори, Бабочка, Гори»